A portrait of Margaret Thatcher, the former Prime Minister of the United Kingdom, is the background of the book cover. She is shown from the chest up, wearing a dark, patterned jacket and a pearl earring. Her hair is styled in her characteristic short, wavy bob. The background behind her is a light-colored, possibly white, fabric.

ВОСПОМИ-
НАНИЯ
О
МЭГГИ

Портрет
Маргарет
Тэтчер

Составитель Иэйн Дейл

Знання-Прес

Memories of Maggie

A Portrait of
Margaret Thatcher

Edited by

Iain Dale

ВОСПОМИНАНИЯ О МЭГГИ

Портрет
Маргарет
Тэтчер

Составитель Иэйн Дейл

685564

Київ

"Знання-Трес"

2003

УДК 82-94
ББК 66.61(4/8)
В77

MEMORIES OF MAGGIE
A Portrait of Margaret Thatcher
Edited by Iain Dale

Перевод с английского *М.Ю. Зарицкой*

Воспоминания о Мэгги: Портрет Маргарет Тэтчер: Пер.
В77 с англ. / Сост.: Иэйн Дейл. — К.: Знання-Прес, 2003. — 349 с.
ISBN 966-7767-69-8 (рус.)
ISBN 1-902301-51-X (англ.)

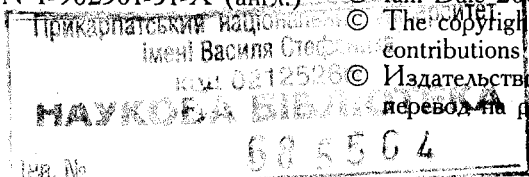
В этой книге собраны рассказы о Маргарет Тэтчер известных политиков, членов Кабинета Министров Великобритании, членов Парламента, журналистов, многих других людей с мировым именем. Все они предоставили свои воспоминания, зная, что гонорар за эту книгу будет перечислен на счет одной из благотворительных организаций леди Тэтчер — Национального общества предотвращения жестокого обращения с детьми. Рассказы авторов воспоминаний занимательны, информативны, а в некоторых случаях довольно трогательны. Они повествуют о триумфах и поражениях Маргарет Тэтчер, ее отношении к коллегам, подчиненным, обслуживающему персоналу, простым людям, дают читателю представление о характере леди Тэтчер, ее политических взглядах, подчеркивая ее человечность и доброжелательность.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-94
ББК 66.61(4/8)

ISBN 966-7767-69-8 (рус.) Copyright in this selection and introduction
ISBN 1-902301-51-X (англ.) © Iain Dale 2000

© The copyright in the individual contributions lies with the contributors
© Издательство "Знання-Прес", перевод на русский язык, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию на русском языке	7	Сэр Тедди Тейлор	101
Предисловие	10	Вацлав Клаус	104
Лорд Биффен	17	Алекс Эйкен	107
Адам Боултон	22	Анжела Браунинг	109
Сэр Арчи Гамильтон	28	Шерил Джиллан	110
Хьюго Янг	34	Лорд Беллвин	112
Джиллиан Шепард	39	Николас Ридлей	116
Лорд Уайтлоу	42	Ник Хаукинс	120
Сэр Альфред Шерман	47	Оливер Летвин	123
Баронесса Хендонская Миллер	52	Джон Редвуд	126
Граф Кейтнесский	55	Сэр Малкольм Рифкинд	131
Лорд Бейсуотерский Поуэлл ...	58	Сэр Робин Батлер	133
Дэвид Прайор	62	Алан Кларк	138
Сэр Джордж Гардинер	63	Сэр Робин Дэй	146
Лорд Клешфернский Маккей	69	Рональд Рейган	151
Мэтью Перрис	72	Сэр Рональд Миллар	154
Лорд Оуэн	74	Сэр Джон Джуниор	158
Сэр Майкл Спайсер	81	Лорд Аберэйвонский Хоу	161
Лорд Родингский Дженкин	84	Лорд Крикхоуэлл	168
Патрик Николс	91	Баронесса Трампингтон	173
Сэр Питер Эмери	93	Лорд Джоплинг	175
Лорд Ильминстерский Армстронг	95	Баронесса Фукис	177
Себастьян Коу	97	Лорд Лервикский Ламонт	178
Адмирал Сэр Джон Вудвард	99	Сэр Кристофер Лоусон	181
		Лорд Доркингский Бейкер ..	183
		Александр Хейг	190
		Сэр Дэвид Стил	192

Эдвард Пирс	193	Алан Дункан	273
Нил Гамильтон	196	Эндрю Роу	275
Кристин Гамильтон	198	Сэр Дэвид Митчелл	278
Сэр Марк Леннокс-Бойд	200	Эдвина Керри	280
Майкл Доббс	202	Эрик Форт	284
Сэр Ричард Нидхем	205	Говард Флайт	286
Салли Пайпс	207	Лоуренс Робертсон	288
Лорд Уэйкхем	211	Лорд Дэнхем	290
Бернард Дженкин	215	Лорд Гаррис	292
Питер Лиллей	216	Лорд Теббит	296
Боб Хаук	218	Патрик Минфорд	298
Терри Мейджор-Болл	221	Квентин Дэвис	300
Михаил Горбачев	224	Сэр Ричард Боди	304
Гарви Томас	230	Роберт Кей	307
Сэр Рекс Хант	233	Сэр Джон Стенли	312
Элиор Лейнг	245	Джон Уайтингдейл	314
Сэр Норман Фоулер	246	Энн Уиддкомб	319
Лорд Уоддингтон	250	Майкл Брансон	321
Виконт Тонипендийский	254	Сэр Эдвард дю Кани	324
Баронесса Кокс	256	Баронесса Никольсон	328
Лорд Греффхемский Янг	259	Сэр Брайан Моувинни	332
Баронесса Секкомб	262	Майкл Говард	334
Генерал-майор Джулиан Томпсон	265	Пол Эллиот	337
Джон Бланделл	266	Майкл Кокерелл	341
Дэвид Дэвис	272	Джулия Ленгдон	344
		Уильям Хаг	348

Предисловие к изданию на русском языке

Эта книга об уникальной личности, талантливом политике и интересном человеке, имя которого уже при жизни стало легендой. Маргарет Тэтчер — первая женщина-премьер Соединенного королевства, лидер Консервативной партии в течение 14 лет (1975—1990), глава правительства в продолжение более 11 лет (1979—1990), один из наиболее известных политических лидеров Западной Европы последней четверти XX века. Она самозабвенно служила на благо Великобритании не только одиннадцать с половиной лет премьерства, но и на протяжении всей своей жизни.

Как руководитель страны она обладала непререкаемым авторитетом и филигранным искусством отстаивать свои позиции. В любой ситуации Маргарет Тэтчер проявляла железную выдержку и исключительную силу воли. Какими бы драматичными ни были обстоятельства, она всегда с достоинством преодолевала их.

Как отмечают сами британцы, Маргарет всегда больше любила за пределами родины. Она находила поддержку со стороны руководителей многих стран, а в особенности со стороны США, когда президентом страны был Рональд Рейган. И эта поддержка была ей необходима. Маргарет Тэтчер досталась страна, которая нуждалась в серьезном “лечении”: высокий уровень безработицы, инфляция, забастовки, экономический кризис — таковы были реалии Англии 1979 года.

Чтобы стабилизировать экономику страны, правительству Тэтчер приходилось идти на очень жесткие, часто непопулярные меры. Поэтому должность премьер-министра не принесла Тэтчер уважения сограждан, ее даже называли “самой непопулярной женщиной Великобритании” того времени. Находясь под шквалом

критики со стороны простых граждан и со стороны членов парламента, Тэтчер сохраняла завидное спокойствие и продолжала руководить страной так, как считала нужным: взвешенно, последовательно и бескомпромиссно.

Практически все ее оппоненты и противники отмечают непреклонность, категоричность, а порой даже яростность Тэтчер в стиле руководства и политических дискуссиях, что впоследствии получило название “тэтчеризм” и сыграло не последнюю роль в ее досрочном уходе в отставку.

Для осуществления своей политики Тэтчер нуждалась в сильной команде. И она ее сформировала. Но, как теперь пишут журналисты и историки, во все времена ее окружали соратники, помощники, подчиненные, но не друзья. Соратники уважали ее, помощники — слушались, подчиненные — боялись. Такой расклад сил вполне устраивал Маргарет Тэтчер, но его было недостаточно для того, чтобы защитить Тэтчер на политическом олимпе, и в конце концов это завершилось тем, что она в расцвете сил вынуждена было оставить пост премьер-министра.

Маргарет Тэтчер принадлежит особая роль в установлении конструктивного диалога СССР с западными странами. Именно М. Тэтчер приняла М.С. Горбачева как нового советского руководителя, молодого, потенциального лидера, ввела его в круг политической элиты мира и “благословила” на дальнейшую деятельность в осуществлении перестройки.

Госпожа Тэтчер неоднократно посещала Советский Союз и Украину. В Украине и Российской Федерации есть немало известных людей, которые встречались с Тэтчер и могли бы рассказать о ней много интересного.

Пристально вглядываясь в политический портрет Премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, пытаюсь понять феномен этого политического лидера, оценить ее энергию, удивляясь, как много она успела сделать, мы постоянно помним, что Маргарет Тэтчер — не только премьер-министр, глава правительства, не только деловой человек, но и женщина.

Опыт политической борьбы Маргарет Тэтчер, опыт ее жизни как руководителя страны, как человека XX столетия интересен не только британцам. Он интересен и нам: он многому нас учит.

Хочется привлечь внимание читателя только к одной детали.

Госпожа Тэтчер была Премьер-министром Великобритании — по нынешним стандартам одной из наиболее благополучных стран Западной Европы. Судьба Маргарет Тэтчер показывает, насколько напряженной политической, экономической, внутренней, международной жизнью живет современная Великобритания, с какой самоотверженностью борется народ этой страны, его политическая элита за надлежащий уровень жизни и надлежащие темпы развития.

Примеряя к себе западные одежды, стремясь к уровню жизни западных стран, мы должны отдавать себе отчет в том, что и наши усилия должны быть столь же самоотверженными, и наших политических лидеров хочется видеть столь же преданными своему делу, интересам своей страны, столь же честными, трудолюбивыми и бескомпромиссными.

*Владимир Разумный, главный редактор
издательства "Знания-Прес",
кандидат философских наук*

Посвящается Элинор Дениэлс

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея создания этой книги пришла ко мне во время путешествия в Соединенные Штаты Америки, когда мне в руки попала чудесная книга под названием “Воспоминания о Рейгане. Портрет Рональда Рейгана” (под редакцией Питера Ганнафорда, опубликованная издательством “Морроу” в 1997 г.). Тогда я подумал, что то, что достаточно хорошо для Рональда Рейгана, будет достаточно хорошо и для Маргарет Тэтчер, но до поры до времени отложил эту идею. В конце концов, решил, что выход в свет этой книги должен быть приурочен к десятой годовщине заявления М. Тэтчер об отставке (возможно, точнее будет сказать — свержения) с поста Премьер-министра. Так же, как американцы помнят о том, где они были в момент, когда стреляли в Кеннеди, большинство людей в Великобритании точно помнят, где они были, когда услышали об отставке Маргарет Тэтчер.

Составление, редактирование и, конечно, публикация этой книги доставили мне большое удовольствие. Я очень благодарен авторам воспоминаний, чьи рассказы занимательны, информативны и, в некоторых случаях, довольно трогательны. Все они предоставили свои воспоминания, зная о том, что гонорар за книгу будет перечислен на счет одной из любимых благотворительных организаций леди Тэтчер — Национального общества предотвращения жестокого обращения с детьми (НОПЖОД), и мы очень благодарны им за сотрудничество.

С главами этой книги можно ознакомиться на новом веб-сайте Маргарет Тэтчер в интернете: <http://www.margaret-thatcher.com>. Вы также можете поделиться своими воспоминаниями на указанном сайте или прислать их по электронной почте (объемом 400—1500 слов) по адресу memories@margaret-thatcher.com.

Когда речь идет о такой книге, как эта, в особенности, когда она называется “Воспоминания о Мэгги”, возникает опасность, что она будет восприниматься как дань уважения к кому-то, кого уже нет с нами. Маргарет Тэтчер, совершенно определенно, продолжает оставаться составляющей политической палитры нашей страны и еще долго будет оставаться ею. Ее взгляды сегодня, возможно, еще более актуальны, чем когда-либо прежде. Трагедия состоит в том, что всякий раз, когда она высказывает свое мнение, его неизменно трактуют как атаку на ее преемников на посту Премьер-министра, поэтому она редко выступает с высказываниями по поводу внутренней политики. В своей стране мы никогда не знаем четко, что делать с экс-премьер-министрами, поэтому наши средства массовой информации выискивают признаки разногласий и противоречий. Если бы мы только смогли найти для экс-Премьер-министров подходящую роль, политическая жизнь их преемников была бы гораздо более комфортной.

В этой книге собраны рассказы мировых лидеров, бывших членов Кабинета Министров, членов парламента, журналистов, государственных служащих и многих других людей, у которых были памятные встречи с Железной леди. Кроме того, нам удалось заручиться поддержкой нескольких ведущих издательств, которые предоставили нам право на перепечатку соответствующих отрывков из воспоминаний, в частности, Рональда Рейгана, Михаила Горбачева и покойного Алана Кларка.

Во введении к моей предыдущей книге о Маргарет Тэтчер “Как я сказала Дэнису. Книга цитат из Маргарет Тэтчер” (“Робсон Букс”, 1997) я сказал, что цель написания книги состоит в том, чтобы дать читателю представление о характере Маргарет Тэтчер и ее политических взглядах. Это в еще большей степени относится к настоящей книге, и я надеюсь, что мне удалось в некоторой степени разрушить миф о Маргарет Тэтчер как о твердом, безжалостном политике, имеющем порой недобрые намерения.

Надеюсь, что Вы, читатель, получите удовольствие от рассказов очевидцев, включенных в эту книгу, и извините за то, что я начну со своих собственных воспоминаний.

Моя первая встреча с Маргарет Тэтчер произошла в 1983 г., когда она пригласила председателей различных университетских ассоциаций консерваторов на прием в резиденцию Премьер-министра. Для сельского паренька, вроде меня, почти невероятно было получить такое приглашение, и этого события я ожидал в течение не одного месяца. Стоило приехать издалека хотя бы только для того, чтобы подняться по этой лестнице с портретами всех премьер-министров прошлых времен на стенах. А наверху лестницы стояла госпожа Премьер-министр. Было совершенно очевидно, что она в совершенстве владеет искусством приглашения на приемы: пожимая руку прибывшему и желая ему приятного вечера, она ненавязчиво препровождала его в зал. Здесь было большинство членов Кабинета. Припоминаю, как с Сесилом Паркинсоном мы разговаривали о том, что ему прислали бесплатно несколько пар кроссовок после того, как из недавно опубликованного очерка мир узнал, что он любит бег. Он даже предложил пару кроссовок мне, однако его размер обуви оказался меньшим, чем у меня! Мы налегали на вино, и я сказал себе, что после второго бокала следует остановиться. Но когда второй бокал был опустошен, я почувствовал себя довольно неловко без бокала в руке, так что взял следующий. Как раз в тот момент, когда госпожа Премьер-министр проходила мимо меня, я сделал глоток из него. Все, что я помню дальше, — это то, как у меня свело живот и меня чуть было не вырвало прямо у ног Премьер-министра, что положило бы конец моей славной политической карьере, в которой едва был сделан первый шаг. К счастью, я сумел одолеть свой живот, и все разрешилось благополучно. Оказалось, что в стакане вместо белого вина было виски.

Позднее, в тот же вечер, в то время, когда я разговаривал с депутатом парламента от моего округа Аланом Хейзелхерстом, раздался сигнал, призывающий членов парламента вернуться в зал для голосования. Хотя на приеме присутствовало как минимум 40 членов парламента, ни один из них не тронулся с места, чтобы пересечь улицу и отправиться голосовать в Палату общин. Госпожа Тэтчер начала проявлять признаки раздражения — она явно была не в восторге. В конце концов она вышла в центр зала, сняла одну из своих туфель и ударила ею об пол. Мгновенно

воцарилась тишина. После чего госпожа Премьер-министр заговорила: “Не соблаговолят ли все члены парламента от консерваторов немедленно покинуть это здание, — сказала она. — А остальные останутся и будут наслаждаться обществом друг друга”. Естественно, все мы шумно смеялись, наблюдая за тем, как члены парламента, чем-то напоминая стадо овец, толпой повалили из зала.

По окончании университета я получил в Палате общин должность помощника-аналитика при депутате от графства Норфолк. Он не принадлежал к числу известных членов парламента и никогда не стремился быть на виду. На заседаниях он всегда садился в стороне и, не желая присоединиться к клану продажных членов парламента, посвятил себя своим избирателям. Эта тактика оправдала себя, и он сохранил за собой место в парламенте после двух последующих выборов. Если и был когда-либо в парламенте депутат, который ничем себя не запятнал, так это именно он. Но однажды из-за допущенной мною по невнимательности ошибки он стал объектом обвинений в грязных делишках. У нас в округе был клуб для бизнесменов под названием “Вестминстер Секл”. Он служил двум целям: во-первых, для укрепления связей депутата парламента с местными деловыми кругами, а во-вторых, для привлечения средств на поддержание очень бедной ассоциации избирателей. За 100 фунтов стерлингов в год деловые люди могли вступить в клуб и быть приглашены в Палату общин на обед, в котором, как правило, принимал участие министр Кабинета Министров, а также на еще один обед — в избирательном округе, в котором принимал участие министр рангом пониже. Такие клубы имели все партии повсеместно, по всей стране. Но в рекламном проспекте, выпущенном с целью привлечения в клуб новых членов, я употребил выражение “с прямым доступом к министрам правительства”. Я имел в виду, что они смогут встретиться и пообщаться с министром правительства во время обеда. (В то время, до наступления эры “утром деньги — вечером стулья”, все мы были довольно наивными.) Но это все же погубило меня — и чуть было не погубило моего работодателя.

И вот, в какой-то из вторников, после обеда, он узнал, что на заседании парламента, на котором депутаты будут получать отве-

ты Премьер-министра на свои вопросы, лидер Либеральной партии Дэвид Стил собирается задать вопрос госпоже Премьер-министру по поводу злополучного объявления. Он безотлагательно встретился с нею в ее кабинете, расположенном позади кресла спикера, и, должно быть, едва нашел, что сказать, но она, по его словам, повела себя блестяще. Она предложила ему присесть, угостила кофе и выслушала его. Не скрывая своего недовольства Стилом, она отметила, что такое поведение типично для него. Она сказала, что Стилу не поздоровится и конечно сделала это! Вернувшись с заседания парламента, депутат рассказал мне о том, что произошло. Я был полностью прощен.

Несколько месяцев спустя я был на ленче с несколькими депутатами-тори в парламентском кафетерии. Мы как раз заканчивали есть, когда вошла госпожа Тэтчер со своей свитой. Она поставила на поднос легкий ленч — гренки с сыром. К сожалению, поскольку с едой было покончено, у нас не было причины задерживаться в зале дольше, так что нам пришлось выйти, сожалея о том, что мы пошли на ленч слишком рано. Через пару минут я спохватился, что оставил свои бумаги и журналы на столе в кафетерии и вернулся, чтобы забрать их. Случилось так, что группа, в которой находилась госпожа Тэтчер, села за тот же стол, за которым до того сидели мы, и мои бумаги оказались под ее локтем. Я собирался с духом, чтобы перебить их беседу и попросить свои бумаги. Но только я собрался говорить, как мой взгляд упал на стопку бумаг и я с ужасом увидел, что наверху ее лежит свежий выпуск “Прайвит Ай”, где на обложке напечатан достаточно нелестный снимок Дэниса Тэтчера. Госпожа Тэтчер поняла, чего я хочу, убрала свой локоть и взглянула на журнал с оскорбительной фотографией. Мое сердце замерло. “А, “Прайвит Ай”, Дэнису очень нравится этот журнал”, — заметила она. К своему бесконечному стыду я просто сгреб журнал вместе с остальными бумагами, извинился и вышел. Каков слизняк!

В 1995 году я сопровождал своего американского друга Дениэла Форрестера в Клубе реформ на церемонии вручения ежегодных премий имени Т.Е. Атли, присуждаемых молодым журналистам. Леди Тэтчер была приглашена для вручения премий. Она доставила нам удовольствие, выступив с получасовой речью-экс-

промтом по актуальным политическим вопросам, причем нам показалось, что это длилось не более пяти минут — что можно считать достижением, поскольку аудитория должна была в течение всей речи слушать ее стоя. После того, как она закончила, Дениэл шепотом сказал мне: “Мне необходимо с ней познакомиться, что я должен для этого сделать?” Предполагая, что высокий, шести футов роста, темноволосый американец не может не понравиться, я посоветовал ему пойти и представиться самому. Но он вдруг оробел, поэтому я в конце концов подтолкнул его к месту, где леди Маргарет беседовала с несколькими лауреатами премии. Как и подобает американцу, он начал со льстивого вступления, которое немедленно овладело ее вниманием: “Госпожа Тэтчер”, — начал он. Я толкнул его. “М-м-м, леди Тэтчер, — поспешно исправил он свою оплошность. — Позвольте сказать Вам, как сильно моей стране не достает такого лидера, как Вы...”, и он еще некоторое время изъяснялся в том же духе. Пока он говорил, глаза миниатюрной Железной леди (ведь она значительно меньше ростом, чем большинство людей представляют себе) впилась в его глаза, и она глядела на него, ни на секунду не отрывая взгляда. Когда Дениэл наконец закончил, леди Тэтчер на одном дыхании сказала: “Ваш президент, президент Клинтон, — она сделала паузу, во время которой ситуация приобретала для нашего американского друга все больший драматизм. — Он большой специалист по *общению*”. Ее указательный палец поднялся вверх и почти ткнулся в грудь Дениэла. “Проблема в том, что ему абсолютно нечего *сообщить*”. Сказав это, она вышла, почти выбежала. Дениэл наконец-то спустился с девятого или какого там неба, где он находился, и сказал: “Я буду помнить это всю оставшуюся жизнь”. И с тех пор, будучи известным оппонентом Билла Клинтона, он постоянно делает деньги именно на этом.

Моя последняя встреча с Маргарет Тэтчер состоялась на приеме по поводу выхода на пенсию Майкла Брансона, политического редактора канала “Ай-Ти-Эн”, которого там теперь так не хватает. Мой друг — тори Алан Дункан, депутат парламента от Рутланда, начал разговор с ней, а она неожиданно спросила, куда запропастился Дэнис, поскольку им надо было уходить: их ждали к обеду. Будучи миниатюрной женщиной, леди Тэтчер попросила

меня осмотреть комнату, поскольку мой рост превышает шесть футов. Они оба выжидательно посмотрели на меня. Бросив шпионский взгляд, я к своему ужасу отыскал Дэниса у противоположной стены комнаты беседующим с Майклом Хезелтайном. Собрал все свое мужество, я объяснил, где он. Ее глаза стали еще голубее, чем обычно, и она вскричала: “Мы с Дэнисом обедаем сегодня с Кепом Вайнбергером. Мне кажется, он куда важнее, чем ЭТОТ человек, не так ли! Если Дэниса не будет здесь через минуту, я пойду и посмотрю на них в упор”. К счастью для Майкла Хезелтайна, ей не пришлось этого делать.

Какие воспоминания! Какая женщина! Какой Премьер-министр!

ИЭЙН ДЕЙЛ

Август 2000 года

ЛОРД БИФФЕН

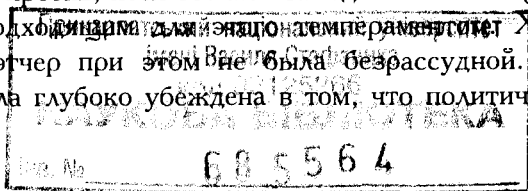
МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1979 по 1987 г.

Джон Биффен, ныне лорд Биффен, был министром Кабинета Министров в правительстве Маргарет Тэтчер с 1979 по 1987 г., сначала в качестве Главного секретаря Казначейства, а позднее — министра торговли, Лорда-председателя Тайного совета и лидера Палаты общин, а в последнее время — Лорда-хранителя Государственной печати.

Несгибаемое руководство

Карьера и характер Маргарет Тэтчер будут восхищать историков в течение многих десятилетий. Ее достижения и промахи не раз будут переосмысливаться. Этот короткий рассказ не претендует на решение такой академической задачи, это всего лишь личные воспоминания. Она презирала приземленную и циничную политику многих тори. Я подозреваю, что она испытывала некоторое неудобство при рассмотрении периода Макмиллана и приписывала результаты первых лет его правления отсутствию политической цели. Ее решение соперничать с Эдвардом Хитом за руководство Консервативной партией в 1975 году было примером хладнокровного мужества. Ни один член Кабинета Хита, и в частности Уильям Уайтлоу, не был готов противостоять ему. Только одна она выступила против, хотя это мог бы сделать и Кит Джо-зеф, обладай он подходящими темпераментом и характером. Храбрость Маргарет Тэтчер при этом не была безрассудной. Она верила в себя и была глубоко убеждена в том, что политическая

линия консерваторов, которую вело правительство Хита, нуждалась в пересмотре. Спустя тридцать лет после этих событий трудно себе представить, насколько тори были деморализованы поворотами на 180 градусов и неэффективным профсоюзным законодательством.

Несомненно, это побудило Маргарет Тэтчер к тому, чтобы превратить партию, потерпевшую поражение, в правительство в изгнании. Никогда еще политические группы не работали так усердно, стремясь разработать средства “защиты от поворотов на 180 градусов”. Планы профсоюзов переделывались с тем, чтобы избежать действия унижительного и невыполнимого Закона “Об отношениях в промышленности” Джеффри Хоу и Роберта Карра. Группа представителей исполнительной власти городов, а также ученых и, в частности, Артур Кокфильд взяли на себя тяжелый труд по разработке фискальной и денежно-кредитной политики, направленной на возрождение либеральной экономики, которая позволила бы избежать рабства контроля за ценами, доходами и валютным курсом. Технические навыки в сфере финансов, накопленные оппозицией, вполне соответствовали ресурсам Казначейства, возглавляемого Дэнисом Хилеом.

Маргарет Тэтчер не была спикером — командиром Палаты общин типа Джеймса Келлегена, но она была настоящим партийным лидером. Ее политика не была игрой для дилетантов — это была серьезная игра. Эта суровая энергичность вдохновила парламентскую партию и, более того, подняла на новую ступень мораль активистов партии консерваторов по всей стране. Риторика леди Тэтчер стала более острой и эффективной, когда ей удалось смягчить присущую ей напористость. “Советы” прозвали ее “Iron Maiden” (“железная дева”). Она подхватила этот эпитет и превратила его в комплимент. Ирония судьбы заключается в том, что ее приверженность идее твердого правительства на самом деле в значительной степени ассоциировалась со свергнутым ею предшественником. “Гед Хит в женском платье”, как высказался как-то о ней Дэнис Хилей. Но она была настроена на успех в экономической и профсоюзной политике, с чем Хиту не везло.

Грозный характер Маргарет Тэтчер становился все более очевидным уже в первые годы ее премьерства. Британия обзавелась

премьером, который торопился. Она была расчетливой и решительно ставила на ключевые посты в Казначействе и экономике тех, кто, как всем было известно, ее поддерживал. Относительная изоляция прагматиков — позднее их окрестили “сопляками” — была рискованной стратегией, но она себя оправдала. Отставок по политическим соображениям не было, и Кабинет постепенно изменился — в нем стало больше молодых и близких по духу членов. Ее канцлер Джеффри Хоу активно придерживался основных принципов либеральной экономики. Валютный контроль был отменен, так же как и регулирование цен и доходов. Государственные расходы стабилизировались, а налогообложение претерпело изменения, вследствие чего сокращение налогов с прибыли можно было профинансировать за счет увеличения поступлений от налога на добавленную стоимость. Хоу несколько не преувеличивал, когда сказал, что он не смог бы добиться таких существенных преобразований без полной поддержки и побуждения к действию со стороны своего Премьер-министра. Никакими интригами в Кабинете Министров партнеры по Даунинг-стрит¹ не добились бы большего. Увы, так было не всегда.

Целеустремленность Маргарет Тэтчер в наибольшей степени проявилась во второй половине 1981 года. Резко возросла безработица; это было время традиционного “застоя середины срока полномочий правительства”; академический мир почти единодушно призывал к “смягчению” и переходу к экономической политике в кейнсианском духе. Она настаивала на своих планах, несмотря на все возрастающую дурную репутацию: ее считали упрямой. Ронни Миллар, автор безусловно наиболее элегантных шуток того десятилетия, дал ей прозвище “несгибаемая леди”.

Мнение о ее решительности и храбрости получило подтверждение во время фолклендского конфликта с Аргентиной, который был хорошо задокументирован. Задача возвращения островов была кошмаром с точки зрения материально-технического обеспечения. Из-за того, что был достигнут успех, впоследствии создалось обманчивое впечатление сравнительной легкости достижения цели.

¹ Даунинг-стрит — улица в Лондоне, в доме номер 10 по которой находится резиденция Премьер-министра (прим. переводчика).

Маргарет Тэтчер слишком хорошо знала об опасностях, связанных с дальним путем в Южную Атлантику и двойственной позицией некоторых из наших союзников по НАТО. С политической точки зрения кампанией руководил малый внутренний кабинет. В стране она пользовалась всеобщей политической поддержкой, которая растаяла бы, если бы кампания была проиграна или потерпела неудачу. Маргарет Тэтчер знала об этом и была непоколебима. Не было недостатка в тех, кто тщетно искал компромиссного способа разрешения проблемы. Если смелость города берет, то она, безусловно, заслужила свой триумф. В Палате общин Инок Поуэлл, тоже не чуждый храбрости и решительности, так прокомментировал это: “Знает ли досточтимая леди-консерватор о том, что только что получен отчет общественного аналитика? В нем говорится, что тестируемое вещество состоит из железосодержащего материала наивысшего качества, характеризующегося исключительной прочностью на разрыв, высокой износостойкостью и стойкостью к стрессу, которое с успехом может использоваться для решения всех общегосударственных задач”.

Иногда богиня возмездия Немезида может все перевернуть, исказив суть решительности и смелости. Уверенность в себе тогда превращается в самодовольство, приверженность идее — в упрямство, а дальновидность — в одержимость. Более того, согласно открытию Черчилля, британский электорат часто оказывается неблагодарным. Именно это, к несчастью, испытала на себе Маргарет Тэтчер во время своего премьерства в 1987—1990 годах. Одна из принятых ею мер — коммунальный налог, в народе прозванный “подушным” — вызвала нарастающую враждебность. Радикальные агитаторы вывели на улицы и подстрекнули представителей средних классов к тому, чтобы они бомбардировали членов парламента из тори враждебной корреспонденцией. Несгибаемая Маргарет Тэтчер объявила упомянутый налог “флагманом” политики правительства, она ожидала, что он позволит собрать больше поступлений в бюджет, чем система налогов с домохозяйств, которую он должен был заместить. Такая реакция была не лишена рисовки, но в ней практически не было обмана электората. По-видимому, это было правительство твердое, но лишенное политического такта.

Прошло еще слишком мало времени после тех событий, чтобы мы могли верно судить о различных факторах, в результате которых Маргарет Тэтчер потеряла контроль над парламентской Консервативной партией. Думаю, что основную роль в этом сыграл подушный налог, потому что он стал громоотводом, переключившим внимание на другие вопросы, разногласия по которым не столь существенны. Конечно, были и другие серьезные проблемы, в частности, плохие взаимоотношения с Канцлером Найджелом Лоусоном и расхождения с ним в экономических взглядах. О тех несчастливых для нее годах, когда Джеффри Хоу занимал пост министра иностранных дел, известно немало. Хотя это обстоятельство имеет существенное, но не решающее значение для балансировки взглядов тори в Палате общин. В любом случае, со стороны Премьер-министра, какой бы железной ни была ее решительность и сколь велико бы ни было политическое бесстрашие, неразумно ссориться одновременно и со своим канцлером, и с министром иностранных дел. Выдающиеся качества курса, которым Маргарет Тэтчер вела Консервативную партию в середине 70-х и 80-х годов необходимо оценивать с учетом того, как изменялись экономические и социальные обстоятельства в Британии. "Несгибаемость" больше не была неизменным лозунгом Тэтчер. Конечно, это нежелание сгибаться являлось чем-то вроде горькой эпитафии, но оно ни в коем случае не умаляло значения отваги и упорства, которые отличают ее политику.

АДАМ БОУЛТОН

ЖУРНАЛИСТ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Адам Боултон — редактор и политический обозреватель “Скай Ньюз”, в прошлом редактор и политический обозреватель канала “Ти-Ви-Эй-Эм”. С 1983 г. он является парламентским корреспондентом.

Мэгги и я

Сомневаюсь, видел ли даже Билл Клинтон Премьер-министра Британии стоящей на коленях перед ним, а вот со мной такое произошло, и к тому же это была Железная леди. Мы были в конторе ее округа в Финчли и готовились к интервью. Когда рабочие переставили письменный стол, свету предстали поколения пуха и скрепок для бумаги, скопившиеся в углублениях ворса ковра. Для дочери бакалейщика это было слишком, и Премьер-министр — домохозяйка в мгновение ока преклонила колени, чтобы ликвидировать беспорядок. Что бы вы ни думали о ней, вот это и есть Маргарет Тэтчер: она жила в своем собственном мире и исповедовала свои собственные ценности, никогда не задумываясь о претенциозности и напыщенности других. Иногда она надевала свой личный кокон, что делало ее невосприимчивой к окружающему, но если вам посчастливилось иметь с ней дело лично, то она всегда вела себя тактично, непредубежденно и без жеманства.

По большей части мое мимолетное знакомство с Премьер-министром Тэтчер состояло лишь в том, что она тысячи раз про-

ходила мимо меня, заходя в зал, самолет или идя по коридору, всегда устремляясь к чему-то более важному.

Или это действительно было что-то более важное? Конечно же, Маргарет Тэтчер никогда не упускала из внимания того, что происходит на пороге зала. По крайней мере, всегда складывалось такое впечатление, что она может остановиться, подумать и спонтанно отреагировать на вопросы, которые бесцеремонно бросает ей пишущая братия. Этим она сильно отличается от Тони Блэра. “Премьер-министр никогда не отвечает на вопросы на ходу!” — это предмет особой гордости Аластейра Кемпбелла, под этим он понимает то, что даже если вы зададите господину Блэру вопрос о только что состоявшемся Втором пришествии, он пройдет мимо вас, проконсультируется со своими советниками и, возможно, вернется с тщательно скроенным тезисом на устах.

Мэгги была не такой. Самый лучший совет относительно нее, который я получил, был дан мне Энди Веббом, тогдашним моим боссом, редактором и политическим обозревателем канала “Ти-Ви-Эй-Эм”. “Она все принимает за чистую монету, — сказал он, — поэтому подумай, прежде чем что-либо сказать. Если ты говоришь “доброе утро”, она скорее всего спросит в ответ: “а оно доброе?”, — и пустится в обсуждение текущих метеорологических условий”. Конечно, с точки зрения телевизионных репортеров вроде меня, это делает ее просто фантастической. Леди Тэтчер в любой момент может поразить вас, например, сравнением Африканского национального конгресса с киллерами Ирландской республиканской армии, несмотря на то, что под этой же крышей на Ванкуверской конференции содружества проходит чествование южноафриканского президента-одногодневки Табо Мбеки.

В 1980—1982 годах, работая и учась в США, я пропустил становление “тэтчеризма” на родине. Я пересидел Фолклендский кризис в Вашингтоне: самое живое мое воспоминание о ней в то время связано с перевозбужденным госсекретарем Александром Хейгом, который, выступая перед корпусом Белого дома, пылко обсуждал близкий характер отношений между Тэтчер и Рейганом, исходя из того, что они часто встречаются с глазу на глаз. Так что, полагаю, я не нашел бы ничего лучшего и считаю вполне справедливым, что меня послали в логово Железной леди в каче-

стве парламентского корреспондента вскоре после того, как я пришел работать на канал “Ти-Ви-Эй-Эм” в 1983 году.

“Несусветность” Тэтчер или, по крайней мере, ее решимость жить в своем собственном мире была мне на руку. Она не читала газет и ее способность различать разные телеканалы полностью зависела от того, кого она узнавала своими завораживающими глазами.

Действительно, когда она запомнила мое имя, она, как правило, верно его называла. Возможно потому, что произношение слов “мистер Боултон” представляло ей возможность поупражнять свою дикцию на длинном “о”. Мои более известные соперники Джон Коул и Майкл Брансон, как правило, должны были мириться с почти правильным “мистер Бранстон” и “мистер Коулс”.

Не забывайте, что вы никогда не можете быть уверены, что она знает, кто вы. Иногда складывалось впечатление, что она не отличает журналистов от суетливых людей, приставленных, чтобы носить ей сумочку. Работая над интервью с Дэвидом Фростом во время выборов 1987 года, я был несколько озадачен, когда в “Зеленой комнате” палец Премьер-министра воткнулся в мою грудь, в то время как сама она передавала мне “сообщение, которое вы получили, чтобы передать его”.

Я не сомневаюсь, что она была инстинктивным политиком, который чувствует “кишкой” (в более вежливых кругах это называется “убежденным политиком”). Но я все еще не знаю, что думать об одном инциденте. В 1987 году Лейбористская партия во время всеобщих выборов подняла много шума вокруг дела Марка Берджеса, десятилетнего мальчика, который ожидал в Национальной службе здоровья операции, связанной с пороком сердца. Несколькими годами позднее, много позже третьей победы Маргарет Тэтчер на выборах, Марк, к несчастью, умер.

Это совпало с концом пребывания Совета Европы в Дании, когда госпожа Тэтчер должна была дать серию телевизионных интервью. Сегодня вам не позволят подслушивать, но в то время, поскольку все сроки уже были пропущены, мне позволили подождать своей очереди в самой комнате для проведения интервью. Вот так и получилось, что я слышал, как четверо разных интервьюеров задавали один и тот же неудобный вопрос в заклю-

чение своих интервью: “Я знаю, что это не имеет ничего общего с саммитом, но моя программа настаивает... Какова Ваша реакция на смерть Марка?” И я видел одну и ту же эмоциональную реакцию, которая повторилась четыре раза: рука у сердца, комок в горле ... и “как мать, я знаю, как, должно быть, это ужасно”.

Правда или блеф? Я до сих пор не знаю.

Зато я знаю, насколько болезненно она реагирует на все, что связано с ее семьей. Даже после того, как она вынужденно ушла на пенсию, дела ее сына Марка оставались единственной запретной темой в интервью, связанных с ее воспоминаниями. В отличие от него, ее муж Дэнис далеко не фигляр. Короткие встречи с ним не оставили никаких сомнений в том, насколько он человек резок и насколько сильны его правые убеждения.

Крис Монкрифф из Ассоциации прессы, безусловно, является репортером, который в наибольшей степени связан с годами правления Тэтчер. Надеюсь, что когда-нибудь он выполнит данное им обещание и опубликует свои мемуары. Рабочее название этих мемуаров такое: “Летающий цирк Мэгги Тэтчер”. Это хорошее название, поскольку ближе всего мы были к ней во время ее многочисленных зарубежных поездок. В этом были свои недостатки, поскольку, в отличие от своих преемников, отдающих предпочтение коммерческим чартерам, госпожа Тэтчер настаивала на использовании стареющих “VC-10” в Королевском воздушном флоте. Акустика была настолько плохой, что только человек, достаточно отважный, чтобы сесть в кресло рядом с ней, мог услышать замечания, которые она делала мягким голосом, предназначенным для общения в обычных условиях.

Бернард Ингхем всегда делал так, чтобы у пишущих журналистов было много времени для осмотра достопримечательностей, покупок и игры в гольф, а брифинги были намечены на удобное время, позволяющее поспеть написать заметку к сроку. Но для тех из нас, кто должен был записывать визит на пленку, время было куда более горячим. День, как правило, начинался с “сигнала тревоги” на рассвете, призывающего отправляться на возложение венков. Я посетил с Мэгги практически все кладбища Европы, где похоронены британцы, погибшие на войне, включая кладбище в Турции, где покоятся останки участников Крымской вой-

ны (посещение поля боя более поздней войны при Галлиполи было отложено до следующего года). Турция была также первой и единственной страной, в которой была запечатлена на пленку остановка в поездке Тэтчер для ознакомления с культурными достопримечательностями. Я ожидал визита на стамбульские очистные сооружения, в возведении которых принимала участие Британия, и на газовый завод, где на газовых счетчиках были написаны огромные портреты Премьер-министров Озала и Тэтчер. Даже визит вежливости генерала, который, — об этом все вокруг шептались, — был “главным по пыткам”, не был сюрпризом. Но я никогда не думал, что мне доведется сопровождать госпожу Тэтчер при посещении Св. Софии и Дворца Окапи. Чиновник Британского посольства объяснил: “Она вычеркнула его из программы, но мы сказали ей, что если она туда не поедет, возможен международный дипломатический инцидент”.

Эти зарубежные поездки были по-настоящему пропитаны духом крестовых походов. Даунинг-стрит отнюдь не могла похвастаться передовым отрядом, которым располагал Белый дом, и никто, казалось, не мог быть уверен в том, что именно может произойти. Верхом неопределенности были ее первопроходческие набегии за Железный занавес. Там она опять-таки не только поддерживала таких политиков, как Лех Валенса и Михаил Горбачев, но и отыскивала диссидентов в их холодных обиталищах. Маргарет Тэтчер, облаченная в свой акваскутумский гардероб, носящаяся по многоэтажкам московских жилмассивов, до сих пор остается самым впечатляющим зрелищем из области политической агитации, которое я когда-либо видел. Тэтчер, безусловно, усердно трудилась над своей внешней политикой. Я никогда не видел ее более потерянной, чем в Брюсселе: она стала мертвенно-бледной и чуть не плакала, узнав, что новоизбранный тогда президент Буш дал понять, что среди европейских лидеров он выделяет Гельмута Коля. Через пару лет после этого она, конечно же, вновь завоевала Буша, о чем свидетельствует то, что он поддержал ее жесткую линию против Саддама Хусейна.

Оглядываясь на прошлое, можно сказать, что мы в Вестминстерском пресс-корпусе могли видеть приближение конца так же, как и все. Кабинет Министров жаловался на то, что она переста-

ла слушать. С нами она стала менее общительной. Вспышки ее взора померкли, и мгновенные ответы на вопросы уступили место беспорядочному монологу. “Все снова и снова, и снова”, — это продолжалось слишком долго. Она уверовала в свою собственную публичность. Она вела себя так же, как генералы, которые стремятся повоевать в еще одной войне. Я уверен, что Тони Блэр усвоил этот урок. Если только он его не забудет до того времени, я думаю, он уйдет в отставку после второго срока.

Это был блестящий уход. “Мы боролись, мы сражались, чтобы победить”, — сказанное на крыльце Даунинг-стрит, 10; слезы в машине. Переход власти — момент, который непредвзятым репортерам трудно освещать: речь идет о людях, которых вы знаете, вы чувствуете ликование победителей и отчаяние побежденных.

Наконец, я хотел бы признаться, что вернул комплимент и преклонил колени перед Маргарет Тэтчер, когда ползал (почти буквально) под камерой перед интервью. В этот момент она очень искренне воскликнула: “Вы похожи на гигантскую мышь”.

В прошлом году репортер “Гардиана” позвонил мне и попросил выдвинуть кандидатуру на звание “иконы двадцатого века”. На другом конце линии мой собеседник громко вздохнул, когда я сказал: “Наверное, Вам уже называли очевидных кандидатов вроде Тэтчер”. И все равно я выбрал именно ее.

СЭР АРЧИ ГАМИЛЬТОН

ЛИЧНЫЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ СЕКРЕТАРЬ ТЭТЧЕР с 1987 по 1988 г.

Сэр Арчи Гамильтон был депутатом парламента от Эпсома и Эвелла с 1978 г. Побывав на постах парламентского организатора и парламентария при министре по оборонным закупкам, он в 1987 г. занял пост личного парламентского секретаря Маргарет Тэтчер и оставался на нем до 1988 г., когда она назначила его министром обороны.

Жизнь с лидером

Впервые я встретился с Маргарет Тэтчер, когда она была в качестве Лидера оппозиции, чтобы поддержать меня на дополнительных выборах, на которых я был впервые избран депутатом парламента от Эпсома и Эвелла.

В конце трудного дня, полного прогулок по городу, целью которых было найти возможность пообщаться со своими потенциальными избирателями, мы дали пресс-конференцию. Вопросы от наших местных газет были не слишком трудными, а последний вопрос был особенно льстивым.

“Госпожа Тэтчер, складывается впечатление, что очень велика вероятность Вашей победы на приближающихся всеобщих выборах. Если это случится, найдете ли Вы место в своем правительстве для Арчи Гамильтона?”

Я ожидал услышать ответ, который, не будучи обязывающим, будет восхвалять кандидата, который, как можно надеяться, станет депутатом парламента. Ничего подобного!

“О, нет! Еще слишком рано рассматривать этот вопрос”.

Зная ее так, как я знаю сейчас, я подозреваю, что она в значительно большей степени беспокоилась о том, чтобы не сложилось впечатление, что она принимает как должное исход предстоящих выборов, чем о том, чтобы не связать себя обязательством принять Арчи Гамильтона в члены своего правительства.

Я занимал пост личного парламентского секретаря Маргарет Тэтчер как Премьер-министра в течение 15 месяцев после выборов 1987 года.

Как-то вечером, когда мы сидели в ее кабинете в Палате общин, она затронула вопрос о женщинах-служительницах англиканской церкви. Леди Тэтчер была воспитана в традициях методистской церкви, но впоследствии стала принадлежать к англиканской церкви и ее беспокоило то, что посвящение в духовный сан женщин может привести к расколу церкви.

Я поддержал затронутую тему и сказал, что как женщине-Премьеру ей не следует выступать против принятия женщинами духовного сана.

“В любом случае, — сказал я, — я не знаю, почему Вы так беспокоитесь. На мой взгляд, женщины способны к большей духовности, чем мужчины, а кроме того, они менее склонны уступать сексуальным соблазнам”.

“О, мне это не известно”, — сказала Премьер-министр.

Как и во многих других спорах, она и здесь не отступила от своей линии, и нередко собеседнику приходилось ломать себе голову, не зашел ли он слишком далеко и не обидел ли ее.

Спустя неделю я прочел короткую выдержку из статьи, озаглавленной “Тэтчер поддерживает женщин-священнослужителей”.

Рабочие дни на Даунинг-стрит, 10 начинались с совещания, на котором обсуждалось предстоящее и то, о чем писали газеты.

Сотрудники пресс-офиса, возглавляемого Бернардом Ингхемом, вставали, должно быть, ни свет ни заря, чтобы подготовить чрезвычай-

но сжатое резюме всех газетных публикаций всего лишь на паре страниц стандартного формата. Широко обсуждаемые статьи, занимающие целые газетные полосы, сжимались до каких-нибудь трех строчек.

Однажды я спросил Маргарет Тэтчер, читает ли она когда-нибудь ежедневные газеты.

“О, нет! — ответила она. — В них часто пишут такие вредные и пагубные замечания обо мне и моей семье, что если бы я читала газеты каждый день, я бы никогда не могла выполнять ту работу, для которой я здесь нахожусь”.

Несколькими годами позже, когда Премьер-министром был Джон Мейджор и у него были серьезные проблемы с прессой, я повторил ему замечание Маргарет Тэтчер. Он ничего не ответил, а просто одарил меня одним из тех сочувственных взглядов, которые люди приберегают для слабоумных.

Маргарет Тэтчер не читала ежедневных газет, но она непременно штудировала воскресные газеты на уик-эндах в Чекерс¹.

Она всегда очень близко к сердцу принимала статьи Вудроу Уайтта в “Ньюс оф уорлд”.

Утренние совещания по понедельникам с коллегами по Кабинету часто начинались в того, что Премьер-министр говорила: “Вы видели изумительную статью Вудроу Уайтта в “Ньюс оф уорлд”?” Многие министры Кабинета пришли к выводу о необходимости включить “Ньюс оф уорлд” в список читаемого по воскресеньям.

В мою бытность ее личным парламентским секретарем на заседаниях Кабинета я, как правило, сидел позади Маргарет Тэтчер, на стуле у стены.

В целом, заседания Кабинета были довольно формальными и скучными мероприятиями, а политика формулировалась, как правило, на менее широких специальных совещаниях Кабинета Министров, в которых принимали участие члены подкомитетов.

¹ Чекерс — летняя резиденция Премьер-министра (прим. переводчика).

На этих совещаниях Премьер-министр обходилась без длинных вступлений и сразу переходила к спорным вопросам разрабатываемого политического документа, часто прибегая к помощи сводки, подготовленной отделом по разработке политики, в которой она отмечала наиболее важные пассажи.

Однажды между ней и одним министром Кабинета, который пользовался ее благосклонностью, возник острый спор. После этой длительной и язвительной дискуссии все почувствовали себя измотанными, а некоторые — просто изможденными.

Наконец, она провозгласила:

“Конечно, я согласна со всем, что вы тут стараетесь делать. Я просто хотела сыграть роль “адвоката дьявола”, чтобы вы наверняка были готовы ко всем контраргументам”.

Все знали, что Маргарет Тэтчер внимательно слушает программу “Сегодня”, которую передавали по радио как раз тогда, когда она вставала.

Я помню, как она сказала мне, что содержание программы “Сегодня” постоянно выводило из себя ее мужа Дэниса, и она нередко слышала, как он, слушая программу лежа в кровати, выкрикивал: “Ублюдки!”

У Маргарет Тэтчер было одно довольно странное представление. Она считала, что невозможно написать речь для партийной конференции до того, как она начнется и можно будет точно оценить “атмосферу” собрания.

Вследствие этого большинство речей, произнесенных ею на партийных конференциях, были написаны в конце целой череды тяжелых дней, проведенных в окружении правоверных партийцев и дописывались уже на рассвете. Все вместе и каждый в отдельности старался внести свой вклад, но всякий раз только небольшие куски шли в дело, все же остальное отметалось под возгласы Премьер-министра: “Здесь нет ничего нового!”

Однажды так случилось, что один из министров Кабинета Маргарет Тэтчер напросился к ней на воскресный ленч в Чекерс. Премьер-министр не хотела служить объектом беспрестанного давления со стороны этого человека в течение большей части воскресного дня, поэтому она пригласила меня как своего личного парламентского секретаря присоединиться к ним (там был еще и Дэнис).

Я с радостью принял приглашение, хоть и немного расстроился из-за того, что моя семья оставалась на уик-энд дома без моего внимания.

Спустя несколько дней Премьер-министр сообразила, что ее приглашение, должно быть, помешало семейному уик-энду.

“Почему бы Вам не взять с собой и Вашу супругу Энни?” — спросила она.

“Дело в том, — ответил я, — что в этот уик-энд она должна быть дома, так как там будут наши три дочери-подростки”.

“Приезжайте все вместе”, — сказала она.

Позднее все еще больше осложнилось, так как стало ясно, что моя младшая четырнадцатилетняя дочка пригласила еще и свою школьную подругу погостить у нас.

“К сожалению, госпожа Премьер-министр, моя младшая дочь к тому же пригласила на уик-энд свою подругу Абигейл”.

“Привозите и ее!”

Я восхищаюсь министром, который прибыл в расчете на общение, которое в его представлении должно было быть *tete-a-tete* с Премьер-министром, и столкнулся с супругами Гамильтон и целой кучей девочек-подростков. Это, должно быть, напоминало сцену из святых Тринианов. Ни тени эмоций не отразилось на его лице — он был само очарование.

Беседа за последовавшей трапезой была немного напряженной. Министр напрасно старался быть услышанным, поскольку одна из моих дочерей, в свойственной подросткам бескомпромиссной манере, с которой никак не вяжется благоговение, засучив рукава и положив локти на стол, принялась рассказывать, казалось, бесконечную историю. Премьер-министр барабанила пальцами по столу, в то время как другая моя дочка, пользуясь

тем, что взрослые не обращали на нее внимание, залезла пальцем в креманку. Ее подруга Абигейл сидела неподвижно, как если бы она была кроликом, пойманным светом прожекторов.

Мне пришло в голову, что госпожа Тэтчер, должно быть, пожалела о своем великодушном приглашении.

Чтобы понять исключительные качества Маргарет Тэтчер как политика, нужно подумать о ней как о протестантке.

Она родилась женщиной с потрясающей способностью к концентрации, поразительной памятью и исключительным аналитическим умом.

Величайшим Премьер-министром последнего столетия ее сделала убежденность, с которой она осуществляла свою политику, и готовность рискнуть на краткий срок утратить популярность, чтобы сделать вещи, которые, она это знала, будут правильными в долгосрочной перспективе.

Будучи готовой, в конечном счете, к компромиссу, она всегда позволяла спору зайти на ее собственную территорию как можно дальше.

Я часто думал, не связана ли ее решимость продвигать свою собственную точку зрения с тем, что она женщина. Единственно, в чем я действительно уверен, — это то, что все мужчины, с кем мне довелось встречаться и работать в политике, были в большей степени готовы к компромиссу, чем она.

ХЬЮГО ЯНГ

ЖУРНАЛИСТ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Хьюго Янг был редактором и политическим обозревателем газеты "Санди Таймс" с 1973 по 1984 г., сейчас он ведет постоянную рубрику в "Гардиан". Он публиковался во многих зарубежных журналах. Написанная ним биография Маргарет Тэтчер "Одна из нас" стоит в ряду наиболее авторитетных ее жизнеописаний.

Просто одна из нас

Маргарет Тэтчер с самого начала знала, что я вряд ли являюсь "одним из нас". Я работал в "Санди Таймс", которая в то время была независимой либеральной газетой и отнюдь не подчинялась беспрекословно своему владельцу — одному из заводил в окружении Маргарет Тэтчер. У меня на лицо были все дурные признаки: я не был ни членом Консервативной партии, ни одним из тех, кто считает, что политический обозреватель должен иметь связи с политиками, лишенными скептицизма. Но несмотря на все эти неблагоприятные данные, мы поладили довольно сносно, что в гораздо большей степени было ее заслугой, чем моей.

Без сомнения, в некоторой степени это было проявлением благоразумия. "Санди Таймс" была большой газетой с многочисленными читателями свободных политических взглядов, и любое интервью на ее страницах имело серьезную аудиторию. Я провел несколько таких интервью в ее бытность Премьер-министром. Первому из них, я это отлично помню, предшествовали ее личные

поиски “Нескафе” — она хотела, чтобы мы вместе выпили пару чашечек кофе. Если бы это произошло на Даунинг-стрит, 10 сегодня, вы можете не сомневаться в том, что был бы заранее проведен консилиум “препараторов”¹, призванный дать точную оценку тому, какое впечатление необходимо произвести на того или иного журналиста, с которым планирует встретиться Премьер-министр. Сейчас там ничего не происходит случайно. Но на заре эры Тэтчер она становилась творением рук косметологов лишь тогда, когда предстояло появиться по телевидению. Приготовление кофе лично Премьер-министром, как мне кажется, не имело целью произвести эффект. Так же, как и ее манья выключать свет на Даунинг-стрит, 10, — это было скорее проекцией ведения хозяйства по-грентхемовски на мир Премьер-министра.

Причина, благодаря которой я сумел продержаться в течение десяти лет на роли приемлемого интервьюера и периодического собеседника “не для печати”, как мне кажется, была двойственной.

Во-первых, госпожа Тэтчер всегда любила споры. Хотя спор не был тем, к чему особо стремился интервьюер, он был манерой разговаривать, перед которой она не могла устоять. В какой-то момент сам факт, что я так явно не принадлежу к ее лагерю, стал рассматриваться как достоинство. Мне было поставлено в заслугу наличие “убеждений” и даже принципов. Когда Мэтью Перрис оставил свой пост депутата парламента, он однажды написал, что ему особо советовали читать мои публикации, так как это помогает поддерживать контакты с оставленным ним миром политики, возможно, чтобы знать врага.

Единожды приобретя этот ярлык, я, похоже, никогда с ним не расставался. Госпожа Тэтчер как-то сказала новому государственно-му служащему (что напугало его), что она, как правило, составляет свое мнение о человеке в течение первых десяти секунд — “и редко его меняю”. Так, вероятно, было и со мной. Одним из ее несомненных достоинств было то, что в те времена она никогда не важничала. Постимперского великолепия не должно было быть заметно ни в чем. Спор мог идти почти на равных. Она была

¹ “Препаратор” — специалист по контактам с прессой, препарирующий информацию в духе, выгодном представляемой им политической структуре, и обеспечивающий ее подачу в средствах массовой информации под нужным углом зрения (прим. переводчика).

абсолютно уверена в том, что любого здравомыслящего человека в ходе такой дискуссии непременно можно убедить разделить ход ее мыслей — и эта черта роднит ее с Тони Блэром.

То, что она окружала меня своей неистребимой силой убеждения, было, однако, связано со второй чертой наших с ней отношений. Я уверен, что она никогда не прочитала ни слова из написанного мною. Мне удалось сохранить свое место в шеренгах приемлемых потому, что она никогда не знала, что я на самом деле думаю, поскольку не просматривала рубрики, которые я веду. С годами это стало просто вопиющим. Я ставил под сомнение ее честность так же, как и ее мудрость (относительно Западных территорий, например). Я подвергал сомнению ее мотивы, приуменьшал ее взгляды и даже ставил под сомнение ее здравомыслие. Хотя меня и не читали, я не выходил за рамки — неоднозначное решение, но именно оно придало мне особую ценность в глазах моих нынешних работодателей, — газеты “Гардиан”, — которых, как мне кажется, ничто иное не объединяет с людьми Маргарет Тэтчер.

Среди публикаций, которые госпожа Тэтчер наверняка не читала, — написанная мною ее биография, озаглавленная “Одна из нас”. Это была во всех отношениях неофициальная работа. В ней использованы записи моих бесед с ней за многие годы, но я никогда не просил ее дать мне биографическое интервью. Люди из ее окружения сказали мне в свое время, что находят книгу довольно хорошей. Возможно оттого, что мои газетные публикации были довольно резкими, они ожидали, что в твердом переплете свет увидит более полемическая работа, и почувствовали облегчение, когда написанная мною книга оказалась не такой. Однако от нее я не услышал ничего. Да и почему она должна была читать это? Кто хотел бы прочитать книгу, которая претендует на то, чтобы быть детальным описанием вашей жизни и взглядов, зная, что каждый нюанс, как бы скрупулезно он ни был занесен в хронику, все равно будет отличаться от того, что было на самом деле. Кроме того, к тому времени передо мной навсегда закрылись двери бункера, который стал ее резиденцией, — закрытого мира, который в конце концов привел к ее падению.

В последний раз я встретил ее в ситуации, которая, тем не менее, может считаться биографическим контекстом. Поводом, по

которому мы собрались, был рождественский прием у американского посла. Длинная цепочка людей выстроилась, чтобы обменяться с ним рукопожатием, и неожиданно мы с женой обнаружили, что возле нас материализовались леди Тэтчер с супругом. Это было вскоре после того, как она оставила пост премьер-министра, и все еще не совсем понимала необходимость стоять где-либо в очереди вообще. Тень колебаний на ее лице явно свидетельствовала о внутреннем побуждении выйти вперед, чтобы ее тотчас приветствовали. Но Дэнис воспрепятствовал такому проявлению амнезии относительно того, кем они были теперь, и эти двое вынуждены были в течение десяти минут находиться в нашем обществе.

Разговор, который она повела, немедленно перешел на тему писательства. Раньше этот предмет вызывал у нее разве что насмешку. Как-то она спросила меня в присутствии большого количества людей, когда я собираюсь заняться чем-нибудь стоящим — наращиванием благосостояния, созданием рабочих мест и т. д. — вместо того, чтобы впустую тратить свое время на журналистику. Это был один из тех моментов моей жизни, о которых я немного сожалею, потому что мне тогда не хватило самообладания, чтобы сказать, коль уж подвернулся такой случай: “После Вас, госпожа Премьер-министр”.

Но на том приеме она сказала мне, что только что закончила первый том своих мемуаров. Естественно, это стало единственным предметом нашего десятиминутного шарканья в очереди. Теперь она была писателем. Написание книги стоило ей больших трудов, вспоминала она. Но для меня это был бы пустяк, не правда ли? Поскольку я профессиональный журналист. Мне не сказано повезло, сказала она с явным укором. Можно было заметить даже нотку зависти. Для меня все это было так просто. Она же должна была потрудиться, чтобы все это изложить. Она сказала, что сама написала каждую строчку первого варианта рукописи, а уж потом Джон О’Салливан любезно помог ей переставить некоторые слова, чтобы улучшить их порядок. Но в основном это была ее собственная работа. И выйдет еще один том, над подготовкой к написанию которого уже усердно трудятся ее исследователи. Между тем, что действительно важно, так это во-

прос о том, кому принадлежат авторские права на материалы, не вошедшие в ее телевизионные интервью. Тут Дэнис выступил с коммерческими расчетами относительно стоимости того, что лежит в архивах Дэвида Фроста и никогда не транслировалось. Это была речь серьезного автора.

В последние годы она вернулась в политику, скорее в окружении двора, чем коллег, и уж конечно же не журналистов, приглашенных, чтобы с ней поспорить. Давным-давно я удалился на свою первоначальную дистанцию, а она вернулась в более преувеличенной форме, чем когда-либо прежде, к присущей ей в последние месяцы пребывания на посту Премьер-министра мании неопровержимой правоты, призванной исправить мир. Но мне огромное удовольствие доставляет воспоминание о том моменте, когда ее эго двигалось в новом направлении и она была просто одной из нас, освобождая нас, писателей, на какой-нибудь год-два от того, чтобы быть Одними из Них.

ДЖИЛЛИАН ШЕПАРД

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1990 по 1997 г.

Джиллиан Шепард является депутатом парламента от Юго-Западного Норфолка с 1987 г. При Маргарет Тэтчер она занимала пост парламентского заместителя министра социального обеспечения в 1989—1990 гг., а впоследствии, в 1992—1997 гг., была членом Кабинета Джона Мейджора.

Министр Мэгги

Госпожа Тэтчер назначила меня на мой первый министерский пост в июле 1989 г. В этот день был прием на Даунинг-стрит, 10. Депутаты-консерваторы, как правило, проводили такие приемы после приемов в саду Букингемского дворца, когда их супруги по большей части были в Лондоне.

Когда мы прибыли, Том и я стали ощущать на себе многозначительные взгляды и видеть адресованные нам улыбки главного парламентского организатора партии Дэвида Уоддингтона. Хотя воздух был полон слухами о перестановках в Кабинете Министров, я не знала, что его поведение было как-то связано с моим будущем. В конце концов он подошел и сказал: “Премьер-министр хотела бы перекинуться с Вами парой слов”, — и указал нам на небольшую гостиную. Туда торжественно вошла госпожа Тэтчер в ослепительном наряде.

“Дорогая, — сказала она (как правило, она так обращалась, когда была не совсем уверена относительно имени собеседника, — она и сейчас называет меня “дорогая”), — я хочу ввести Вас в правительство, и Вы будете заниматься тем же, с чего

начинала я, — работать парламентским заместителем министра социального обеспечения. Вам предстоит усвоить много деталей, сделать это важно. Вы будете работать с Тони Ньютоном, поскольку Джон Мур уходит из правительства. А теперь Вам лучше присоединиться к своему супругу”.

Потрясенная, я на ватных ногах вернулась на прием, где нашла Тома, погруженного в беседу с Марком Тэтчером. “Я просто зашел, и нашел мать тасующей”, — сказал он непочтительно, как мне показалось, в данных обстоятельствах. Через пару секунд к нам подскочил главный парламентский организатор партии, и вскоре уже весь зал знал о моем назначении. Это был незабываемый способ получения первой правительственной работы. В то время я не осознавала, что, делая так, Премьер-министр просто сэкономила немного времени, которое бы пришлось потратить на следующий день и — таким был ее профессионализм, — она также не сделала никакого намека.

Однако, когда на следующий день я прибыла в офис, не зная что делать дальше, то узнала (а было 8 часов 30 минут), что Даунинг-стрит, 10 уже связался с моим секретарем в округе, моим офисом и моим домом в Норфолке. Напуганная, думая, что это была очень короткая министерская карьера, я позвонила на Даунинг-стрит, 10. “Дорогая, — сказала госпожа Тэтчер, — я хотела бы лишь прояснить ситуацию и подтвердить сказанное вчера вечером”, — и она снова повторила вчерашнее предложение, а потом добавила: “На вашем месте я пошла бы прямо в министерство, там наверняка много работы”.

Я так и поступила, вызвав глубокий шок у должностных лиц и заставив очень радушного постоянного секретаря провести следующий час со мной, пока мой предшественник Питер Ллойд паковал свои чемоданы, чтобы отправиться в министерство внутренних дел. Как-никак вы не можете иметь двух министров на одной и той же должности одновременно.

В начале 80-х за министрами, а в особенности Премьер-министром, всюду, куда бы они не шли, следовали демонстранты. Когда госпожа Тэтчер посещала совет графства Норфолк, она въехала туда с кортежем автомобилей. Неизменные демонстран-

ты потратили весь свой запас помидор и яиц на первые две-три машины и были ошарашены, если не сказать разъярены, видом невредимой госпожи Тэтчер, которая махала им рукой из пятой машины.

Это показалось мне такой отличной тактикой, что я порекомендовала ее Мартине Обрай, когда она, занимая такую же должность министра по делам безработицы, как и я, но во французском правительстве, подверглась преследованию демонстрантов. Она сказала, что это блестящая идея и что она попробует адаптировать ее к условиям Франции. Однако о результатах этого опыта во Франции история умалчивает.

ЛОРД УАЙТЛОУ

ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР-МИНИСТР с 1979 по 1988 г.

Уилли Уайтлоу был главой Палаты и министром по делам Северной Ирландии при Эдварде Хите и председателем Консервативной партии. В Кабинете Маргарет Тэтчер он занимал пост министра внутренних дел, Лорда-председателя Тайного совета и главы Палаты лордов. Он был вице-премьер-министром при Маргарет Тэтчер вплоть до отставки в 1988 г. Лорд Уайтлоу умер в 1999 г. Предлагаемый материал представляет собой отрывок из его книги "Мемуары Уайтлоу" ("Аурум", 1989 г.).

Преданность лидеру

Я часто задумывался о том, как двое таких разных людей могли так хорошо ладить друг с другом. Конечно, как Премьер-министр и лидер партии, она всецело вольна была решать, как ей ко мне относиться и как меня использовать. Поэтому я должен сказать, во-первых, что именно ее доброта и постоянное понимание давали мне возможность помогать ей. Со своей стороны, подчеркну, я всегда помнил о том, что она является лидером, на которого, в конечном счете, оказывается давление и который принимает окончательные решения. Жизнь наверху очень одинока и исключительно требовательна. Всякий, кто находится в непосредственном подчинении, должен всегда помнить об исключительном давлении, которое оказывается на лидера, и о личных реакциях, которые оно провоцирует. Я считаю, что мы с ней исходили именно из такой точки зрения и понимали ее.

Во-вторых, и она, и я отличались страстной верой в нашу партию и такой же верой в ее правительство. Вероятно, наши взгляды на желаемую реакцию в тех или иных обстоятельствах несколько различались. В таких случаях у меня, безусловно, всегда был шанс доказать свою точку зрения, но я, несомненно, должен был считаться с тем, что в конечном счете Маргарет Тэтчер была лидером и обладала правом принимать окончательное решение. Я не думаю, что я когда-либо дал ей повод сомневаться в том, что я принимаю эти отношения.

В-третьих, и она, и я знали, что мы люди очень разные по происхождению, интересам, а следовательно, и реакциям. В результате мы никогда не были близкими друзьями до того, как у нас не возникли эти особые политические отношения.

Меня часто спрашивают, каково служить при женщине-лидере. В целом, я бы сказал, что никаких особых отличий от работы с мужчиной нет, если не считать того, что бессмысленно не учитывать того, что женщины всегда готовы использовать свое женское очарование и конечно же свои женские качества, чтобы настоять на своем. Маргарет Тэтчер не является исключением, и никто не мог бы не признать ее большое личное обаяние. Вероятно, мне работать с женщиной было просто, поскольку меня вырастила мать и я много времени проводил наедине с нею. Все, кто ее знал, утверждают, что моя мать была сильной личностью.

Как-то дама, которая познакомила мою мать с Маргарет Тэтчер, рассказала мне об их единственной встрече незадолго до ее смерти. Никто не знал, что из этого получится, поскольку моя мать относилась ко мне чрезвычайно пристрастно, естественно гордясь моими достижениями. Поэтому она была настроена критически по отношению к Маргарет Тэтчер — женщине, — которую предпочли ее сыну на посту лидера Консервативной партии. Так или иначе, как мне рассказали (поскольку я, конечно же, не присутствовал при этом), они чудесно поладили, и моя мать после этого стала большой поклонницей Маргарет Тэтчер, вплоть до того, что укоряла меня за то, что я не достаточно эффективно поддержал ее. К сожалению, она умерла до того, как Маргарет Тэтчер стала Премьер-министром, а ее сын — министром внут-

ренных дел. Мне известно, что она гораздо более критически относилась к последнему, чем к первой.

Или другая тема. Меня часто спрашивают, случается ли, что Маргарет Тэтчер считается с каким-либо иным мнением, кроме своего собственного. Этот вопрос и его интерпретация раздражают меня, поскольку они предельно несправедливы. Я полагаю, что она получает от дискуссии большее удовольствие, чем многие другие, и чем ожесточеннее она, тем, с ее точки зрения, лучше. Маргарет Тэтчер по натуре — политик со стойкими убеждениями и очень сильными взглядами, но, тем не менее, безоговорочно убедительными аргументами ее можно направлять и в конечном итоге воздействовать на нее. Я бы хотел, чтобы критики поняли, что никто не в состоянии руководить такой успешной командой как ее лидер, если он не готов учитывать внутренние дискуссии. Конечно, переубедить ее нелегко, но именно так и должен вести себя сильный лидер. Она, безусловно, принадлежит к тому типу председателей заседаний, которые ведут дискуссию по всему фронту и с самого начала не скрывают своих чувств и взглядов. Но у каждого председателя свой собственный метод, хотя наиболее успешные стремятся в конце концов добиваться своего. Я знаю, что моя манера вести заседания совершенно отличается от стиля Маргарет Тэтчер и что кое-кто считает меня слишком склонным к компромиссу. Но должен признать справедливость высказывания, приписываемого мне Норманом Теббитом: “Мой имидж — имидж мягкого человека, и я именно таков, но лишь тогда, когда добиваюсь своего”. Подозреваю, что и Маргарет Тэтчер тоже не всегда легко было иметь со мной дело. Ей довелось столкнуться — и я должен признать, что она стойко это вынесла — с внезапными и неожиданными взрывами моей ярости, когда мы схватывались в споре. Она часто принимала мой осторожный подход к парламентским трудностям (хоть, как мне кажется, порой он ее раздражал) и тенденцию к компромиссу. Она редко вмешивалась в мой стиль решения секретных вопросов в Министерстве внутренних дел, хотя, должно быть, некоторые из моих решений ей не нравились. Я имею в виду решения в отношении правонарушителей и, возможно, по вопросам вещания, в которых наши позиции нередко расходились.

В частности, мы, как правило, не сходились во взглядах на предвзятость программ “Би-Би-Си”. Естественно, Премьер-министры особенно чувствительны к критике, которую они считают несправедливой, будучи предметом постоянных нападок. Мое отношение к “Би-Би-Си”, с одной стороны, обусловлено моим опытом решения вопросов вещания, который я приобрел, будучи главным организатором оппозиционной партии в 60-х годах. Когда в то время я защищал позиции нашей партии, то ощутил, что наиболее справедливо ко мне относилась именно компания “Би-Би-Си”, иногда вызывая этим раздражение Гарольда Уильсона и тогдашнего лейбористского правительства.

Мой опыт, а следовательно, и мои взгляды сильно отличались от взглядов Премьер-министра и преобладающего большинства моих коллег. Поэтому когда возникали споры по различным телевизионным и радиопрограммам, я, как правило, выступал защитником “Би-Би-Си”. Я не только инстинктивно чувствовал необходимость отстаивать их взгляды, но и считал это своим долгом как министр внутренних дел. Это иногда приводило к горячим дискуссиям. Как хорошо известно, Маргарет регулярно слушает программу “Сегодня” по “Би-Би-Си”, вставая рано, как это у нее принято, и каждое утро получает детальную информацию обо всех новостях. Поэтому неудивительно, что она приходила на совещания с головой, в которой прочно запечатлелась программа, переданная в тот день. Должен отметить, что порой я хотел бы иметь более надежные основания для того, чтобы защищать переданную “Би-Би-Си” программу. Признаю, что у меня иногда случались тяжелые утра, когда я был вынужден отказываться отстаивать то, что защитить невозможно. Но в целом я стоял на своем, поскольку чувствовал, что мне и моим коллегам, включая Премьер-министра, полезно сопоставлять свои взгляды. Во всяком случае, споры нам, можно сказать, нравились, и не исключено, что иногда они влияли на решения правительства.

Я полагаю, что Премьер-министр в наибольшей степени прислушивалась к моему мнению по парламентским и партийным вопросам, в которых у меня явно был больший опыт, а в меньшей степени — по вопросам экономики и внешней политики, в кото-

рых я не мог похвастаться особыми знаниями и за которые отвечали другие старшие министры.

Она никогда не скупилась своим временем, предоставляя мне возможность в частной беседе выразить свое мнение по любому вопросу. Она также часто консультировалась со мной и следила, чтобы я обладал полной информацией по основным вопросам. Поэтому у меня нечасто возникали поводы спорить с ней на министерских совещаниях и, как правило, вмешивался я только в тех случаях, когда чувствовал, что могу принести пользу всем.

В заключение мне хочется поделиться одним общим наблюдением. Маргарет Тэтчер является выдающимся и сильным лидером во всех отношениях. Конечно, как у любого другого человека на таком посту, у нее есть критики и клеветники. Нет сомнений, что она допускала ошибки, но никто не может отрицать ее потрясающих достижений, так же как никто не должен упускать из виду, что Дэнис Тэтчер тоже причастен к этим достижениям, и страна в целом все в большей степени признает этот факт.

СЭР АЛЬФРЕД ШЕРМАН

СОВЕТНИК МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Сэр Альфред Шерман совместно с сэром Китом Джозефом и Маргарет Тэтчер в 1974 г. основал Центр перспективных исследований, работая в котором, оказал формирующее влияние на тэтчеровскую политическую и экономическую мысль. Он был спичрайтером и советником Маргарет Тэтчер с 1974 по 1983 г.

Все, что реально, — рационально

Тех, кто сумел взобраться на вершину смазанного жиром ярмарочного столба этого столетия, можно сосчитать по пальцам; определение же качеств, которые позволили им достичь вершины, карабкаясь на которую многие другие потерпели поражение, остается безмерно сложной задачей. Лично я назвал Маргарет Тэтчер как потенциального преемника Хита при определенных обстоятельствах еще в августе 1973 года, когда о моем мнении спросили двое моих друзей: Бэзил Фельдман (ныне лорд), ведущая фигура в партии, и Барри Роуз, издатель, а в прошлом лидер совета Консервативной партии. Бэзил сказал, что это пригнуто за уши. Как же он был прав! Тот факт, что все уже в прошлом, ничего не меняет. То, что почти никому неизвестная женщина средних лет из нижней прослойки средних классов, чья политическая карьера была далеко не впечатляющей, может в течение каких-нибудь шестнадцати месяцев достичь вершины среди тори, казалось немислимым. Не очень высоко оценивались и ее

шансы привести к победе на выборах возглавляемую ею партию, так как она только закрепилась на посту лидера. Так было до последних месяцев с правительством Келлегена, когда оно столкнулось с трудностями, которые само же и создало. Тем не менее, в течение короткого времени М. Тэтчер стала одним из немногих лидеров двадцатого века, о которых можно сказать, что они “подпирают наш хрупкий мир, как колоссы”. Но поскольку, согласно Гегелю, “все, что реально, — рационально”, должны быть веские основания для ее достижений.

На тот момент, когда я предсказал, что Маргарет может получить мандат Хивена, я еще не был с ней знаком, да и видел ее лишь однажды. Что меня поразило в то время, так это пылкость ее убеждений. Испанский политик и философ Хосе Ортега-и-Гассет проводил различие между идеями и убеждениями, сетуя на то, что историки и политологи преувеличивают важность первых, недооценивая последние. Нынешняя чувствительность консерваторов по отношению к тому, что они уничижительно именуют “идеологией” и под чем понимают идеи или концептуальную основу, отражает тот факт, что в течение многих поколений консерваторы руководствовались не выраженными явно убеждениями, опирающимися на сформировавшийся с ходом времени порядок, и идеями, берущими свое начало в философии и протестантизме. Как позднее утверждал Найджел Лоусон в буклете Центра перспективных исследований, консерваторы отлично обходились без структурированных и ярко выраженных идей, пока либералы и лейбористы не разработали свои, а уж после этого консерваторам не оставалось ничего другого, как последовать их примеру. Маргарет Тэтчер заполнила эту брешь своими консерваторскими убеждениями: пуританской этикой, идеями личной ответственности и патриотизма. Превращение этих убеждений в идеи как основу политики было отложено на потом, но “потом” наступило слишком поздно.

Я познакомился с леди Тэтчер только весной 1974 года. Представил меня ей Кит Джозеф после того, как в июне он ознакомился с моим наброском “Апминстерской речи” на тему: “мы ошибались”, которая должна была стать первой в его серии речей о “Смене тенденции”, отбрасывающих “бутскеллизм” и обосно-

ывающих радикальную контрреволюцию, проводимую тори. Речь была призвана “запустить” новый “инкубатор идей” (впоследствии он получил название Центра перспективных исследований), который Хит предложил организовать Кита Джозефу после того, как тот отказался принять предложенный ему портфель министра теневого кабинета, в надежде на то, что эта деятельность займет его и удержит от упражнений в толковании “бутскеллизма” и “еврофилии”, и который я (до сих пор сам не знаю, как мне это удалось) убедил его посвятить толкованию радикального консерватизма, впоследствии ставшего известным под названием “тэтчеризм”.

Он решил предложить Маргарет Тэтчер вице-председательство. Ей в то время было пятьдесят, у нее уже были взрослые дети, но что-то в ней было от девчонки — ее энтузиазм, простота убеждений, доверчивость. Она напоминала мне исследователей девятнадцатого века, осознающих, что их окружение странное и опасное, но абсолютно уверенных в себе. В то же время она была глубоко уверена в том, что Кит должен возглавить партию и что мешало этому только нежелание леди Джозеф оказать ему в этом полную поддержку. Поскольку Кит всегда был полной противоположностью лидера, это убедило меня в том, что в характерах она разбиралась плохо.

Маргарет Тэтчер была убеждена (и это не было отговоркой) в том, что ее понимания идей, политики и экономики недостаточно для роли, на которую она себя подсознательно прочила, и без тени колебаний выделяла мне роль второго после Кита Иоанна Крестителя.

Когда я впервые с ней встретился, ею был избран имидж дамы-тори из верхнего слоя среднего класса в двойке (кардигане и джемпере из одинаковой шерсти) и с жемчужным ожерельем. Но ее первые реакции на эпохальную “Апминстерскую речь” на тему: “мы ошибались” — она хвалила ее за “экономность слов” — навели меня на мысль о другом имидже: пуританке — дочери бакалейщика, привносящей веру и здравый смысл в запутанный мир общественных дел и экономической противоречивости: “экономическая наука — это “китайская грамота” для ведения хозяйства”. Крылатое выражение Пила о том, что Премьер-министр

должен быть “необычным обычным человеком” было весьма уместным. Ее манера поведения домохозяйки, делающей покупки в таких магазинах, как “Маркс” и “Спенсерс”, была убедительной для многих из тех, кто с подозрением относится к политикам и политическим идеям, считая, что политика и государственное управление должны быть значительно проще.

В оппозиции и в известной степени в правительстве мы тесно сотрудничали, часами работали вместе, нередко наедине, а иногда с ее личными парламентскими секретарями. В течение дня мы работали в помещении кабинета лидера оппозиции, не обращая внимания на статую Боудикка, а по вечерам и уик-эндам — у нее дома на Флуд-стрит, в Челси, в столовой с пишущей машинкой на столе. Когда мы добивались успеха, она, бывало, шла в кухню готовить еду и давала указания через дверь, ведущую в столовую. Это было еще одним примером ее двойственной роли. В своей квартире на Даунинг-стрит, 10, — живя “при лавке” — она заходила в кухню и выходила из нее чаще, чем любой другой Премьер.

Чернорабочим на винодельне трудно вообразить себе великих мира сего, которые достигли своего величия именно благодаря тому, что их мысль и их дух работают особым образом. Я обнаружил, что она обладает острым, как бритва, умом и большим усердием, однако поскольку эти качества оттачивались в процессе освоения естественных наук и права, ее мышление было скорее линейным, чем латеральным. Отличительной чертой Маргарет Тэтчер была сила воли. Хотя со временем власть и оказала на нее определенное влияние, она все же до конца оставалась лишеной наглости и чванства, которые под влиянием власти развились у столь многих политиков. Припоминаю случай, когда я организовал ее встречу с одним американцем, который руководил отделом по контролю за средствами массовой информации, а мне казалось, что такой опыт нам следует перенять. Когда мы ожидали в приемной на первом этаже резиденции по Даунинг-стрит, 10, она неожиданно появилась в дверях, на ногах ее были одни чулки, и забрала нас в свой кабинет. Леди Тэтчер так никогда и не овладела искусством терпеть дураков с улыбкой на устах, а это так важно в демократической политике. Именно ее язык жестов, а не ее политика до такой степени раздражал Джеффри Хоу, что тот

отказался от собственной выгоды и нанес ей предательский удар. С течением времени ее энтузиазм по поводу идей, казалось, угас, но ее несокрушимая уверенность в себе, которая сыграла такую важную роль, когда она была неопитом, штурмующим цитадель, стала помехой. Выборы лидера партии, проигранные ею в четыре голоса, являются ярким примером влияния личностных качеств на траекторию. Если бы она осталась и боролась за свое лидерство, лично встречаясь с колеблющимися и вялыми сторонниками и призывая ярых сторонников не дисквалифицировать свои голоса (не писать лозунги на бюллетене для голосования, что делает их недействительными), она бы вернулась домой спокойной. Вместо этого, сбита с толку непродуманным отчетами агитаторов, которые принимали за чистую монету обещания голосовать “за” (поскольку многие члены парламента, что для них характерно, подстраховываясь, обещали это обеим сторонам) и подстегиваемая жаждой триумфа на престижной парижской встрече на высшем уровне в связи с завершением холодной войны, которая совпала с противоборством за лидерство в партии, она поехала в Париж и оставила перевыборы без присмотра. О ее падении, как и об ее восхождении, ходят легенды, которые могут послужить предостережением последующим поколениям политиков.

Как было сказано выше, восхождение Маргарет Тэтчер к вершинам власти состоялось благодаря взаимодействию шанса, “необходимости” (в гегелевском толковании греческого термина *ananke*) со случайным, свойственным, присущим (по Аристотелю). Мне довелось стать катализатором этого процесса. Когда после победы на выборах 1983 года (которая казалась значительно большей, чем была на самом деле) Маргарет Тэтчер убедили освободиться от людей и идей, которые, главным образом, и привели ее к власти, она не понимала, что тем самым она разрушает идеальный цемент для фундамента своей собственной власти и что присущая ей решимость прямо зависит от идей, заложенных в “тэтчеризме”. В данном случае “дешерманизация” Центра перспективных исследований и его атмосферы, которая была колыбелью “тэтчеризма”, дала толчок к “детэтчеризации”, лишив ее путеводной звезды и сделав уязвимой для коллег-врагов. Легенды и литература изобилуют подобными примерами.

БАРОНЕССА ХЕНДОНСКАЯ МИЛЛЕР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАМПАНИИ “ЖЕНЩИНЫ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ” с 1986 по 1992 г.

Дорин Миллер была возведена в пэры в 1993 г. Она занимала посты председателя кампании “Женщины в общественной жизни” и председателя Управления здравоохранения имени семьи Барнет. В настоящее время она является спикером оппозиции по вопросам занятости и спикером оппозиции по вопросам торговли и промышленности.

Как я работала с Маргарет в качестве парламентского организатора партии

Иногда приходится слышать, что Маргарет недостаточно много сделала для отстаивания интересов женщин в политической и общественной жизни, в особенности в плане назначения женщин на посты в ее правительстве.

Однако ее отношение к женщинам в обеих названных сферах полностью отвечало общим принципам ее политической философии: люди, так же как и предприятия, делают успехи в соответствии со своими способностями — никакого особого покровительства, никаких квот. Рыночные отношения, если вам угодно.

Мой собственный личный опыт говорит совсем о другом.

В 1979 году, как раз перед выборами, мне была предоставлена возможность сыграть немаловажную роль в подготовке буклета для ее избирателей, изданного в форме газеты под названием “Лидер из Финчли”, одна из публикаций на первой странице

которой была пророчески озаглавлена: “Мы будем следующим правительством”.

Со временем, уже будучи Премьер-министром, она уделила много времени поддержке работы “Группы-300” — общепартийной организации, целью которой было увеличение численности женщин в Палате общин, председателем которой была я, заметьте, — не председательницей, а именно председателем! В 1991 г. по приглашению Дэвида Астора и “Группы-300” она торжественно открыла мемориальную доску на доме, где в свою бытность депутатом парламента жила Нэнси Астор.

В 1990 году именно по специальной просьбе Маргарет Тэтчер (не как Премьер-министра, а как местного депутата парламента, совместно с другими тремя местными депутатами парламента) я стала председателем Управления здравоохранения имени семьи Барнет, в связи с тем, как она объяснила, что сфера действия Управления охватывает ее избирательский округ (г. Финчли), она считала это назначение политически важным; так как существовала вероятность давления со стороны определенных групп, то на этот пост следовало поставить человека, имеющего опыт работы в политике, а также организационные способности, позволяющие выполнять поставленную задачу.

Это было первым из трех назначений на государственные посты, которые, несомненно, оказали очень существенное влияние на то, что мой послушной список был замечен “власть предержащими”, и способствовали моему восхождению в Палату лордов, поэтому я навсегда сохраняю в сердце благодарность именно за это назначение.

Когда я была на посту парламентского организатора партии в Палате лордов, она не принадлежала к группе пэров, за которых я отвечала. Бывшими Премьер-министрами занимаются люди, чье положение гораздо выше, чем положение должностного лица на самой низкой ступени правительственной иерархии (поскольку именно эту ступень в организационной структуре занимают правительственные организаторы партии в Палате лордов, а я в течение долгого времени была самой младшей из них).

Тем не менее, имея уникальную возможность контактировать с правительством, с одной стороны, и с простыми людьми, с

другой, я всегда хотела напомнить ей о содержании “текущей страницы книги гимнов”, когда порою случалось, что она отклонялась от него. Но как?

Есть такая загадка, в которой спрашивается: “Как дикобразы занимаются любовью?” Ответ звучит так: “Очень осторожно”.

Должна сказать, что когда я тактично и как бы мимоходом “брала слово”, поясняя, что думают активисты на местах, она слушала внимательно, кивала — и продолжала идти своим путем. Главное, что никогда не стоял вопрос “что вы себе думаете, кому вы это говорите?”

Возможно, это вам говорит кое-что о ее характере и о том, что сделало ее тем великим Премьер-министром, каким она была. Было время, когда приходилось слышать о ней другое мнение, но в конечном счете именно она составляла сама обо всем свое собственное мнение и принимала свое собственное решение.

К счастью для этой страны ее интуиция гораздо чаще подсказывала ей правильное решение, чем ложное.

Я не сомневаюсь, что другие авторы воспоминаний, помещенных в этом сборнике, которые были гораздо более тесно связаны с Маргарет Тэтчер, дадут более детальную картину ее работы на столь высоком посту.

Все, что я могу, это говорить о ней как о коллеге по местной политике, ее роли как поборника интересов женщин, которая не была предана широкой огласке, а также как члена высшей законодательной палаты в мире, участвовать в деятельности которой каждый почел бы за честь.

Я считаю, что когда она предстанет перед судом истории — истории, которая будет написана в стороне от суматохи текущей политики и политических дискуссий — ее многочисленные достижения во благо нашей страны переживут “маленькие местные трудности”, с которыми все еще порой связывают ее имя.

ГРАФ КЕЙТНЕССКИЙ

МИНИСТР с 1985 по 1994 г.

Малкольм Кейтнесский занимал пост парламентского заместителя министра при Маргарет Тэтчер с 1985 г., а позднее при Джоне Мейджоре до 1994 г. Его правительственная карьера связана с работой в различных министерствах, включая Министерство транспорта, Министерство внутренних дел, Министерство по делам окружающей среды, Казначейство, а также Министерство иностранных дел и Министерство по делам Содружества. В настоящее время он является избранным наследственным пэром Палаты лордов.

Очень “большой” человек

Трудно припомнить и точно представить себе картину жизни Британии двадцать один год тому назад. Запад утратил чувство цели и Государство стало вмешиваться во многие сферы нашей жизни. Казалось, мы попали в трясины, из которой ни одно правительство не сможет нас вытащить. Маргарет Тэтчер была первым лидером в Европе, который встал и сказал, что есть лучший путь. Ее правительства были первопроходцами в деле изменения роли Государства и усиления свободы индивида, что мы, как и большинство людей в других странах мира, теперь принимаем как должное. Реформы ожесточенно оспаривались, преимущественно теми, кто теперь выступает в защиту тех же самых стратегических линий. Порой ее рисуют невнимательной и не прислушивающейся к мнению других. Однако мне довелось узнать ее с другой стороны.

Вскоре после того, как меня назначили парламентским организатором партии, в начале лета 1984 года леди Тэтчер давала прием на Даунинг-стрит, 10, куда был приглашен и я. Никогда прежде я там не бывал и не был представлен Премьер-министру. Она встречала своих гостей у подножия лестницы и, когда подошло время, я был представлен ей. Она прервала прием гостей и уделила мне время, чтобы показать мне, самому младшему члену ее команды и самому молодому в зале, несколько картин в доме и рассказать мне о его истории. После этого она вернулась к остальным гостям. Эти действия свидетельствуют о ней как о "большом" человеке и внимательной хозяйке.

Моя первая важная рабочая встреча с Премьер-министром состоялась после того, как я пробыл около шести месяцев на посту министра по делам тюрем в Министерстве внутренних дел. Я полагал, что к тому времени я уже достаточно хорошо разобрался в деле, которым занимался. Однако очень скоро из нашего разговора стало ясно, что она знает гораздо больше чем я о практических деталях и реалиях политики в данном аспекте. Меня поразило, что человек, у которого есть так много других неотложных вопросов, так досконально знал и принимал активное участие в деле, которым занимается младший министр. Я понял, что если в будущем я не буду знать больше, чем она, на каждом совещании, посвященном вопросам, относящимся к сфере моих обязанностей, то я в ее правительства долго не удержусь.

Спустя несколько лет, в 1989 году, будучи министром Министерства по делам окружающей среды, я должен был принять участие в очень тяжелых переговорах в Брюсселе, где рассматривалась проблема выбросов газов, создающих "тепличный эффект". Министр Ник Ридлей поддержал мои предложения по ужесточению стандартов, ведущему к уменьшению выбросов, но это было связано с большими расходами для различных отраслей промышленности, так как потребовались бы закупки нового дорогостоящего оборудования. Мы подготовили документ по этому вопросу, но все остальные министерства выступили против, поэтому было созвано совещание, чтобы решить, что же делать. Ник был занят, поскольку в Палате общин рассматривался вопрос о законопроекте по жилищному строительству, поэтому мне пришлось отстаи-

вать свою точку зрения перед сомкнутыми рядами министров — членов Кабинета, которые оппонировали мне. Вопреки желанию некоторых из своих старших министров, Маргарет Тэтчер поддержала наши с Ником предложения, и они легли в основу новой позиции правительства. И впоследствии она поддерживала эту политику, как всегда, без колебаний. С тех пор стандарты еще больше ужесточены, но в то время, поддержав точку зрения меньшинства, она сделала смелый, прогрессивный шаг.

ЛОРД БЕЙСУОТЕРСКИЙ ПОУЭЛЛ

СОВЕТНИК ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ПО ВОПРОСАМ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ОБОРОНЫ с 1984 по 1991 г.

Прежде чем стать личным секретарем и советником Премьер-министра по вопросам внешней политики и обороны, а этот пост он занимал с 1984 по 1991 г., Чарльз Поуэлл служил дипломатом в Вашингтоне, Бонне и в Совете Европы в Брюсселе.

*“О Боже, как много в этом человеке
немецкого”*

После моей работы в Министерстве иностранных дел, продолжавшейся двадцать лет, в течение большей части которых положение и влияние Британии в мире неуклонно ослабевало, я находил свою работу с Маргарет Тэтчер по иностранным делам бодрящей, а временами — бурной. Ее чрезвычайная сила воли и лидерство разорвали, казалось бы, беспрерывный и неотвратимый цикл национального падения, помогли вернуть нации уверенность и дали нам возможность почувствовать, что с Британией в мире опять считаются.

Нельзя сказать, что моя работа с ней была спокойной. Ей были чужды остановки, а вихри, которые оставлял за собой ее легендарный чемоданчик, также никогда не утихали. Поездки за рубеж неизменно проделывались галопом. Полагаю, нашим рекордом было посещение семи стран — Малайзии, Сингапура, Брунея, Индонезии, Шри-Ланки, Индии и Саудовской Аравии —

за восемь дней. И только однажды за двенадцать лет она допустила оговорку, из которой стало ясно, что она не помнит, в какой стране находится. Куда больше проблем такого рода было с одним из ее предшественников, сэром Алеком Дуглас-Хоумом, жена которого, спускаясь вслед за ним по ступеням трапа во время зарубежных поездок, как правило, бубнила: “Китай, Алек, Китай” (или называла другую страну в зависимости от того, куда они прибывали).

Конечно, этому очень способствовало то, что она была женщиной: ее было легче идентифицировать среди мировых лидеров. Но немаловажную роль играла и ее личность, а также проводимая ею политика. Сильная и непреклонная антикоммунистическая позиция в союзе с Рональдом Рейганом, приведшая к триумфу Запада в холодной войне; победа на Фолклендах; возвращение “наших денег” из Европы; помощь Родезии, позволившая ей покончить с беззаконием и добиться независимости; поддержка наших американских союзников в Ливии, в то время, как остальные повернулись к ним спиной; обеспечение решительного ответа на вторжение Саддама в Кувейт. Все это сделало ее героической фигурой, легендарной Железной леди. Она выиграла не все свои сражения (первым примером поражения, который приходит на ум, является воссоединение Германии). И она вела много ненужных битв, в основном со своими собственными коллегами по правительству. Но она, несомненно, достигла укрепления позиций Британии в мире и, какими бы обиженными ни были лица и презрительными комментарии дипломатов старого стиля, она добилась, чтобы считались с интересами Британии. Проще говоря, в 1990 году нас воспринимали куда более серьезно, чем в 1980-м.

Маргарет Тэтчер никогда не была дипломатом, и она этим гордилась. У нее не было времени на изысканные фразы и тщательно продуманные компромиссы. Она была готова идти нога в ногу с любым мировым лидером от Горбачева до Ден Сяопина. У нее было то огромное преимущество, что ее невозможно было привести в замешательство — качество, не всегда присущее ее личному секретарю. Я припоминаю встречу с Президентом Миттераном в Париже, во время которой Президент взял ее на прогулку по Елисейским полям. Я сидел на солнышке, наслаждаясь

блаженным затишьем, со своим французским визави, когда в определенный момент меня вывел из задумчивости вид Миттерана, спешащего назад и прижимающего к себе обгаренный кровью носовой платок. В первую минуту я в панике подумал: “На этот раз она зашла слишком далеко — она его побила!”. На самом деле оказалось, что причиной нанесенных ему повреждений был не в меру бойкий щенок, но я пережил тогда неприятные минуты.

К Министерству иностранных дел как учреждению она относилась с глубоким подозрением, считая что его “узкоплеменная культура” обернулась привязыванием слишком большого внимания к иностранцам и довольно слабым отстаиванием интересов Британии, а также созданием собственной программы европейской интеграции. Она с удовольствием пересказывала расхожий анекдот о человеке, который спросил полицейского на Уайтхолл¹ во время Второй мировой войны, когда использовалась светомаскировка, на какой стороне Министерство иностранных дел, и услышал в ответ: “На противоположной”. Было несколько памятных случаев, когда Маргарет Тэтчер приходила в ярость, например, когда она потребовала проверить подарок, заботливо приобретенный Министерством иностранных дел, который должна была вручить Горбачеву, и оказалось, что он представляет собой пару красиво инкрустированных серебром щеток для волос. “Но он же совершенно лысый!” — вскричала она, и пришлось высылать в Лондон курьера, чтобы он привез другой подарок.

К счастью, ее предубежденность против учреждения компенсировалась глубоким уважением, которое она испытывала ко многим из его выдающихся служащих. Им она даровала что-то вроде амнистии за оплошности — реальные или вымышленные — допущенные их “альма матер”.

Дипломатия Маргарет Тэтчер была в большей степени связана с одержанием побед, чем с завоеванием друзей. Примером тому являются ее отношения с Гельмутом Кодем, который прилагал большое старание, чтобы завоевать ее дружбу. Проявлением этого было его приглашение Маргарет Тэтчер провести неделю в его родном городе, расположенном в Рейнланде, и, в частности,

¹ Уайтхолл — улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения (прим. переводчика).

посетить его излюбленную таверну, чтобы отведать любимое им блюдо из свиного желудка. Аппетит Маргарет Тэтчер, казалось, загадочным образом испарился, когда канцлер Коль заказал добавку. Мы проследовали в большой склеп романского собора, куда Маргарет Тэтчер пригласили для осмотра могил святых римских императоров, предшественников нынешних политиков в деле создания Европейского Союза. Пока она без видимого энтузиазма выполняла эту задачу, канцлер Коль отвел меня за колонну и сказал: "Теперь, когда она увидела меня здесь, в моем родном городе, в самом сердце Европы и на границе с Францией, она несомненно поймет, что я не просто немец — я европеец. Вы должны убедить ее в этом". Я принял это задание с тревогой. Как только мы оказались на борту нашего самолета, чтобы возвратиться в Британию, Маргарет Тэтчер опустила в свое кресло, сбросила туфли и провозгласила тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения, который был ее фирменной маркой: "О Боже, как много в этом человеке немецкого". У меня не хватило смелости, и я отказался от своей миссии переубеждать ее.

За границами Британии Маргарет Тэтчер завладевала воображением людей даже в большей степени, чем на родине. Нужно было видеть, какой восторженный прием ей оказывали огромные толпы людей в Польше, России, Грузии и Армении в конце 1980-х, чтобы понять, что она символизировала их надежду на освобождение от коммунистической тирании. Или быть свидетелем ее способности воодушевлять американскую аудиторию своими решительными, пылкими речами о демократии, верховенстве права и необходимости обороны. Или быть захваченным радужным, доходящим почти до экстаза, приемом со стороны огромных толп в Африке, вопреки фаталистическим предостережениям Министерства иностранных дел о том, что ее будут избегать.

Пылкая, порой на грани полной боевой готовности личность, она неизменно выступала за Британию. И так же, как она изменила саму Британию, она изменила и взгляды на Британию других стран — ее снова воспринимают как сильную страну, заслуживающую доверия и союзничества, задающую тон в мировых делах. Мы все еще пользуемся плодами этого.

ДЭВИД ПРАЙОР

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ СЕВЕРНОГО НОРФOLКА

Дэвид Прайор был избран в парламент от Северного Норфолка в 1997 г., в настоящее время он занимает пост вице-председателя Консервативной партии.

Естественное любопытство

Я могу сосчитать свои встречи с Маргарет Тэтчер по пальцам одной руки и сомневаюсь, что она помнит меня. Впервые я встретился с ней в 1982 году, когда работал с сэром Айэном Макгрегором, который в то время был Президентом компании “Бритиш Стил”. Меня попросили зайти на Даунинг-стрит, 10, чтобы рассказать госпоже Тэтчер, как ее тогда называли, о том, как обстоят дела в Шеффилде, где имело место наложение рынков национализированной компании “Бритиш Стил” и частных компаний, выпускающих спецсталь. Она должна была через несколько дней выступить с речью в Шеффилде.

Все, что я помню, это ее глубокий интерес к металлургии и всему процессу производства спецстали, что меня очень удивило. Казалось, она испытывала неподдельный интерес к влиянию молибдена и ванадия на свойства конечного продукта, превосходящий ее интерес к стычкам между “Бритиш Стил” и частным сектором. Ей были присущи естественное любопытство ученого и изобретателя и сильная вера в свободу и ответственность, которые и сделали ее таким великим Премьер-министром.

СЭР ДЖОРДЖ ГАРДИНЕР

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ РЕЙГЕЙТА с 1974 по 1997 г.

Сэр Джордж Гардинер был консерватором — депутатом парламента от Рейгейта с 1974 по март 1997 г. Он автор книг “Маргарет Тэтчер. От детства до лидерства” (1975 г.) и “Сказка внебрачного ребенка” (издательство “Аурум”, 1999 г.).

Ячейка революционеров

Команда, занимающаяся избирательной кампанией Тэтчер в 1975 году, как правило, собиралась в подземной комнате комитета под зданием Палаты общин под рассудительным председательством Эйрея Нива. Нашей задачей было проводить осторожный опрос с целью выяснить, как намеревается голосовать большинство из 276 депутатов парламента — консерваторов на выборах партийного лидера; все это должным образом регистрировалось Уильямом Шелтоном. Мы представляли собой странную группу: почтенные “заднескамеечники” типа Джулиана Ридсдейла, Джона Стоукса и Ангуса Мода; энергичные Норман Теббит и Николас Ридлей; симпатичный бродяга Билли Рис-Дэвис, который был тяжело ранен на войне и лишился руки; а также несколько таких как я — продуктов прошлогодних выборов. Эйрей работал под руководством Кита Джозефа, поддерживавшего Маргарет Тэтчер. Мы меньше всего на свете походили на ячейку революционеров — и если вы спросите, понимали ли мы, какую ураганную силу мы должны были вот-вот выпустить на британский народ — женщину, которая разрушит жалкие шабло-

ны послевоенной политики вместе с ее самодовольством и душным корпоратизмом, ответом будет — как бы не так!

Только немногие из нас тогда могли предвидеть время, когда могущественные лидеры профсоюзов не смогут больше диктовать Кабинету политику или свергать правительства. В своей речи, провозглашенной через девять дней после своего избрания лидером, Маргарет Тэтчер рассматривала вопрос с большой осторожностью: “Очень часто, когда Ваш путь преграждает твердая порода, — сказала она, — лучше всего не атаковать ее изо всех сил, а обойти или взорвать ее”. Что, черт возьми, она имела в виду, спрашивали мы себя.

Лишь оказавшись в следующем парламенте, мы начали осознавать, что мы сделали. Первый манифест Тэтчер, вообще говоря, был довольно-таки осторожным документом: новые законы, чтобы прекратить пикетирование, небольшое ужесточение законодательства про предприятия, принимающие на работу только членов профсоюза, новые ограничения иммиграции, усиление стимулов через налогообложение — ничего более.

В то время, когда были созваны выборы лидера, мы с Маргарет звали друг друга по имени, но не более того. Потом издатель попросил меня написать ее биографию, и она согласилась сотрудничать. Так и получилось, что весной того года я регулярно приезжал в ее квартиру на Флуд-стрит в Челси со своим магнитофоном. Во время этих сеансов я понял, как много для нее значили ее грентхемские корни. Она многословно рассказывала о своем отце Альдермане Альфреде Робертсе, о бакалейной лавке, которая принадлежала ее семье и над которой они жили, местной методистской церкви и ее культуре, и как лишения и надежды Второй мировой войны сделали ее тем, чем она стала. Лишь много лет спустя она развила эту тему в своих собственных мемуарах.

С тех пор и до ее падения в 1990 году я был одним из самых ярких ее сторонников из рядовых членов парламента, а в течение последних шести лет ее премьерства регулярно виделся с ней как председатель “Группы-92” — группы, состоящей из приблизительно сотни правоцентристских депутатов парламента — тори.

Если вы были рядом с Маргарет в трудные времена, то она в ответ готова была оказать вам поддержку и была лояльна к вам.

Но меня всегда поражала карикатура на нее в прессе, изображавшая ее импульсивной задирой, весело дубасящей всех, кто попался под руку, своей сумочкой. На самом деле она была чрезвычайно сдержанной. От всей души желая примирить старых консерваторов с уклоном к либерализму и сторонников ее предшественника Эдварда Хита, после победы в 1979 года она отдала им преимущество в ее Кабинете на восемнадцать месяцев, и только по истечении этого срока переформировала его с тем, чтобы он в большей степени соответствовал образу партии в целом. Питер Уолкер, который возглавлял кампанию за избрание лидером Хита, был введен в ее Кабинет и даже когда он провозглашал речи, содержащие стандартные нападки на ее курс, она не убрала его. О приватизации коммунальных предприятий почти ничего не было слышно вплоть до выборов 1983 года. Когда лидер шахтеров Артур Скаргилл начал нападки на нее в связи с закрытием шахт, она отступила, и возобновила борьбу, лишь подготовившись к сражению с ним.

Вопреки созданным прессой мифам, она была толерантной ко взглядам других, если они были достаточно аргументированы. Я не раз голосовал не так, как было предписано в специальной записке, но это никогда не рассматривалось ею как атака на нее саму и не сказалось отрицательно на наших доверительных отношениях. Тоталитаризм, прокравшийся в партию после падения Маргарет Тэтчер, не имеет с ней ничего общего. Когда мы еще были в оппозиции, я был среди тех, кто дважды в неделю консультировал ее при подготовке к часу вопросов и ответов Премьер-министра в парламенте. Мне довелось участвовать в организации противодействия возобновлению экономических санкций против тогдашней Родезии. Из-за нас партийные организаторы — тори оказались в затруднительном положении, тем не менее когда на следующий день я появился, несколько сконфуженный, на консультациях (вместе с Джеффри Пэтти, который также принимал участие в противодействии), она была настроена поддразнить нас: «Что с вами такое? Вы что, проглотили свои языки?» Она знала, что мы выступили против по принципиальным соображениям.

Она никогда не позволяла своей высокой должности мешать ей проявлять заботу о своих друзьях. Как-то во время ее первого

срока в парламенте в качестве Премьер-министра я зашел вечером на Даунинг-стрит, 10, чтобы обменяться мнениями с Айэном Гоу, который в то время был ее личным парламентским секретарем. Я застал его в ее квартире, и мы посмотрели по телевизору новости. Мы собирались пойти поужинать в его клубе, но Маргарет, которая пришла неожиданно рано, изменила наши планы, сказав: "Вы, должно быть, голодны, молодые люди". Несмотря на наши протесты, она исчезла за дверью маленькой кухоньки, вынула из холодильника нарезанную курицу, горох и морковь, а потом настояла, чтобы мы подсели за кухонный столик и разделили с ней ужин. Прежде чем мы закончили, появился Дэнис и приготовил кофе. Есть ли в мире еще хоть одна значительная нация, спросил я себя, Премьер-министр (или Президент, если таковой имеется) которой настаивал бы на собственноручном приготовлении ужина для нежданно появившихся гостей.

Когда в 1992 году я находился в больнице в ожидании операции коронарного шунтирования, она ежедневно присылала мне ободряющие записки. Во время последнего уик-энда перед операцией я написал статью для первой полосы "Санди Экспресс". Не успел я еще толком отойти от анестезии, как появилась записка от Маргарет, в которой она отмечала, что моя статья попала как раз в точку. Когда однажды в воскресенье я был среди гостей, приглашенных на ленч в Чекерс, то наблюдал, как она, склонившись возле инвалидной коляски Маргарет Теббит, подносила к ее рту вилку с едой. Она была уверена в том, что взорванная в Брайтоне боевиками Ирландской республиканской армии (ИРА) бомба, приведшая к параличу Маргарет Теббит, была на самом деле адресована ей самой.

Порою складывается впечатление, что средства массовой информации были настроены никогда не показывать эту человеческую сторону ее характера. Как-то я убедил ее принять участие в торжественном открытии новой больницы в моем избирательном округе. Это была первая больница, которую она открывала. Джеффри Хоу, Кеннет Бейкер и я присоединились к ней, поскольку больница обслуживала наши избирательные округа; присутствовали также министр здравоохранения Норман Фоулер и мэр Рейгейта. Послеобеденная программа срывалась, поскольку Марга-

рет провела значительно больше, чем предполагалось программой, времени, сидя у постели больных, слушая рассказы и выражая им сочувствие. Кроме того, она значительно больше запланированного времени провела с персоналом больницы, расспрашивая сотрудников и отвечая на поставленные ими вопросы. На всем пути за ней повсюду следовали камеры. И что же было в репортаже “Би-Би-Си”? Только то, что какой-то профсоюзный активист — участник крошечной демонстрации бросил яйцо в ее машину! Большое дело!

Ее окончательное падение не могло быть более отвратительным. В течение всего предшествующего года я и другие представители “Группы-92” часто предостерегали ее о таящихся опасностях, но она всегда была уверена, что сможет положить своих критиков на обе лопатки. Первый кинжал вонзил Джеффри Хоу, открывая путь для нападков со стороны Майкла Хезелтайна; Хезелтайн заявил, что у него есть более предпочтительная альтернатива крайне непопулярному подушному налогу, и по мере приближения выборов многие члены парламента — тори начинали беспокоиться.

Имелась так называемая “команда по проведению кампании”, но ничто не свидетельствовало о правильном ее ведении; чрезвычайно самодовольные, члены “команды” давали ей совершенно неверные советы. Еще хуже то, что во время выборов она была в Париже. Только вечером следующего после первого голосования дня (тогда она лидировала, но ей немного недоставало до полной победы), мы с другими членами “Группы-92” смогли связаться с ней. Но тогда было уже слишком поздно; ее решимость была подорвана коллегами по Кабинету, клявшимися в том, что будут ее поддерживать, но говорившими ей, что она никогда не выигрывает — “вероломство с улыбкой на лице”, как она охарактеризовала это позднее. Я никогда не забуду ее в те дни. Она чуть не плакала, когда мы умоляли ее не снимать свою кандидатуру, и я до сего дня уверен в том, что она выиграла бы, соответствующая кампания, проводимая по-настоящему лишь в последнюю минуту, своему названию.

Я не уверен в том, увидим ли мы когда-либо на посту Премьер-министра такую, как Маргарет Тэтчер, личность. Тем не

мене, женщина, которая одолела таких, как Скаргилл, генерал Галтьери, убийц-фанатиков из ИРА, которая сделала все, чтобы ее сограждане снова могли гордиться своей страной после многих лет ползучего социализма, и которая вместе с президентом Рейганом ускорила конец Советской империи зла, была свергнута нечистыми руками своих депутатов парламента из своей же партии, которые панически боялись маячащих вдали выборов, и министров, которые были обязаны ей всем.

ЛОРД КЛЕШФЕРНСКИЙ МАККЕЙ

ЛОРД-КАНЦЛЕР с 1987 по 1997 г.

После выдающейся юридической карьеры в Шотландии Джеймс Маккей в 1979 г. был возведен в пэры. Он занимал пост Лорда-адвоката с 1979 по 1984 г., а впоследствии — Лорда-канцлера с 1987 по 1997 г.

Предложение, которое я не мог отклонить

Я был удостоен чести быть назначенным Лордом-адвокатом в первой администрации Маргарет Тэтчер в мае 1979 года. До этого мы никогда не встречались, и предложение о моем назначении было мне сделано и принято мною по телефону. Я был удостоен чести оставаться на том же посту и в ее второй администрации, когда в октябре 1985 года я стал судьей-ординарием Апелляционного суда, одним из двух шотландских судей, постоянно присутствующих в Палате лордов.

В октябре 1987 года я слушал дебаты в Палате по законопроекту об уголовном правосудии после окончания судебного заседания, когда получил записку от секретаря Висконта Уайтлоу, в то время главы Палаты, в которой речь шла о том, что я должен срочно позвонить личному секретарю Премьер-министра. Я так и сделал, и был приглашен безотлагательно прийти на встречу с Премьер-министром.

Я послушно проследовал на Даунинг-стрит, 10, думая, что у Премьер-министра есть какой-то вопрос, который она хочет, чтобы я разъяснил. Как только я появился в резиденции, меня сроч-

но препроводили в кабинет Премьер-министра. Она встала, чтобы приветствовать меня, сразу предложила сесть и заняла стул напротив. Проинформировав меня о том, что лорд Хейверс, который в то время занимал пост Лорда-канцлера, навестил ее несколькими часами ранее и сообщил о своем желании оставить занимаемый пост по причине нарушения здоровья, она предложила мне занять пост Лорда-канцлера после него. Как вы можете представить себе, это была огромная неожиданность, и я ответил, что она знает о том, что я считаю воскресенье особенным днем, на что она отвечала, что также придерживается мнения, что это должен быть особенный день, но что никаких проблем в связи с этим не предвидится. Тогда я сказал, что должен посоветоваться со своей женой. Премьер-министр лучше, чем кто-либо другой знала о том, что, когда человек занимает высокий государственный пост, это оказывает большое влияние на его супругу и семью. Она сказала: "Конечно, пожалуйста, пойдите и позвоните ей", — так что мне предоставили возможность воспользоваться телефоном, который стоял на другом конце стола, за которым мы сидели, и я позвонил домой, но узнал лишь, что жены нет дома. Премьер-министр сказала: "Мы бы очень хотели сегодня же оповестить не только об уходе в отставку лорда Хейверса, но и о новом назначении, поэтому я очень заинтересована в том, чтобы как можно скорее получить Ваш ответ". Уходя, я пообещал сообщить о своем решении как можно скорее.

Как вы догадываетесь, я беспрестанно звонил домой, в Эдинбург, и наконец моя жена возвратилась и я рассказал ей о своих новостях, на что она ответила: "Ах, будет тебе, ты вряд ли сможешь отклонить это предложение". Я тотчас позвонил личному секретарю Премьер-министра, но он не согласился принять телефонограмму, а соединил меня с Маргарет Тэтчер лично. Я пересказал ей слова моей жены и дополнил, что ввиду такого ответа я буду счастлив и почту за честь принять ее приглашение. Она любезно сказала, что очень рада и что распоряжение относительно сообщения о моем назначении будут сделаны безотлагательно. И действительно сообщение было сделано в семь часов вечера того же дня.

Вскоре после этого моя жена прибыла в Лондон, и мы встретились с Премьер-министром в кабинете спикера. При встрече я

сказал Премьер-министру: “Вот та женщина, ответа которой мы ждали в тот день”. И с присущими Премьер-министру шармом и грацией она очаровательно склонила голову и сказала моей жене: “Ваш ответ нас очень обрадовал”.

Согласно установленному для государственных мероприятий порядку старшинства, на церемониях Лорд-канцлер следует непосредственно после архиепископа Кентерберийского, перед архиепископом Йоркским и Премьер-министром. Думаю, вы легко можете себе представить, какое замешательство испытывал я, так же как и моя супруга, при мысли, что мы должны следовать раньше Премьер-министра. И опять-таки ее шарм и грация постоянно проявлялись в таких случаях, и она всегда побуждала нас занять надлежащее место впереди нее, благодаря чему нам было куда легче сделать это, чем если бы она не была так любезна. Я оставался Лордом-канцлером в течение всего оставшегося времени пребывания Маргарет Тэтчер на посту Премьер-министра, и она всегда очень уважительно ко мне относилась, подчеркивая, что понимает важность исполнительной власти, и никогда не вмешивалась в работу и дела правосудия.

МЭТЬЮ ПЕРРИС

ТЕЛЕОБОЗРЕВАТЕЛЬ И ВЕДУЩИЙ РУБРИКИ

Поработав какое-то время в Исследовательском департаменте Консервативной партии и в личном офисе госпожи Тэтчер, Мэтью Перрис в 1979 г. был избран депутатом парламента от Западного Дербишира и оставался на этом посту до 1986 г. После этого он работал телеобозревателем, а наибольшую известность приобрел как автор парламентских заметок для "Таймс".

Я так и не отважился спросить...

Когда я был председателем отделения Южно-Беттерсйской консервативной ассоциации, мы приветствовали Маргарет Тэтчер как лидера оппозиции во время ее приезда в наши края. Я вместе с другими был делегирован местной прессой сопровождать ее во время прогулки с целью общения с прохожими на Норткоут-Роуд (там есть маленький рынок). Это было году так в 1978.

Она заметила муниципального служащего, сидящего за рулем автомобиля для уборки улиц. Перемолвившись с ним парой фраз, леди Тэтчер начала взбираться на водительское место со словами: "Покажите мне, как это работает, я буду убирать улицу. Только женщина знает, как добраться в закоулки, куда мужчины никогда не заглядывают".

В 1978 году Ассоциация обратилась к Маргарет Тэтчер с просьбой представить меня (в то время я был ее секретарем, занимающимся подготовкой корреспонденции) к награде за отвагу, проявленную при спасении собаки, тонущей в Темзе. Церемония происходила на Вестминстерском мосту в присутствии большого количества должностных лиц, собаки (по кличке Джейсон) и нескольких фотографов. Как частное лицо госпожа Тэтчер полагала, что спасать собаку было безумием. Но она была добрым работодателем и кроме того, без сомнения, не упустила удобного случая пофотографироваться.

Во время церемонии собака (как часто делают молоденькие кобельки) начала проделывать с ее ногой в элегантных чулках движения, которые собаки обычно делают при спаривании. Она не обращала абсолютно никакого внимания на это и продолжала улыбаться перед фотокамерами. До сего дня я не знаю, понимала ли она, что происходит внизу, и я так и не отважился спросить ее об этом.

ЛОРД ОУЭН

ЛИДЕР СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ с 1983 по 1992 г.

Др. Дэвид Оуэн занимал пост министра иностранных дел при Джеймсе Келлегене с 1977 по 1979 г. В 1981 г. он вышел из Лейбористской партии и создал Социал-демократическую партию (СДП) вместе с Роем Дженкинсом, Биллом Роджерсом и Ширли Уильямс. Он стал лидером СДП после выборов 1983 г. и оставил этот пост в 1987 г. после того, как она слилась с Либеральной партией. Он был вновь избран лидером СДП в 1988 г. и оставался на этом посту до 1992 г., когда стал председателем Международной конференции по бывшей Югославии. В настоящее время Лорд Оуэн заседает в Палате лордов в качестве независимого депутата парламента.

Дорогие духи и алкоголь

Мое первое личное воспоминание о Маргарет Тэтчер относится к тому периоду, когда она была министром образования в начале 70-х. Мой друг-медик пришел с ней на обед в Палату общин для обсуждения состояния одного молодого пациента, и когда она столкнулась со мной в парламентском коридоре, то пригласила пойти с ними в бар. Это была возможность увидеть ее без маски, поскольку открылись как лучшие, так и худшие качества Маргарет Тэтчер: уважение к молодому избирателю и желание докопаться до самого дна проблемы в сочетании с полной неспособностью понять, как человек семнадцати лет от роду может находиться в состоянии депрессии.

Будучи министром иностранных дел, я встречался с ней при исполнении различных официальных функций. В апреле 1979 года я сказал в интервью газете "Дейли Миррор": "Я видел ее на днях вечером в Палате общин и впервые она выглядела по-настоящему довольно привлекательной. Она пропустила пару рюмочек виски и слегка покраснелась, что ей очень шло. Она подошла, улыбаясь своей особой улыбкой, и от нее пахло сочетанием дорогих духов и алкоголя".

Разгневанная Консервативная партия представила это как первый грязный трюк перед приближающейся избирательной кампанией. Мое замечание сравнивали с замечанием президента Миттерана, которое он сделал позже, сказав, что "у нее губы Мерилин Монро и улыбка Калигулы". Но Джон Джуниор, редактор "Санди Экспресс", который обедал с ней на следующий день, нашел ее ненастороженной, и даже польщенной. Вот тогда-то примерно я и понял, что мы встретили в ее лице гораздо более грозного оппонента, чем было принято признавать большинством политиков-лейбористов.

Что касается партийного лидерства Маргарет Тэтчер, то я считаю, что во время шахтерского конфликта 1984 году она показала себя с наилучшей стороны. Ей удалось сократить потери и урегулировать конфликт, когда в 1981 году против нее выступил Джой Гормлей, а затем предвидеть заранее неизбежную конфронтацию с Артуром Скаржиллом. Когда в конце октября 1984 года союз шахтерских делегатов "NACODS" угрожал начать забастовку поддержки, я очень обеспокоился, понимая, что любая уступка им может быть использована Скаржиллом как способ спасти свое лицо. Находясь в одной комнате с Маргарет Тэтчер, я воспользовался случаем, чтобы вступить с ней в частную беседу. Она, казалось, была искренне обрадована, убедившись, что мои опасения относительного того, что Артур Скаржилл может "сорваться с крючка", в точности совпадали с ее собственными. Она не пыталась отрицать того факта, что некоторые из ее коллег хотели пойти на мировую, но была категорически против этого. При этом она отлично понимала опасность того, что Скаржилл может объявить о якобы одержанной им победе. Когда в марте 1985 года, через пятьдесят одну неделю после начала, забастовка

подошла к концу, сами шахтеры отrekliсь от своих лидеров и вернулись к работе, поскольку их деньги иссякли и славные люди с их самоуважением превратились в ничто. Но для страны в целом, для нашей уверенности в себе было важно, что запугиванию и насилию можно противостоять без слезоточивого газа или мобилизации вооруженных сил. Полиция, за небольшим исключением, действовала исключительно четко.

На встрече с Премьер-министром в ноябре 1983 года я поднял вопрос о представительстве СДП при возложении цветов к памятнику Неизвестному солдату. Я не успел еще и до половины изложить суть дела, когда вмешалась Маргарет Тэтчер, чтобы дать отрицательный ответ, заявив, что она категорически против того, чтобы увеличивать количество членов делегации. Неожиданно атмосфера накалилась. Я сказал ей прямо, что не вижу абсолютно никаких причин, почему партия, которую поддержали три с половиной миллиона избирателей, не может быть удостоена права возложить венок к памятнику Неизвестному солдату. В конце концов я поднялся, чтобы уйти, и сказал, что поскольку формальное решение было принято министром иностранных дел, я надеюсь, что она пересмотрит этот вопрос, в противном случае я вынесу его на суд общественности. Она зарделась, переходя попеременно от недовольного “Как Вы могли?” к взбешенному “Как Вы посмели?”. По сообщению газеты “Дейли Телеграф”, мнения министров по этому вопросу резко разошлись, многие из ведущих членов правительства были недовольны, а один глава министерства практически выступил против нашего исключения из состава делегации. Газеты по всей стране приняли нашу сторону. Это был хороший пример того основополагающего чувства справедливости и порядочности, которое, как считают, отличает британский народ. В конце концов Уайтхолл выработал формулу, которая позволила Премьер-министру сохранить лицо. О чем свидетельствует этот эпизод — о том, что хотя Маргарет Тэтчер все еще сохраняла полное господство, она не обладала абсолютным влиянием на общественное мнение или мнение редакторов газет и была в политическом плане весьма претенциозной, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что она принимала парад по поводу победы на Фолклендах вместо королевы.

Утром 15 апреля 1986 года, Британия, проснувшись, узнала, что ночью американцы бомбили террористические мишени в Ливии, используя самолеты "F-III", поднявшиеся с баз, расположенных в Британии. Премьер-министра немедленно атаковали за то, что она разрешила их использовать. Лидеры оппозиции, такие как я, осудили эти действия как незаконные. Однако в правительстве должны были принимать решение, и часто приходится выбирать меньшее из двух зол. В этом случае меньшим злом было оказать поддержку президенту Рейгану по его просьбе и посчитать, как это сделала Маргарет Тэтчер, что эти действия отвечают положениям статьи 51 Хартии ООН и являются актом самозащиты, в то время как на самом деле это было возмездие, запрещенное Хартией ООН. Получив значительную военную поддержку от президента Рейгана во время Фолклендской войны, Маргарет Тэтчер осознавала, что она должна будет оказать ему такую же помощь. В соответствии со своим характером, она не нашла бы возможным отказать, и то, что в таких сложных обстоятельствах она дала соответствующее разрешение, делает ей честь.

Когда история будет определять, является ли Маргарет Тэтчер великим Премьер-министром, решение будет выверяться на весах. Ее отказ нанес бы огромный ущерб нашим отношениям с администрацией Рейгана. Она проявила себя отважной и лояльной, но продемонстрировала также и отличительное качество большого лидера — способность закрыть глаза на инструкции или юридические тонкости и просто действовать, как подсказывает чутье.

После победы на выборах 1987 года именно Маргарет Тэтчер 7 июля 1988 года прямо предложила мне присоединиться к консерваторам. Она давала обед на Даунинг-стрит, 10 в честь лорда Керингтона в ознаменование его ухода с поста Генерального секретаря НАТО и вполне целенаправленно отвела меня и мою жену Деби в сторону, когда мы собирались уходить. В своей открытой манере она сказала Деби: "Ваш муж должен сделать важный выбор, и он не может больше уклоняться от этого. В британской политике есть только две серьезные партии, и мы, женщины, понимаем такие вещи; пора решаться". Деби вскипела, а я вежливо отказался присоединиться к Консервативной партии, поскольку

ку в то время я отказал и всем остальным, которые обращались ко мне с подобными предложениями.

Падение Маргарет Тэтчер началось во вторник, 30 октября 1990 года, когда она пришла в Палату общин, чтобы сделать заявление о римской встрече на высшем уровне. Я подогрел ее, задав вопрос относительно использования права вето. Из ее предыдущих пресс-конференций, где она появлялась со своим неизменным “Нет, нет, нет”, было ясно, что она очень взвинчена и адреналин кипит в ней, поскольку она парировала все предложения сторонников федерализма. Она заняла жесткую позицию против единой валюты и даже начала отступать от согласованной правительственной позиции относительно конвертируемого ЭКЮ. Я наблюдал за лицом Джеффри Хоу, когда он отвечал на эти вопросы: он выглядел жалким и несчастным. Честно говоря, думал я, это мертвая овца. Как же я ошибался, как потом выяснилось. Первого ноября Хоу подал в отставку, и его откровенная речь по случаю отставки предоставила Майклу Хезелтайну удобный случай, которого он долго ждал, чтобы оспорить ее лидерство. Ее падение связано с самонадеянностью по вопросу о европейском сообществе, а не с подушным налогом. Ее излишняя самоуверенность к тому времени все больше и больше бросалась в глаза в одинаковой степени и ее друзьям, и врагам. Она противопоставила себя тем, кто был источником ее собственной силы — членам парламента, принадлежащим к Консервативной партии. Она дошла до того, что не только перестала слушать своих коллег по парламенту, но даже стала пренебрегать их точкой зрения. Кабинет потерял в персональном составе и в качестве. Мнение большинства часто игнорировалось или было предметом манипуляций. Серьезные люди, которые знали, что Кабинет является важной конституционной гарантией, позволили с годами развиваться такому положению дел в ущерб всем нам. Кабинет был настолько бездейственным не только потому, что возглавлялся женщиной, но это было немаловажным фактором. При таком неактивном Кабинете члены парламента, принадлежащие к Консервативной партии, показали свою силу.

Как лидер СДП я солидаризировался с теми частями ее модернизирующей контрреволюции, которые могли способствовать

прекращению экономического падения Британии. В конце 90-х Тони Блэр как лидер новых лейбористов смело продолжал осуществлять ту же модернизирующую программу, которую, говоря по совести, перед ним осуществлял Джон Мейджор. По сути это контрреволюция средних классов. К началу двадцать первого века она еще не достигла всех поставленных целей, и ее достижения не носят пока необратимого характера. Но очень важные для Британии изменения уже произошли. Движущей силой и архитектором этой революции была Маргарет Тэтчер, но она принадлежит не только ей и не только Консервативной партии. Действительно, относительно валютной дисциплины революция началась еще с Дэниса Хилея и Джеймса Келлегена в 1976 году. Многие люди в нашей стране, которые не относят себя к узкопартийным политикам, поддержали эту контрреволюцию. По сути ее целью было возродить национальное самосознание, заново открыть коммерческое, ориентированное на рынок преуспевание викторианской эпохи, которое было не просто продуктом нашей империи, но в большой степени заслугой британской изобретательности, конструкторской мысли, предпринимательства и производственного мастерства. Кроме того, она была шагом к возрождению роли индивида и возвращению в прежние рамки границ навязчивого вмешательства государства. К сожалению, Маргарет Тэтчер не смогла достаточно близко подойти к достижению других идеалов среднего класса, чтобы результаты ее политики могли служить общественным благом, идти на пользу общества в целом, а по временам, как в случае с Государственной службой здравоохранения, она действительно сильно разочаровывала тех, кто проповедует эти ценности.

Веками средний класс находился под покровительством тех, у кого было наследственное богатство, но его представители пришли к выводу, что могут изменить положение дел и создавать богатство собственными силами. Однако неправильный уровень налогообложения личных доходов в 60-х и 70-х годах делал практически невозможным для платящих налоги законопослушных представителей среднего класса, аккумулировать богатство. Все это изменилось. Теперь именно средний класс создает богатство. Британия теперь занимает четвертое место в мире по уровню

благополучия, и перед нами открываются возможности постепенно победить бедность и улучшить наше здравоохранение и просвещение.

Маргарет Тэтчер была одним из четырех радикальных премьер-министров этого столетия. Когда вы входите в двери лобби для депутатов парламента в Палате общин, вы видите статуи Уинстона Черчилля и Ллойда Джорджа, которые охраняют вход в зал Палаты лордов. Справа от двери находится статуя Клементы Эттли, а слева есть место, оставленное для еще одной статуи. Нет сомнений, что рано или поздно как первая женщина-премьер она займет это место. И заслужено!

СЭР МАЙКЛ СПАЙСЕР

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ЗАПАДНОГО ВУСТЕРШИРА

Сэр Майкл Спайсер был депутатом парламента от Южного Вустершира с 1974 по 1997 г. и депутатом парламента от Западного Вустершира, начиная с 1997 г. Он занимал министерские посты в министерствах транспорта, энергетики и окружающей среды.

Героиня елизаветинского масштаба

В течение короткого периода во время всеобщих выборов 1983 года я занимал пост парламентского личного секретаря Маргарет Тэтчер. Я уже был заместителем председателя партии. Поскольку я занимался координацией большей части процесса детального планирования для выборов, было принято решение, что я достаточно хорошо знаю, что происходит, чтобы занять место носильщика сумочки Премьер-министра вместо Айэна Гоу, который довольно неожиданно решил, что ему следует проводить несколько больше времени в своем избирательном округе в Ист-бурне.

Лично для меня это было восхитительное время. Маргарет Тэтчер была на вершине своей доблести, и консервативная политика безудержно развивалась. Но для меня это было и опасное время. Маргарет всегда с осторожностью относилась к тем, кто видел ее в непосредственной близости в моменты высокой интенсивности. Описание некоторых событий поможет мне объяснить, почему моя карьера сделала некий зигзаг после того, как я поме-

нял пост личного парламентского секретаря на скамью депутата парламента.

В преддверии выборов я поехал с Премьер-министром в поездку по Восточной Англии. Дорога привела нас на приватизированные феликстоувские доки. Когда нам показали самый высокий в Европе кран, Маргарет Тэтчер выразила желание взобраться на него. Ни один избиратель не ждал нас наверху, но мировая пресса, распутив слюни, столпилась в ожидании внизу; в некоторой степени это было связано с тем, что она была одета в узкую черную юбку, в которой собиралась взобраться на сотни футов вверх по вертикальной железной лестнице.

Моя работа состояла в том, чтобы лезть за ней в близости, достаточной, чтобы помешать сделать снимок, столь желанный для них. Подъем был плевым делом. При спуске же я должен был контролировать на каждой ступеньке, куда ставила ногу Премьер-министр. Как и следовало ожидать, неприятное (для меня) фото обошло всю британскую прессу.

Позднее, во время самих выборов, был момент, когда мы приземлялись в эдинбургском аэропорту. Я беседовал с Дэнисом Тэтчером, сидящим в кресле позади моего. Рядом со мной сидел Дэвид Вольфсон, а рядом с ним — Премьер-министр. Неожиданно были произнесены слова, оказавшиеся для меня фатальными: “Посмотрим, что думает Майкл о последней фразе речи”. Я пробежал ее глазами и сказал что-то банальное типа: “Можно было бы немного ужесточить”. Премьер-министр взорвалась — она распаляла себя перед встречей с массовым сборищем своих сторонников, ожидающих ее в столице Шотландии. “Почему меня всегда окружает сплошная негативная беспомощность?”

Когда мы приземлились, меня посадили в машину с министром по делам Шотландии и его заместителем и сказали, что я должен придумать “последнее предложение” прежде, чем мы доедем до центра города. Я все еще не слишком волновался и сказал остальным, что это нормальное дело перед произнесением больших речей. Мы довольно легко придумали не одно, а три “последних предложения”, каждое из которых было брошено назад нам в лицо с презрением, едва мы пробились сквозь вопящие толпы и наконец добрались до комнатки при конференц-зале. Пресс-секретарь был

близок к помешательству: “Мы должны дать что-нибудь для прессы”. Выход нашел Дэнис: “Не нужно никакого последнего предложения”, — сказал он, и Премьер-министр пошла и выступила с одной из самых лучших своих речей за всю кампанию. Мне кажется, что я так никогда и не был прощен.

Потом еще был момент, когда, возвращаясь с программы “Би-Би-Си”, которую вела Сью Лоули и на которой один из приглашенных проявил бестактность по отношению к Премьер-министру, упомянув о потоплении корабля “Белграно”, меня попросили узнать у председателя партии (моего друга Сесила Паркинсона), не можем ли мы ликвидировать “Би-Би-Си” после победы на выборах. Премьер-министр была от меня на расстоянии не более нескольких ярдов, когда я делал соответствующий звонок из ее квартиры на Даунинг-стрит, 10. Поэтому она могла отчетливо слышать те сильные выражения, которые позволил себе председатель. Она с усмешкой повернулась к Дэнису и сказала: “Не думаю, чтобы председателю понравилась наше предложенье!” Это была неплохая шутка.

Победа на тех выборах никогда всерьез не ставилась под сомнение, до такой степени, что на последней неделе кампании меня попросили выйти из самолета Премьер-министра, чтобы выполнить небольшое поручение, тогда как самолет ждал меня на взлетной полосе. Я нашел ближайший таксофон в аэропорту. Мне были даны инструкции попросить Тима Бэлла “убрать” из всех общенациональных газет трехстраничную рекламу, атакующую наших соперников; последняя страница этой рекламы была совершенно пустой — подразумевалось, что на ней представлен манифест либералов. “Люди будут думать, что это пустая трата бумаги, — произнесла Премьер-министр, — в особенности при том, что мы собираемся победить”. Она была права. Выборы 1983 года были наивысшей точкой успеха консерваторов за всю вторую половину двадцатого столетия.

Она была победителем, героиней елизаветинского масштаба. Как и при дворе Волшебной королевы, при ее дворе лучше было держаться от нее на пару шагов в стороне. Ни один политик не продвинулся далеко после того, как, будучи в ее свите, ему довелось слишком сильно приблизиться к ней.

ЛОРД РОДИНГСКИЙ ДЖЕНКИН

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1979 по 1985 г.

Патрик Дженкин был членом Кабинета Маргарет Тэтчер с 1979 по 1985 г.: вначале он занимал пост министра социального обеспечения, затем в 1981 г. перешел в Департамент промышленности, а в 1983 г. — в Департамент окружающей среды. В 1987 г. Маргарет Тэтчер произвела его в пэры.

Всегда Маргарет

С самого начала оговорюсь: никогда за все 50 с лишним лет, что я знал Маргарет Тэтчер, ни я, ни кто-либо из моих коллег по партии ни в одной из палат парламента не называл ее “Мэгги”. Действительно, мы никогда не пользовались этим словом даже в разговоре между собой, не говоря уже о том, чтобы использовать его в обращении к ней. Она всегда была “Маргарет” или (в Кабинете) “Премьер-министр”.

Я упомянул об этом обстоятельстве потому, что оно является идеальной иллюстрацией пропасти, которая разделяет мир политики, каким его рисуют популистские средства массовой информации, и реальный мир, в котором на самом деле действуют политические фигуры. Слово “Мэгги” можно было видеть напечатанным — припоминаю колкий заголовок “Мэгги снова размахивает своей сумочкой”. Можно также припомнить демонстрации левых, на которых марширующие скандировали: “Мэгги, Мэгги, Мэгги, вон, вон, вон!” Если приклеить к политическому лидеру ярлык такого рода, становится проще создать ка-

рикатауру, которая все больше и больше отдаляется от реального человека.

Как-то я обсуждал это явление с ней — не потому, что я сам когда-либо удостоился прозвища (я не был достаточно важной особой, чтобы заслужить его!), а потому, что я испытывал то, с чем время от времени сталкивается каждый причастный к политике, — меня подвергли дружной кампании насмешек и поношений в прессе, имеющих очень мало, а то и ничего общего с реальностью. Реакция Маргарет была мгновенной и очень четкой: “Я никогда не читаю грязных вещей, которые они пишут обо мне, потому что они лишь расстроят меня, — сказала она, — и я искренне советую Вам поступать так же!”

Конечно же, она была права. Прессе вскоре надоедает преследовать одну и ту же жертву, и она находит себе какую-нибудь другую. Полагаю, это помогает лучше распродавать газеты, но мне любопытно было бы узнать, сколько людей, способных внести реальный вклад в общественную жизнь, ушло из политики не потому, что они боялись стать жертвами того, что, как я недавно услышал, называется “бульварным распятием”, а из-за нескончаемой клеветы на всех политиков.

Есть еще и другая сторона, и эта история иллюстрирует ее. Я вместе с нашим кандидатом как раз заканчивал прогулку с целью неофициального общения с избирателями в Момауте и уже сиделся было в машину, когда подошел мужчина и со знакомым всем мелодичным валийским акцентом произнес:

“Извините, господин Дженкин, могу ли я кое-что Вам сказать?”

“Конечно же, — ответил я, — только если недолго”.

“О, это не займет много времени. Я просто хотел сказать Вам (и в его голосе зазвучала горечь), что я ненавижу Вашу партию, я ненавижу вашу политику, я ненавижу все, за что Вы ратуете!”

Я ответил с улыбкой: “Похоже, Вы вряд ли отдадите нам свой голос!”

“Нет, отдам, — сказал он, — потому что она — единственный человек, который знает, чего хочет!”

Щелкоперы никогда не понимали этот феномен. Притягательность Маргарет Тэтчер для миллионов обычных мужчин и женщин всех профессий, вопреки отношению к ней политического

истеблишмента и прессы, была безмерной, и именно с ней связано то, что она так долго пребывала на постах лидера Консервативной партии и Премьер-министра. Господин Блэр полагает, что он слеплен из того же теста, но “препарирование” информации не может заменить собой характер, а “фокус-группы” плохой заменитель убежденности. Именно сила характера Маргарет и убежденность, с которой она преследовала свои цели, обеспечили ей огромную поддержку людей и благодаря им она выигрывала любые всеобщие выборы, на которые выдвигала свою кандидатуру.

Я знал Маргарет в течение примерно 50 лет. Мы познакомились в начале 50-х, когда она и я работали в Исполнительном комитете существовавшего в то время Общества консерваторов и унионистов “Судебных иннов”¹. Она была членом тех же палат в Темпле², что и я, хотя мы и работали с разными адвокатами. У нее была постоянно укрепляющаяся репутация значительного политика — ее избирательные кампании в Дартфорде в 1950 и 1951 годах привлекли внимание высокопоставленных членов парламента, включая Айэна Маклеода, который с самого начала определил, кто победит.

Припоминаю один из первых споров с Маргарет по поводу будущего сталелитейной промышленности. В ходе кампании я провел неделю в Южном Уэльсе, и в Эббв-Вейл имел возможность наблюдать, какое влияние на инвестиции в новый завод имела национализация на первых этапах. В связи с этим я сомневался в том, разумно ли пытаться денационализировать эту промышленность и ратовал за предоставление рабочим участия в предприятии через ту или иную форму партнерства. Маргарет отнеслась к этому насмешливо: только суровые условия рыночной дисциплины обеспечат успех промышленности, и мы не должны уклоняться от неизбежной политической шумихи. Но после того, как следующее консерваторское правительство действительно денационализировало ее, пришедшее ему на смену лейбористское правительство ее ренационализировало. Через тридцать лет после

¹ “Судебные инновы” — четыре юридические корпорации, готовящие адвокатов (прим. переводчика).

² Темпл — одно из двух лондонских обществ адвокатов и здание, в котором оно помещается (прим. переводчика).

моего спора с Маргарет, будучи министром промышленности в ее первой администрации, я подготовил компанию “Бритиш Стил” к приватизации, которая в конце концов и последовала во время ее пребывания на посту. Конечно же, она была права, но на то, чтобы ее мудрость восторжествовала, ушло более 30 лет.

Несмотря на наше продолжительное знакомство, я не был уверен в том, что она является именно тем человеком, который должен возглавить партию после того, как в 1975 году Тед Хит потерпел поражение на выборах на пост лидера, и я голосовал за Уилли Уайтлоу. Она хорошо об этом знала и, хотя я был членом Теневого кабинета, она спросила Дэниса Тэтчера, можно ли полагаться на мою лояльность. Он дал мне карт-бланш, и я сохранил за собой пост теневого министра энергетики. В январе 1976 года она попросила меня принять портфель теневого министра здравоохранения и социального обеспечения. “Вы работали в Казначействе и разбираетесь в государственных финансах. Теперь Вы будете подвергаться давлению как глава департамента, делающего самые большие расходы”, — сказала она мне. Однако она продолжала развивать свои соображения и произвела на меня глубокое впечатление, разъяснив первостепенную важность того, чтобы избежать принятия вообще каких-либо новых расходных обязательств. Она попросила меня добиться того, чтобы Министерство здравоохранения и социального обеспечения изыскало возможности экономии средств с тем, чтобы внести свою лепту в сокращение государственных расходов, связанное со снижением налогов. Это целая история.

При подготовке к выборам 1979 года мы взяли на себя только два конкретных обязательства в сфере, за которую отвечал я: пообещали не сокращать расходы Государственной службы здравоохранения и защитить пенсии и другие долгосрочные пособия от роста цен. Что касается здравоохранения, в котором мы унаследовали от своих предшественников трехлетний прогноз незначительного роста расходов (в постоянных ценах), стало ясно, что во время кампании встанет вопрос относительно того, что же означает наше обещание: имеем ли мы в виду отсутствие как сокращения, так и увеличения, или же мы рассчитываем на незначительное увеличение, запланированное нашими предшественниками? Я сумел убедить Джеффри Хоу, теневого канцлера, в необходи-

мости того, чтобы нам позволили сказать, что мы имели в виду вторую из этих двух возможных трактовок, и я сделал соответствующее обещание в вечернем выпуске новостей на “Би-Би-Си”.

Казначейство после этого не перестало настаивать на сокращениях, и в Кабинете я подвергся давлению остальных министров, которые требовали, чтобы я изыскал возможности для экономии своей доли расходов, поскольку мы должны были сократить их совместными усилиями. Я зачитал очень точно обещание, которое я дал по телевидению, и Маргарет сразу же, без каких-либо споров согласилась, что мы должны сдержать данное обещание, и мы его действительно сдержали.

После этого мы перешли к вопросу о соцобеспечении. Казначейство определило, что мы должны не допускать роста краткосрочных пособий в течение первого года нашей работы, а пенсии и долгосрочные пособия поднять на процент, меньший чем уровень инфляции. Я заранее предупредил Маргарет (в частной беседе), что буду вынужден напомнить коллегам ее собственные слова, сказанные в радиоинтервью. “Конечно же, Вам необходимо это сделать; мы должны иметь все факты, когда будем принимать решение”. Она, конечно же, повторила данное в Манифесте обещание “защищать пенсионеров от роста цен”. Когда я зачитал это, один из коллег сказал: “Ничего не поделаешь, не так ли? Переходим к следующему вопросу”. Маргарет дала понять, что она согласна стоически перенести критику, если Кабинет поддержит предложение Казначейства, но ее коллеги, проявив мудрость, не стали настаивать, и мы сумели помочь ей сдержать свое обещание.

Еще слишком рано, с точки зрения истории, судить о ее деятельности на посту Премьер-министра. Ходит множество легенд и мифов: о ее неуважительном отношении к коллегам; о том, что она иногда принимала сторону противников своего собственного правительства; что она настаивала на принятии решения, не выслушав министра, ответственного за данный вопрос. Во всем этом есть доля правды, но, конечно же, было бы совершенно неправильно думать, что *все* это правда. Она часто демонстрировала, что ум ее более острый, чем у большинства из нас, и если она поступала по-своему, то делала это потому, что у нее был потрясающий нюх на детали. Закончу я свой рассказ иллюстрацией.

Когда я был министром промышленности, сэр Айэн Макгрегор, председатель “Бритиш Стил”, пытался оказать на меня давление, чтобы я закрыл убыточный завод “Рейвенкрейг” в Мазеруелле. Однако этот завод стал “пробным камнем” в обвинении госпожи Тэтчер в том, что она “не заботится о Шотландии”. Я объяснил сэру Айэну, что закрытие этого завода невозможно с политической точки зрения, и попросил его предложить другие варианты.

Хорошо зная американскую сталелитейную промышленность, он попросил меня встретиться с одним из американских стальных боссов, и мы встретились втроем за обедом в ресторане “Уотерсайд” в Брее, недалеко от Хитроу. Там они показали мне схему, согласно которой “Бритиш Стил”, тогда еще государственное предприятие, должна была приобрести американскую компанию под названием “Кайзер Стил”, имеющую большой завод под Лос-Анджелесом в Калифорнии, акции которой котируются на рынке. “Рейвенкрейг” должен был начать производить болванки — большие стальные заготовки — для доставки в Калифорнию, из них “Кайзер” будет изготавливать тяжелые трубы для в то время бурно развивающихся нефтяных месторождений на Аляске. Это был бы новый для Великобритании экспортный рынок, который находится достаточно далеко от больших американских производителей стали в Чикаго и Пенсильвании, чтобы они могли конкурировать за поставки. Я попросил их проработать этот вопрос, давая понять, что для его положительного решения необходимо одобрение Кабинета.

Хотя переговоры о приобретении “Кайзера” были трудными и сложными, что было связано с технической стороной правил Нью-Йоркской биржи, путь вперед был разработан. У меня была твердая поддержка министра по делам Шотландии Джорджа Янгера и еще нескольких министров. Все это достигло апогея на проводившемся поздно вечером совещании в зале для заседаний Кабинета, на котором присутствовали не только представители Казначейства и Министерства иностранных дел, но и наши нью-йоркские институциональные инвесторы и юристы. Премьер-министр подробно расспросила этих американцев, попросив их в точности описать различные стадии процесса приобретения и в особенности

остановиться на том, в какой именно момент “Бритиш Стил” и соответственно Министерство финансов принимают на себя обязательства. Один из ответов застал меня врасплох, и я не сразу нашелся, что сказать, так как не видел способа, как обойти возникшее препятствие. Оказывалось, что мы будем связаны обязательствами раньше, чем меня информировали, — до того, как у нас будет возможность ознакомиться с полной документацией по “Кайзеру”.

То был момент истины. Маргарет обнаружила слабое место в аргументации и дальнейшее обсуждение могло привести только к решению о том, что нельзя двигаться вперед на предлагаемой основе, и мы прервали его далеко за полночь, очень разочарованные таким результатом.

На следующий день, обсуждая с нею принятое решение, я заметил, что возродить этот проект таким образом, чтобы обойти выявленную ею сложность, будет очень трудно. “Когда Вы не ответили незамедлительно на замечание юриста, — сказала она мне, — я поняла, что Ваше министерство не продумало этот момент и что будет слишком рискованно продвигаться на той основе, которую предлагали Вы с Джорджем”.

Важным моментом было то, что она запретила сэру Айэну присутствовать на этом совещании: “Он будет дезориентировать всех нас, отстаивая свою схему, а я должна быть уверена в том, что, давая гарантию, которую Министерство финансов вынуждено будет дать, оно не будет рисковать”. У меня нет и тени сомнения, что, как очень часто случалось, она была права!

Большинство людей, которые решают идти в политику, имеют весьма похвальные амбиции — они хотят служить государству. Мне очень повезло в том, что шесть из десяти лет, проведенных мною на передней скамье правительства, я провел в Кабинете Маргарет Тэтчер. Хотя в течение этих лет между мной и нею было несколько значительных стычек, я всегда вспоминаю об этих шести годах как о вершине своей политической карьеры. Когда в 1985 году я перешел в ряды обычных членов парламента (на заднюю скамью), газета “Гардиан” стала упрекать меня в чрезмерной лояльности к Маргарет Тэтчер. Все, что я могу сказать в ответ, — это то, что она заслужила ее, и я ни о чем не жалею!

ПАТРИК НИКОЛС

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ТЕЙНБРИДЖА

Патрик Николс является депутатом от Тейнбриджа с 1983 г. Он занимал пост парламентского представителя министра в Департаменте труда, а позднее — в Департаменте окружающей среды. В настоящее время он является спикером оппозиции по вопросам сельского хозяйства, рыболовства и пищевой промышленности.

Нам ее очень недостает

В понедельник после всеобщих выборов 1987 года были назначены заместители министров. Когда мне сказали, что я буду отвечать за реформу профсоюзов, очевидно потому, что я был хорошим адвокатом по бракоразводным процессам, меня пригласили на вечернику, которая должна была состояться в тот же вечер на Даунинг-стрит.

Прибыли все новые заместители министров. Они стояли, словно аршин проглотили, с бокалом хереса в руке, ожидая прибытия Премьер-министра. Она вошла торопливой походкой десятью минутами позже и сказала: “Я только что проводила совещание Кабинета. Как тяжело общаться с жалующимися министрами. Они все сказали, что устали, но я сказала им, что это не так”.

Многие из нас увидели разные возможности, как можно было бы ответить на это заявление, но только я был достаточно безрассудным, чтобы воспользоваться ими, и спросил: “И когда

Вы сказали им, что они не устали, поверили ли они Вам, госпожа Премьер-министр?”

Она посмотрела мне прямо в глаза и без тени иронии или юмора сказала: “Патрик, если я им говорю, что они не устали, значит они не устали”.

Вот какой она была, госпожа Тэтчер. Нам ее очень недостает.

СЭР ПИТЕР ЭМЕРИ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ВОСТОЧНОГО ДЕВОНА

Сэр Питер Эмери был впервые избран в парламент от Ридинга в 1959 г. и занимал этот пост до 1966 г. С 1967 по 1997 г. он был депутатом парламента от Хонитона, а с 1997 г. — от Восточного Девона.

Как я информировал Маргарет

Есть, конечно же, много историй. Одна из наименее известных произошла, когда Маргарет Тэтчер была назначена Эдвардом Хитом докладчиком от “переднескамеечников” по вопросам энергетики, сменив на этом посту сэра Джона Идена и став первой женщиной, получившей такое назначение. В то время я был вице-председателем Комитета по энергетике “заднескамеечников”, а она, будучи докладчиком от “переднескамеечников” по вопросам энергетики, — его председателем.

Как-то утром, вскорости после ее назначения, я пришел к ней домой, чтобы проинформировать ее о состоянии дел в энергетике. Мы обсудили все вопросы, которыми занимается министерство, включая вопросы железа, стали, газа, электричества, ядерной энергии и угольной промышленности. Когда приблизилось время ленча, Маргарет должна была уйти, так как у нее была назначена встреча, и я сказал, что осталось обсудить только нефтяную промышленность. Поскольку в то время я был директором нефтяной компании “Филипс Петролеум”, то я сказал, что могу проинформировать ее об этой отрасли в любое удобное для нее время.

Она повернулась ко мне и сказала с огоньком в глазах: “Питер, Вам не нужно беспокоиться. Я сплю с нефтяной промышленностью каждую ночь”. Естественно, ведь Дэнис в то время был директором нефтяной компании “Барма Оил”.

ЛОРД ИЛЬМИНСТЕРСКИЙ АРМСТРОНГ

СЕКРЕТАРЬ КАБИНЕТА с 1979 по 1987 г.

Роберт Армстронг вступил на государственную службу в 1950 г. Он занимал многочисленные высокие посты в Казначействе, Министерстве внутренних дел, секретариате Кабинета Министров, а в конце концов в 1981 г. стал главой Государственной гражданской службы. В настоящее время он заседает в Палате лордов как независимый депутат парламента.

Звонок из Белого дома

Однажды послеобеденной порой в мае 1982 года, а в то время шла война на Фолклендских островах, на моем рабочем столе зазвонил телефон. Звонил советник по национальной безопасности из Вашингтона: “Не могли бы Вы организовать “горячую линию”, поскольку Президент хочет переговорить с Премьер-министром?” Я сказал личному секретарю госпожи Премьер-министра, что звонит Президент и хочет говорить в Премьер-министром, включил “горячую линию” и проследовал для участия в разговоре.

Беседа началась с обычного обмена любезностями относительно здоровья и погоды, которые предписывает обычай даже в разговоре таких высокопоставленных людей, после чего Президент спросил, как дела в Южной Атлантике. Этот вопрос был самым злободневным для Премьер-министра, и она отвечала очень хорошо и бегло в течение примерно четверти часа. После этого начал говорить Президент. После двух-трех фраз он задал еще

один вопрос. Госпожа Премьер-министр воспользовалась случаем, чтобы затронуть те несколько моментов, которые она не могла осветить ранее, и отвечала на этот вопрос также очень хорошо и бегло в течение еще пятнадцати минут. Затем она поблагодарила Президента за звонок и выразила свою благодарность ему и правительству Соединенных Штатов за их помощь и поддержку, пообещала держать его в курсе относительно дальнейшего развития событий, попрощалась и повесила трубку.

Вскоре после этого я встретился с советником по национальной безопасности США и сказал, что мы были несколько озадачены звонком Президента и не вполне хорошо поняли, в чем там было дело. Он рассмеялся и сказал: “Нам не следует больше пробовать делать такое”. “Что Вы имеете в виду?” — спросил я. На что он ответил: “В общем, у нас было сообщение, которое нам надо было передать и которое, как нам казалось, британцы сочтут бесполезным, поэтому мы решили, что лучше всего будет, если оно будет передано Президентом Премьер-министру. Но проблема в том, что Президент не смог вставить ни слова”.

Много лет спустя мне довелось познакомиться с другим американским чиновником, который был одним из тех, кто присутствовал в Овальном кабинете, когда происходил этот разговор. Он сказал мне, что во время второго монолога Премьер-министра Президент отнял трубку от уха и держал ее перед собой, чтобы они все могли слышать, приговаривая при этом: “Ну, разве не изумительно?”

Я полагаю (хотя она никогда этого не говорила), что госпожа Премьер-министр имела недалекое от истины подозрение, что Президент звонил для того, чтобы передать какое-то неприятное сообщение, и не прочь была сделать так, чтобы ему трудно было это сделать.

СЕБАСТЬЯН КОУ

СПОРТСМЕН И ПОЛИТИК

За время своей атлетической карьеры Себастьян Коу побил 12 мировых рекордов, выиграл две золотые олимпийские медали и получил множество других наград. Он был избран в парламент от Фалмаута и Кемборна в 1992 г. и оставался депутатом парламента до 1997 г. В настоящее время он занимает пост личного секретаря лидера Консервативной партии Уильяма Хага.

Премьер-министр, Вы не правы

Маргарет Тэтчер имеет устойчивый имидж невероятно энергичной и умной женщины, которая никогда не меняет своего мнения. Во времена ее премьерства часто писали, что у нее редко бывает время для тех, кто не соглашается с ней. Мой собственный опыт, приобретенный задолго до того, как я стал депутатом парламента, и до того даже, как я стал заниматься политикой, не всегда свидетельствует в пользу такой точки зрения.

Это было в 1988 году, во время подготовки к Олимпийским играм в Сеуле. Я был приглашен на прием на Даунинг-стрит, 10, на котором было много выдающихся людей самых разных профессий, не только спортсменов. Госпожа Тэтчер была виртуозным профессионалом на таких мероприятиях. Она двигалась по комнате, беседуя со своими гостями. Вот она подошла ко мне и спросила, как проходит моя подготовка к предстоящим Олимпийским играм. Она знала, что я собираюсь отстаивать свой титул во

второй раз, и я сказал ей, что все идет хорошо (не зная, что те, кто производит отбор, имели другое мнение!). Затем она задала вопрос о том, за сколько времени до начала игр я собираюсь приехать на место для акклиматизации, и я понял, что беседа становится более детальной, чем я ожидал. Возможно это наивно, но я не предвидел, что Премьер-министр могла думать о подготовке, которой занимаются спортсмены. Большинство людей считают, что вы приезжаете, пробегаете дистанцию и возвращаетесь домой. Я объяснил, что поеду в Австралию, которая находится в том же часовом поясе, что и Сеул, на тренировку, а потом полечу непосредственно в Олимпийский лагерь с тем, чтобы прибыть туда за несколько недель до начала игр.

“О, Вам не нужно столько времени”, — сказала она. “А я думаю, что нужно”, — решил ответить я.

И наш разговор продолжался в такой манере, но оба мы оставались каждый при своем мнении. Наша дискуссия с леди Тэтчер стала очень детальной, причем она все сильнее сосредотачивалась на том, чтобы перетянуть меня на свою точку зрения. Остальные гости на время были лишены ее внимания, поскольку она забрасывала меня вопросами. В течение некоторого времени для нее ничто другое не имело значения. Все усилия разных личных секретарей препроводить ее к следующему гостю не давали никакого результата, и наш разговор становился все более и более оживленным.

В конце концов госпожа Премьер-министр посмотрела мне прямо в глаза и сказала: “Господин Коу, я полагаю, что Вы заблуждаетесь, а я — химик-исследователь”. На что я ответил: “Госпожа Премьер-министр, я думаю, что Вы не правы, а я — дважды чемпион Олимпийских игр”. На какое-то мгновение мне показалось, что моя тренировка начнется раньше, чем я планировал, но вместо этого ее от природы несколько строгое выражение лица слегка смягчилось, и она рассмеялась: “Верно, — сказала она, — я собираюсь поручить нашему послу в Сеуле, чтобы он предоставил посольство в Ваше полное распоряжение. Вы должны иметь все, что Вам необходимо”.

АДМИРАЛ СЭР ДЖОН ВУДВАРД

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ МЕТРОПОЛИИ с 1987 по 1989 г.

Адмирал сэра Джон Вудвард, известный как Сэнди, сделал длинную и выдающуюся карьеру в Королевском флоте, на который он поступил в возрасте 14 лет. Он служил на многочисленных кораблях и занимал разнообразные посты в Министерстве обороны, достигнув в конце концов ранга адмирала и поста Главнокомандующего флотом метрополии. В 1982 г. он руководил экспедиционным корпусом во время его миссии по возвращению Фолклендских островов. В настоящее время на пенсии.

Как я перебил Премьер-министра

В 1985—1986 годах я занимал в Министерстве обороны пост, достаточно высокий, чтобы пару раз подменить Начальника штаба обороны на заседаниях в Кабинете Министров в качестве профессионального военного советника министра обороны. На следующий день после такого случая я обедал с одним из секретарей аппарата Кабинета Министров (это ряд людей, которые сидят справа от Премьер-министра, чтобы записывать все, что происходит), который довольно неожиданно сказал: “Вам вчера очень повезло”.

Не зная ни о каком особом подарке судьбы, который я получил бы недавно, я спросил его, о чем он говорит, и услышал в ответ: “Вы перебили Председателя”.

“Председателя... — сказал я, — Председателя... Какого председателя?”

“Премьер-министра — госпожу Тэтчер — Вы вчера ее перебили на полуслове”.

“Ах, этого Председателя! Ну, и что же в этом такого? Она излагала свои взгляды по специальному военному вопросу — и она была не права. Кто-то же должен был сказать ей...”

“Ничего такого в этом вообще-то нет, только...”

“Ну конечно, если Премьер-министр вот-вот допустит грубую ошибку в результате неполного знания предмета, кто-то должен ее перебить, дать ей дополнительные факты и сделать все, чтобы она вынесла политическое решение на основе полной и правильной с профессиональной точки зрения информации. Как бы то ни было, она остановилась, дала мне сказать все, что требовалось с тем, чтобы она могла четко придерживаться военных фактов, приняла эту информацию и продолжила рассмотрение вопроса, чтобы в конце концов выработать подходящий план действий. Что же, скажите на милость, в этом особенного? В чем тут везение? Разве не так обычно делаются дела и разве не так они должны делаться?”

“Ну, и да, и нет, — ответил он, — последний парламентский заместитель министра, который перебил ее, был уволен”.

“Туда ему и дорога!” — сказал я. — “Очевидно, он давал ей “профессиональный военный совет”, сам совершенно не владея предметом, или давал политический совет, который она после восьми лет премьерства уже не раз слышала раньше. Скорее всего, это было неуместно и в результате она впустую потеряла время. Вероятно, она об этом знала лучше”.

Вывод, который я сделал из этого довольно странного разговора, состоит в том, что мы имели бы превосходного главу исполнительной власти при условии, что она оставила бы при себе нескольких советников, готовых время от времени говорить: “Нет, госпожа Премьер-министр”. Удача тут вовсе не при чем.

Должен признаться, что переданный тут разговор несколько приукрашен, главным образом, чтобы придать ему больше смысла. Я это сделал для того, чтобы стало понятно, что по крайней мере в 1986 году она все еще прислушивалась к разумным советам, хотя для того, чтобы их давать, требовалась некоторая решительность. Я подозреваю, что причина ее падения, последовавшего позднее, в наибольшей степени связана именно с тем, что у нее не стало таких советников.

СЭР ТЕДДИ ТЕЙЛОР

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ РОЧФОРДА И ВОСТОЧНОГО САУЗЕНДА

Сэр Тедди Тейлор является депутатом парламента с 1964 г., вначале он был избран от Глазго Каткарт, затем, в 1980 году, — от Саузенда, а с 1997 г. — от Восточного Саузенда. Он занимал в Теневом кабинете Маргарет Тэтчер пост докладчика по вопросам торговли, а потом — по вопросам Шотландии.

Теневой кабинет Тэтчер

Одним из наиболее захватывающих периодов моей парламентской жизни был период, когда госпожа Тэтчер пригласила меня в свой Теневой кабинет на пост докладчика по торговле и промышленности, а потом — докладчика по Шотландии.

Мне всегда казалось, что одна из главных причин, почему меня вообще назначили, состояла в моей позиции по вопросу о передаче власти в Шотландии и, к счастью, партия под председательством госпожи Тэтчер пересмотрела свои взгляды по вопросу о передаче власти и отказалась от обязательств на этот счет. Всегда считалось, что передача власти является единственным способом подорвать рост Шотландской национальной партии (ШНП), которая добивалась полной независимости Шотландии, а госпожа Тэтчер, как и я, считала, что передача власти не только не подорвет националистическое движение, но и предоставит ему возможности дальнейшего роста. К счастью, сойдясь лицом к лицу с националистами, нам удалось практически устранить их от выборов 1979 года и без обязательства передачи власти. Един-

ственная персональная проблема, конечно же, состояла в том, что после того, как ШНП осталась без голосов, я потерял свое место в Каткарте, в Глазго, и вернулся в парламент позднее в качестве депутата от Восточного Саузенда (я был избран на дополнительных выборах). Мне кажется, я никогда не забуду того, что, хотя госпожа Тэтчер одержала победу на выборах и была на пути на Даунинг-стрит, она все же нашла время, чтобы позвонить мне на следующее после выборов утро и высказать свое сочувствие.

Дискуссии, которые мы вели в Теновом кабинете, когда я был его членом, были действительно захватывающими, поскольку вместо стремления к политической пропаганде мы, казалось, большую часть времени проводили за обсуждением детальных и фундаментальных вопросов, которые должны были заложить основы администрации Тэтчер. Среди наиболее важных вопросов, которые мы должны были рассмотреть, находились проблемы прекращения злоупотреблений в профсоюзах, снижение уровня налогообложения и содействие приватизации. На рассмотрение Тенового кабинета постоянно выносились политические документы, и госпожа Тэтчер всегда, казалось, стремилась иметь кого-то, кто бы выдвигал противоположное мнение, которое и становилось объектом настоящей дискуссии. Если она побеждала в споре, она всегда ожидала, что все в Теновом кабинете разделят с ней принятое решение и последуют за ней, но если же она проигрывала в споре, то Уили Уайтлоу, как правило, выступал с предложением отправить вопрос в подкомитет, а это означало, что вопрос больше не обсуждается.

Я никогда не забуду Джима Праера, который был одним из тех, кто постоянно выдвигал сильные аргументы против некоторых кардинальных изменений в политике, но всегда принадлежал к числу наиболее лояльных и склонных к сотрудничеству членов Тенового кабинета: если решение было принято, он полностью его поддерживал. Мне нравилось принимать участие в этих дискуссиях и выражать свое мнение.

Госпожа Тэтчер руководила Теновым кабинетом, как учитель в школе. Поскольку я занимал очень твердую позицию относительно ЕС, то постоянно стремился убедить Теновой кабинет принять более напористую политику по этому вопросу. Прекрас-

но помню, как однажды она обошла вокруг стола в Теневом кабинете, похлопала меня по руке и с улыбкой на лице сказала: “Не упоминайте сегодня больше ЕС, Тедди”, — и все собравшиеся рассмеялись.

Мне кажется, что наиболее впечатляющим аспектом дискуссий в Теневом кабинете для меня было то, что под ее руководством мы внимательно и серьезно рассматривали проблемы, которые, как ей казалось, в Британии слишком долго игнорировались, и благодаря тому, что во время ее пребывания у власти разработанные тогда стратегии были реализованы, Британия смогла преодолеть многие проблемы, от которых все еще страдают другие европейские государства. Я абсолютно уверен в том, что она была величайшим политиком среди тех, кого мне довелось повидать в парламенте в течение моего продолжительного пребывания в рядах его членов, и, безусловно, она сделала большое дело для страны в целом.

ВАЦЛАВ КЛАУС

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ с 1992 по 1997 г.

Вацлав Клаус является одним из величайших политиков посткоммунистической Восточной Европы. Он стал Премьер-министром Чешской Республики в 1992 г., а до этого занимал пост министра финансов. Он является автором многочисленных книг и обладателем целого ряда наград за борьбу за дело мира.

Исключительная женщина

Несмотря на то, что мы с Маргарет Тэтчер за последнее десятилетие не раз встречались лично, я коротко расскажу о ее взглядах и позициях, а не о личных моментах. Мой взгляд — это взгляд политика из Центральной Европы и бывшей коммунистической страны. В этом, вероятно, состоит его некоторая необычность.

Конечно же, были определенные внутренние причины, мотивы и аргументы, но не будет большим преувеличением, если мы скажем, что революция в Центральной и Восточной Европе, которая положила конец коммунизму, началась в 1979 году с победой Консервативной партии во всеобщих выборах, которая поставила Маргарет Тэтчер во главе британского правительства. Она атаковала государство, все более возрастающая экспансия которого была основной тенденцией в течение всего двадцатого века. Это было столетие социализма со всеми его эпитетами и с разной степенью унижения и деградации индивида — и ее борьба против социализма была первым примером успеха. Она показала, что эта тен-

денция обратима и что можно вернуться к либеральной политической, экономической и социальной системе.

Не желая идеологизировать, я, однако, не могу не упомянуть о том, что, в отличие от многих — в большей или меньшей степени — примиренческих западных политиков, Маргарет Тэтчер понимала опасность коммунистической доктрины, и именно ее непримиримое отношение в огромной степени способствовало тому, что коммунизму был положен конец.

Она считала политику не “технологией власти”, а инструментом претворения в жизнь определенных идей и моральных принципов. Именно на этом основывается ее бескомпромиссная позиция, за которую ей дали прозвище Железная леди. Оно не имеет ничего общего с ее личными качествами, насколько я ее знаю. Она не принадлежала к тому типу политиков, которые идут на компромиссы. Аналогично, ее союзники либо разделяли с ней ее идеи и моральные принципы, либо они не могли быть ее союзниками.

Маргарет Тэтчер не считала свободу способом достижения большей эффективности и благосостояния. Она была моральным принципом и наивысшей ценностью. Поэтому свободное общество было не просто политическим лозунгом, но глубоко укоренившейся мечтой, которую она постоянно, всю свою жизнь, стремилась претворить в жизнь. Те, кто обвиняет ее в упрямстве, упорстве и своеволии, — это люди, которые на самом деле так никогда и не смогли понять настоящее значение “свободного общества”.

Она вошла в политику в то время, когда превалировала вера в “современное общество благосостояния” и в “смешанную экономику”. Невмешательство считалось реликтом, принадлежащим к девятнадцатому веку. Маргарет Тэтчер выступила против доминирующих в то время взглядов, что в конце 70-х — начале 80-х годов было уникальным. К счастью, в этой “кампании” за реставрацию старых ценностей она нашла союзника по ту сторону Атлантики — в лице Рональда Рейгана.

Точно так же она не могла смириться с процессом объединения Европы. Маргарет Тэтчер всегда видела Европу сообществом свободных и суверенных государств, связанных (или объ-

единенных) свободной торговлей. Однако на Европейском континенте начала господствовать идея создания чего-то наподобие “сверхгосударства” или федерации Европы. Бюрократизация европейских структур, все возрастающая “еврократия” и отрицание принципов свободной торговли в глобальном масштабе удручали ее, и она присоединилась к группе так называемых “евроскептиков”, к которой имею честь принадлежать и я.

Ее взгляды в политике и ее поведение в повседневной жизни доказывают, что она является одной из выдающихся фигур последней четверти двадцатого века. Я встречался со многими гигантами мировой политики, но ни один из них не произвел на меня такого впечатления, как эта исключительная женщина.

АЛЕКС ЭЙКЕН

ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ

Алекс Эйкен в 1989—1990 гг. был председателем Комитета студентов-консерваторов, а с 1993 г. работает в центральном офисе Консервативной партии в качестве пресс-секретаря.

“Заткнитесь, Премьер-министр”

Национальный комитет студентов-консерваторов устраивал ежегодные встречи с Премьер-министром. Я участвовал в таких встречах в 1989 и 1990 годах. Припоминаю два момента встречи, состоявшейся в 1990 году.

Во-первых, у нас была составлена повестка дня, охватывающая различные вопросы, касающиеся высшего образования. Эти встречи всегда превращались в энергичные дискуссии, которые, как правило, выходили за рамки отведенного времени. В самом начале встречи, после представления участников, госпожа Тэтчер пустилась атаковать “социализм” в высшей школе. Она все говорила и говорила, и я начал опасаться, что мы не успеем обсудить вопросы, стоящие в конце повестки дня, поэтому я вмешался. Я сказал госпоже Премьер-министр, что, хотя ее взгляды и правильные, мы должны пройти всю повестку дня, поэтому нам следует перейти к следующему вопросу. Слегка ошеломленная тем, что ей пришлось остановиться на полуслове, она сказала: “Ах да, ладно, скажите, какой у нас следующий вопрос”. Коллеги впоследствии говорили, что они были поражены тем, что я сказал Премьер-министру “заткнуться”. Однако мы действительно смогли выполнить всю повестку дня.

Позднее в ходе встречи мы должны были сделать официальную фотографию Комитета с Премьер-министром. Расстановка мебели в ее кабинете была такой, что разместить всю группу было трудно. Это не составило проблемы для Премьер-министра, которая просто подняла большое канапе и потащила его через всю комнату к изумлению Комитета и должностных лиц.

Во время двух выборов на пост лидера в 1989 и 1990 годах три председателя молодежных секций партии (молодых консерваторов, студентов и Национальной ассоциации выпускников-консерваторов) написали совместные письма в поддержку госпожи Тэтчер. В том и другом случаях мы получили ответы.

В день ее отставки как лидера (22 ноября 1990 г.) офис секции студентов-консерваторов стал центром для молодых консерваторов. Около 30 человек пришли в офис на Артиллери-Роу и, просто сидели в гробовой тишине, наблюдая за тем, как разворачиваются события. Никто не мог в это поверить.

Госпожа Тэтчер вызвала панику в пресс-офисе партии в мае 1990 года, когда она позвонила ранним утром после выборов, чтобы узнать о результатах в городке Боро (Барнет), который принадлежит к ее округу Финчли. Ни несчастный дежурный пресс-секретарь (а дело было в 7 часов утра), ни кто-либо другой из сотрудников не знали результатов. Естественно, все обвиняли друг друга, и в последующие годы дежурные пресс-секретари всегда были вооружены исчерпывающей информацией о результатах выборов на каждом месте.

АНЖЕЛА БРАУНИНГ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ТАЙВЕРТОНА И ХОНИТОНА

Анжела Браунинг являлась президентом организации “Женщины — в бизнес”, а в 1992 г. была избрана депутатом парламента от Тайвертона и Хонитона. В настоящее время является членом Теневого кабинета.

Внимание к деталям

Будучи человеком, стремящимся к избранию в члены парламента, я в 1980 году была удостоена чести в качестве президента организации “Женщины — в бизнес”, быть гостем на приеме в банкетном зале Уайтхолла. Премьер-министр провела с нами вечер, вручая награды и кружась между гостями в течение более часа. Мой супруг сопровождал меня, и когда Премьер-министр уже собиралась уходить, я представила его ей. Она никогда раньше не встречалась ни со мной, ни с ним, но тут немедленно повернулась к нему и сказала: “О да, Вы ведь бухгалтер, не так ли? Расскажите мне, как там бизнес в Девоне?”

Я была потрясена. Ее внимание к деталям и то, как она подготовилась к такому на самом деле просто рутинному мероприятию, было более чем впечатляющим.

ШЕРИЛ ДЖИЛЛАН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ЧЕШЕМА И АМЕРШЕМА

Шерил Джиллан являлась президентом организации “Боу Груп”, после чего в 1992 г. была избрана депутатом парламента. В настоящее время является докладчиком оппозиции по иностранным делам и делам Содружества.

Поощрение женщин

“Так что же, когда Вы собираетесь попробовать стать депутатом парламента? Нам нужно больше женщин в политике”, — эти слова были обращены ко мне на официальном обеде как раз перед всеобщими выборами 1979 года, и, учитывая один из самых распространенных мифов о женщинах, должно быть, читатели удивятся, узнав, что эти слова были произнесены в мой адрес именно Маргарет Тэтчер.

На том обеде я сидела рядом с госпожой Тэтчер, которая в то время была лидером оппозиции. Мы беседовали о том, как напряженно приходится работать каждому, кто хочет одержать победу на выборах, и о том, как близка она была к тому, чтобы стать первой женщиной Премьер-министром. Когда госпожа Тэтчер спросила, не хотела ли бы я заняться политикой, я отвечала, что всегда была очень тесно связана с ней. Поэтому я и стала членом “Боу Груп”, что дало мне возможность реализовать мой интерес к политике. Затем госпожа Тэтчер задала памятный вопрос, который и подвигнул меня к тому, чтобы добиваться членства в

парламенте и, в конце концов, привел к моему избранию в Палату общин в 1992 году.

Вопреки тому, что многие люди говорили о Маргарет Тэтчер, она действительно поощряла женщин к участию в политике — это я могу засвидетельствовать.

ЛОРД БЕЛЛВИН

ГЛАВА ГОРОДСКОГО СОВЕТА г. ЛИДСА с 1975 по 1979 г.

Лорд Беллвин стал членом Городского совета г. Лидса в 1969 г. и занимал пост главы Городского совета Лидса с 1975 по 1979 г., после чего был произведен в пэры. Он был на посту парламентского заместителя министра в Департаменте окружающей среды с 1979 по 1983 г., а с 1983 по 1984 г. — государственным министром по делам местного самоуправления.

Настоящий лидер

Впервые я повстречался с Маргарет Тэтчер благодаря моей причастности к местному самоуправлению. Это произошло в конце 60-х годов, когда я был председателем Комитета по вопросам жилищного строительства Городского совета Лидса. Наряду с Китом Джозефом она была сопредседателем небольшого политического комитета партии, который занимался поиском возможностей развития жилищного строительства.

Я еще не раз встречался с ней в течение следующих нескольких лет, когда занимал пост лидера по связям между центральным правительством и местным самоуправлением, в то же время являясь руководителем консерваторов в Городском совете Лидса. Мы создали неформальную группу по связям, которая организовывала встречи с ней три-четыре раза в год.

Годы правления Теда Хита не привели к налаживанию хороших отношений между центральным правительством и местным самоуправлением. Хит был слишком отстраненным и на самом

деле не очень-то прислушивался к тому, что ему говорили лидеры Консервативной партии на местах по всей стране.

В отличие от этого, Мэгги, хотя и не проявляла особого энтузиазма относительно местного самоуправления, но всегда была жадной к знаниям. Вопреки тому, что о ней часто говорят, мой опыт свидетельствует, что она всегда выслушивала, основательно расспрашивала и, если ее удавалось убедить (что было нелегко), то могла принять другую точку зрения. Она предпочитала решительность и уважала знания и практический опыт, в особенности если он опирался на успех.

Она неизменно была готова поощрять, и сама проявляла лояльность, если, по ее мнению, дело того стоило, и ожидала лояльности от других. Она всегда была серьезным, целеустремленным и сосредоточенным на своем деле человеком, вызывающим неподдельное уважение. Я находил ее доброй, внимательной к другим и конечно же заботливой. Она не любила пустые светские разговоры. После приветствия гостей на лестнице на Даунинг-стрит, она быстро переходила непосредственно к главному вопросу соответствующей встречи.

Впервые она заговорила со мной о возможности моего участия в работе ее будущего правительства за год до того, как это произошло. Она спросила меня, хочу ли я этим заняться и стать членом Палаты лордов, когда (не “если”, а именно “когда”) мы победим на следующих всеобщих выборах.

Мы ни разу не возвратились к этому вопросу в течение примерно года, но, формируя правительство, в первый уик-энд мая 1979 года она позвонила мне, чтобы спросить, помню ли я о нашем разговоре. Эта последовательность была абсолютно типичной для нее.

Отвлекаясь от темы, расскажу о забавном случае. Когда раздался этот телефонный звонок, трубку взяла моя покойная теща, милая леди, которой в ту пору было за восемьдесят. Оператор, убедившись в том, что попал по правильному номеру, попросил ее оставаться на линии и принять звонок от Премьер-министра. “Премьер-министр? — воскликнула моя теща. — Минуточку, я надену свои сережки”. Когда я позднее рассказал Мэгги об этом, она сказала: “Как мило!”

Оглядываясь назад, скажу, что я неизменно изумлялся работоспособности госпожи Тэтчер. Она всегда была на ногах — энергичная и безукоризненная. Иногда, пусть даже это было позднее время, она приходила в Палату лордов, садилась на ступенях трона, и слушала дебаты, тем самым оказывая поддержку. Какой бы уставшей ни была, она никогда не подавала вида ни своей внешностью, ни поведением.

В отличие от Тони Блэра, она с большим уважением относилась к Палате и ее традициям. Она всегда с особой тщательностью готовилась к выступлениям в Палате общин. Скрупулезность ее информированности о деталях и подготовленности граничила с крайностью. Несомненно, что это был основной фактор ее неизменно исключительно успешных выступлений.

Припоминаю один забавный случай, происшедший когда она гостила у нас дома в Лидсе (тогда я уже вышел из правительства). На следующее утро в 6 часов она должна была быть в Городском совете, поэтому осталась на ночь. Это был потрясающий во многих отношениях опыт. Я устроил так, что мой внук Дэнни тоже ночевал у нас — когда бы еще ему выпала возможность встретиться с Премьер-министром! Я заранее подсказал ему, какие вопросы она может ему задать, и почти угадал — он хорошо подготовился и отлично справился, а ему в то время было 14 лет.

Хотя перед тем вечером, когда она у нас ночевала, мы не виделись в течение довольно продолжительного времени, стоило нам начать разговор, как по смыслу ее первых же реплик, состоящих в том, что она интересовалась, что конкретно я имел в виду, когда сказал то-то и то-то, выступая в Палате лордов неделю или две назад, я убедился, что она не сочла за труд просмотреть “Ханзард”¹, чтобы узнать, о чем я говорил.

Дивный момент настал, когда мы заметили охранников, окружающих дом и блокирующих часть улицы; личный телохранитель и секретарь находились в доме; при этом, отходя ко сну, моя жена спросила, следует ли нам включить охранную сигнализацию!

Воскресный ленч в Чекерс был незабываемым впечатлением. Это было несколько необычное место, найти которое было непро-

¹ “Ханзард” — официальный отчет о заседаниях английского парламента (название происходит от фамилии первого издателя) (прим. переводчика).

сто. Мы ездили вокруг в поисках входа, пока наконец не увидели у двери саму госпожу, которая встречала и приветствовала гостей в своей неподражаемой, неизменно веселой манере.

Утро мы с семьей провели у камина, поскольку стояла зима. Все гости были по большей части близкими по духу, приятными, но деловыми. Когда мы перешли в столовую, то кардинально изменили подготовленную сервировку стола: каждый пересел поближе к ней, чтобы ей было как можно удобнее беседовать с любимым, кто, по ее мнению, мог внести наибольший вклад в обсуждение тех тем, которые она хотела обсудить.

Мое решение выйти из правительства было довольно болезненным. Если бы я жил в Лондоне, я, безусловно, предпочел бы продолжать работу. Мэгги расстроилась из-за моего желания уйти, но стоило мне заметить, что это "было несправедливо по отношению к семье", как она проявила полное понимание и написала любезное и доброе письмо, которое было опубликовано в "Таймсе".

Можно было бы рассказать много историй о ситуациях забавных и не очень, но я всегда вспоминаю о ней как о настоящем лидере во всех смыслах этого слова. Ее отвага и решительность сейчас стали легендарными. Исходя из своего опыта, скажу, что никто другой не заслуживает этого так, как она. Критики и оппоненты забывают об ужасном наследстве, оставленном ей лейбористами в 1979 году. История напомнит им об этом.

НИКОЛАС РИДЛЕЙ

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1983 по 1990 г.

Николас Ридлей был среди наиболее преданных сторонников Маргарет Тэтчер и ее коллег и пользовался наибольшим доверием. Он стал членом Кабинета в 1983 г. в качестве министра транспорта, затем занял пост министра по окружающей среде и наконец — пост министра торговли и промышленности. Николас Ридлей умер в 1992 г. Приведенный отрывок взят из его книги “Мой стиль правления”, опубликованной в издательстве “Хатчинсон” в 1991 г.

Ее стиль правления

Маргарет Тэтчер всегда выглядела безукоризненно. Она одевалась аккуратно, была ухоженной и ожидала от людей того же. Во время выборов 1997 года Найджел Лоусон появился на телевидении в таком виде, что было ясно, что его волосы нуждаются в стрижке, и получил неодобрительный отзыв от своей соседки. Она хотела создать пример высоких стандартов во всем, и чтобы все следовали ее примеру. Она стремилась, чтобы резиденция на Даунинг-стрит, 10 стала известной как место, где умеют должным образом принимать гостей. В середине 80-х годов по желанию Маргарет Тэтчер резиденция была заново отделана в хорошем стиле и с обилием позолоты. Она была превращена в очень величественный и элегантный дом для приема людей великих и достойных, была со вкусом украшена картинами из государственных коллекций — в одной из комнат повесили осо-

бенно приятное полотно Тернерса. Маргарет Тэтчер часто принимала гостей. При этом она всегда заботилась о том, чтобы пища и вино, цветы и обслуживание были наивысшего качества. Качество, а не экстравагантность было основной идеей. Если только программа визита высокого иностранного гостя позволяла, она всегда давала обед в его честь. Такие обеды были блестящими мероприятиями. Приглашались важные и интересные люди; она также любила, чтобы среди гостей было много очаровательных и хорошо одетых женщин. Она ожидала, что гости будут стараться соответствовать уровню события, и так оно и было. Ее завершающая обед речь всегда была примером связности, эрудиции и обходительности. Она была мастером речи-экспромта. Некоторые из ее выступлений, сделанные по случаю приезда в Лондон восточноевропейских лидеров, были особенно волнующими. Кажется, когда она произносит завершающую обед речь, это не стоит ей никаких нервов и волнений. На самом же деле это не всегда было так, особенно когда дело касалось некоторых из наиболее важных гостей. Припоминаю, мне посчастливилось сидеть рядом с Президентом Чехословакии Гавелом во время обеда у Премьер-министра. Маргарет Тэтчер сидела от него по левую руку и в течение почти всего обеда разговаривала с ним. Когда очередь дошла до меня, он поспешно достал заметки, чтобы внести последние коррективы в текст своей речи. Под моими попытками занять Гавела разговором была подведена черта, когда она бросила мне через него: "Разве Вы не видите, Ник, он работает над текстом своей речи".

Кроме официальных обедов, она часто давала приемы — для партийных функционеров, иностранных делегаций, ученых, артистов, музыкантов или предпринимателей. Она также давала ленчи и обеды в Чекерс по уик-эндам, в особенности если иностранный гость останавливался там. Припоминаю один ленч, который был дан в честь Леха Валенсы, лидера польской "Солидарности". Он очень хорошо осознавал, в каком долгу Польша перед ней и был благодарен ей за помощь и поощрение. Но это не остановило его перед тем, чтобы попросить много большего в своей очень энергичной речи, которую он произнес по завершении обеда. Между ними — пламенным профсоюзным лидером, польским докером и

высокопринципиальным британским Премьер-министром-тори — двумя людьми, настолько различными, насколько могут отличаться друг от друга два человека — было странное сходство. Объясняется же это тем, что они оба верили в свободу и демократию с одинаковой страстностью, что делало их союзниками; ничто так не может сдружить людей, как борьба за общее дело.

Иногда на ленч приглашались группы коллег. На одном таком ленче она после продолжительной беседы с Найджелом Лоусоном, Патриком Дженкином и мною пришла к выводу, что нужно сделать еще одну попытку изменить систему налогообложения. Именно в тот день она приняла решение изучить этот вопрос, что в конечном счете привело к введению коммунального налога.

На ежегодный ленч на “Боксинг Дэй”¹ приглашались семья, друзья и лояльные сторонники, как из политических кругов, так и извне. Это приобрело немного излишнюю огласку, и пресса старалась выяснить, кто присутствовал, а кто нет, чтобы потом строить домыслы, кто “вхож”, а кто “не вхож”. Ей было трудно скрыть от посторонних какую-либо часть своей жизни. На те или иные вечеринки она приглашала, бывало, тех своих знакомых, кто овдовел или кого постигло какое-либо несчастье или недуг, а также своих друзей.

Она не была ни поборницей равноправия, ни пуританкой. Исходя из того, как она принимала гостей, вряд ли можно было бы заключить, что она верит в “бесклассовое общество”. Она верила в равные для всех возможности удостоиться приглашения на ее обеды; но коль человек хоть раз его получил, оно само по себе становилось знаком отличия.

Она любила слегка выпить, но никогда не пила слишком много. Она предпочитала виски, редко отдавая должное отличным винам, украшавшим обеденный стол на Даунинг-стрит, 10. Правительственные управделами годами закупали для Даунинг-стрит, 10 вина лучших виноделен Франции, и никто из ее предшественников не нанес большего ущерба их запасам. Вино всегда было и отличного качества, и в соответствующем количестве. Она абсолютно терпимо относилась к тем, кто позволял себе лишнее, разве

¹ “Боксинг Дэй” — день на святках, когда вручают подарки слугам, письмоносцам, посыльным (прим. переводчика).

только если они требовали отвезти их домой. Она часто спрашивала гостей, прежде чем они выпьют, за рулем ли они, и относилась к этому вопросу очень строго. Однажды поздно вечером она неожиданно появилась в офисе парламентских организаторов партии в Палате общин. Там случайно оказался один из организаторов из Палаты лордов. Он изрядно выпил, но полагал, что это пройдет незамеченным, если он будет стоять на месте, нависая над столом. “Почему бы Вам не сесть, — сказала она. — Вы выглядите слишком пьяным, чтобы стоять”.

НИК ХАУКИНС

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ СУРРЕЙ-ХИТ

Ник Хаукинс являлся депутатом парламента от Южного Блэкпула с 1992 по 1997 г., после чего стал депутатом от Суррей-Хит. В настоящее время является министром Теневого кабинета по Департаменту Лорда-канцлера и по внутренним делам.

Вернувшая Британии ее гордость

Я весьма твердо уверен, что являюсь единственным депутатом парламента, который имеет все основания сказать: “Моя мать была преемницей Маргарет Тэтчер”. Довольно хорошо известно, что Маргарет Робертс, как ее тогда звали, изучала химию в Оксфорде. Несколько менее известно, что после этого она работала химиком-исследователем в исследовательских лабораториях компании “Дж. Лайонс и Ко”. Когда она перешла на другие хлеба, ее преемницей стала выпускница Лондонского университета, молодой химик-исследователь, происходившая из норфолкской фермерской семьи — моя мать. Впервые я узнал об этом совпадении обстоятельств, касающемся моей семьи, когда Маргарет была назначена министром образования. К тому времени моя мать была уже старшим учителем в женской средней школе, а сам я был учеником школы в Бедфорде и членом Союза молодых консерваторов.

После нашего поражения на всеобщих выборах 1974 году у меня как раз был “год вне игры” перед поступлением в Оксфорд:

я готовился к поступлению и был спортивным судьей в подготовительной школе в Северном Йоркшире. Припоминаю, как я сидел в пустой преподавательской комнате и аплодировал услышанной по телевидению новости о том, что Маргарет Тэтчер избрана нашим новым лидером. Я впервые повстречался с Маргарет Тэтчер, когда активно участвовал в политике консерваторов в Оксфорде. Несмотря на то, что в то время средства массовой информации часто атаковали ее (что является обычной проблемой для всех лидеров оппозиции), ее напористость и решимость проводить в жизнь политику консерваторов по-настоящему и преданность ей (без поворотов на 180 градусов, таких как отказ Хита от политики “Селдонского человека”) были очевидны.

Восемь лет спустя мне посчастливилось стать одним из кандидатов Маргарет на всеобщих выборах. Хотя Хаддерсфилд был местом, где почти наверняка победил бы лейборист, мы вступили в серьезную борьбу. Моя работа заключалась в том, чтобы отвлечь ресурсы лейбористов и обеспечить победу или сохранение мест в парламенте от соседних округов Колн-Веллей, Вэтли и Спен, где борьба шла за каждый голос. В достижении этой цели, я надеюсь, есть и наш вклад. У нас был ряд замечательных моментов для фотографирования, включая визит Маргарет в близлежащий Дьюсбери, и все кандидаты, реальные шансы которых победить были невелики, были приглашены на митинг “в ночь накануне голосования” в Харрогейт, где Маргарет выступила со своей речью, завершающей великолепную кампанию. (Те же, у кого была надежда выиграть, отсутствовали — они “были на тропе” до последней минуты). Как всегда, в конце длительной кампании, бросалась в глаза ее неисчерпаемая энергия. Я убежден, что ее жизненная энергия, также как и наша твердая и ясная политика, была дополнительным “секретным оружием”, поскольку она всегда имела преимущество, будучи значительно сильнее валийского пустозвонства Нила Киннока.

Мне жаль, что я никогда не работал в Палате под руководством Маргарет, но ее место в истории как великого Премьер-министра, который вернул Британию на сильные позиции (так как в 1978—1979 годах мы стали международным посмешищем, заняв место в одной экономической лиге с Турцией и превратив-

шись в “чумного Европы”, охваченного “британской болезнью” воинствующих профсоюзов), — для меня очевидно. Лишь тех, кто еще слишком молод, чтобы помнить национальный позор “зимы недовольства” и предшествующие ей годы, могут обмануть постоянные попытки Блэра переписать историю и приуменьшить значение наших достижений, но те, кто пережил все это, всегда будут знать, что Маргарет Тэтчер вернула британцам возможность гордиться своей страной. Особенно очевидно это было во время Фолклендского конфликта. Наиболее важным ее наследием в международном плане будет та роль, которую она сыграла вместе с Рональдом Рейганом и Джорджем Бушем в том, что Запад занял жесткую позицию, приведшую к коллапсу Варшавского пакта, европейского коммунизма и Железного занавеса. К 1990 году Британия опять стала мировой державой, но уроки разброда 70-х, от которого увела нас Маргарет Тэтчер, никогда не должны быть забыты.

Мне посчастливилось одержать победу на выборах 1997 года благодаря организованной ею кампании в поддержку депутата парламента Джеральда Ховарта и меня, но особенно приятно, что подпись на документе о моем избрании засвидетельствована весьма значительной персоной — достопочтенной баронессой Кественской Тэтчер.

ОЛИВЕР ЛЕТВИН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ЗАПАДНОГО ДОРСЕТА

Оливер Летвин стал депутатом парламента от Западного Дорсета в 1997 г. Он являлся специальным советником сэра Кита Джозефа с 1982 г. до своего назначения в 1983 г. на пост специального советника Группы по разработке политики при Премьер-министре, на котором оставался до 1986 г.

Немного влюблен...

“Сейчас Премьер-министр встретится с Вами”, — для молодого человека, особенно такого, который вот-вот предстанет перед Железной леди для собеседования перед приемом на работу, — это были слова, вселяющие ужас. И вот она передо мной, победительница Фолклендской кампании, сидит в кресле с высокой спинкой в своем кабинете. “Собеседование” длилось всего пару секунд: “Как я понимаю, Вы собираетесь присоединиться к нам”. Это была желанная новость для моих ушей — и, как я потом узнал, типичный для нее подход к механике административной работы: ясность, решительность, никакой пустой траты времени.

Будучи принятым в штат, вы становились членом семьи — и там было довольно много такой же откровенности, как и в семье. Когда я приходил для обсуждения подготовленного мною проекта речи по вопросам науки, не слишком вдохновляющим было встретить в гостиной Чекерс госпожу Премьер-министра, стоящую у камина и приветствовавшую меня словами, обращенными к Главному советнику по науке, сказанными неподражаемым голосом,

который, однако, многие имитировали: “Да, та речь была почти таким же чистым убытком, как и эта”.

Вы должны были знать, о чем вы говорите, и настаивать на своем. Мы быстро поняли, что когда она задавала вопросы, критиковала, высказывала мнение, казалось бы, не обращая ни малейшего внимания на то, что вы говорите, на самом деле она была вся внимание и непрерывно выверяла, часто до основания, слабые места в споре, факты, противоречащие утверждениям, заявления, которые не могут быть обоснованы. И когда в определенный момент вы доказывали, что знаете предмет и способны защитить свою позицию, ее доверие было почти пугающим. Когда меморандумы, которые всегда должны были быть краткими и ясными, возвращались к автору, важные места в них бывали подчеркнуты дважды, а то и трижды. В комитетах Кабинета записка переданная ей, как правило читалась: “У меня есть записка...” — так, как будто бы провозглашается правда, не всегда к удовольствию ее коллег.

В конечном счете, как и в любой семье, самыми сильными узами являются узы любви. Мы любили ее; возможно, мы были немного в нее влюблены, не в последнюю очередь из-за того, что она делала нам огромный комплимент, который заключался в том, что она знала и мы знали, что она знает (хотя она была по-настоящему великой, а мы маленькими), кем и чем мы были. Если вас постигало горе, вам присылали цветы. Если вы совершали ошибку, получали поддержку и ободрение. Самый ужасный случай, который я припоминаю, произошел на раунде, посвященном расходам местных бюджетов. У меня был маленький компьютер, и я ужасно гордился, что установил на него небольшую программу, написанную мной самим, которая определяла фискальные последствия определенных решений, которые должны были приниматься. К сожалению, на заседании комитета разговор принял неожиданный оборот, и лишь на следующее утро я обнаружил, что моя программа не работает: вместо положительного числа появляется отрицательное. Я спустился в кабинет, чтобы признаться в ошибке. Ни слова упрека от Леди: несмотря на иллюзию обратного, она была вполне способна принять мысль о том, что ее персонал — несовершенные человеческие существа.

То были бурные времена. Иногда было чем-то вроде шока, если вас посылали домой на какой-то уик-энд, когда начиналось выступление шахтеров, а выступление докеров только что закончилось, изучать историю Всеобщей забастовки. Но это были и времена, казалось, безграничных возможностей. Происходило немыслимое — откат назад социалистического государства, и она испытывала голод на новые идеи. Они могли быть поглощены с удовольствием или выплюнуты с отвращением — но аппетит на новые идеи существовал всегда. Казалось, мы жили на краю урагана. Мы мчались вперед, еле переводя дыхание и с трудом карабкаясь, но с большим воодушевлением.

А в эпицентре урагана — полное затишье. Она никогда не спешила, никогда, казалось, не замечала времени. Как-то в пятницу вечером принесли протокол и срочный запрос от одного из членов Кабинета: должны ли мы что-то сделать (да или нет) до полуночи? Личный секретарь и я наскоро составили меморандум, отметив в нем “за” и “против” и поспешили к ней на квартиру. Как всегда на ногах, она работала со своими материалами. Она спокойно прочла протокол и меморандум. Затем последовал роковой вопрос: *почему* решение нужно принимать до полуночи и даже до понедельника? В спешке, стараясь как можно скорее ответить на вопрос министра, мы не задали этот вопрос. При всей ее энергии она торопилась достаточно медленно, чтобы заметить то, что мы упустили.

Когда пришел день сообщения об уходе, ее можно было найти в кабинете в Палате общин. Реакция была театральной. Слушая новость, она опустилась на стул, как будто боясь упасть. Конечно же, было видно, что это было сыграно на публику, но как трогательно, что она дала себе труд сделать жест на публику. Она была политиком до кончиков пальцев — это правда, но Железная леди была не чужда шарма.

ДЖОН РЕДВУД

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ УОКИНГХЕМА

Сделав успешную академическую, а затем банковскую карьеру, Джон Редвуд в 1983 г. возглавил Группу по разработке политики при Маргарет Тэтчер и оставался на этом посту до 1985 г. В 1987 г. он был избран в парламент от Уокингхема и быстро продвигался, пока не занял пост министра по делам Уэльса в Кабинете Джона Мейджора. Он ушел в отставку в 1995 г., чтобы бороться за лидерство в Консервативной партии, за тот же пост он боролся и на выборах 1997 г.

Проверка аргумента

Я навсегда запомнил свою первую встречу с Маргарет Тетчер. Будучи лидером оппозиции, она слышала, что я выдвинул ряд предложений по приватизации неприбыльных, не приносящих пользы, недружественных, неуклюжих национализированных отраслей британской промышленности. Меня внесли в список приглашенных на один из ленчей в зале Теневого кабинета Палаты общин. Главным интеллектуальным блюдом дня была передача власти. Маргарет уже собиралась уходить в Палату, чтобы как раз поднять этот вопрос. Я наблюдал за тем, как целый ряд экспертов по конституции сообщали ей свое мнение, и все сильнее убеждался, что она им более чем ровня, она хорошо проинформирована и беспощадна в своих вопросах. Теперь я понимаю, что она была взвинчена и немного нервничала перед появлением в Палате. Тогда же было интересно наблюдать за таким

сильным ведущим политиком, явно хорошо владеющим информацией и способным поставить в тупик профессоров и советников убедительными аргументами и зондирующими вопросами.

Я подготовил себя к испытаниям. Я знал, что вскоре подойдет моя очередь. После, казалось, нескончаемого обсуждения вопроса о передаче власти, во время которого я старался держаться в стороне от драки, она повернулась ко мне, чтобы выслушать мои соображения о приватизации. Наблюдая и слушая предшествующий разговор, я сообразил, что необходимо действовать быстро и изложить наиболее положительные моменты, пока еще есть шанс это сделать. Как только вы позволите себя прервать и начнутся вопросы, вам придется переходить в оборону. Я привел в боевой порядок свои аргументы. Я был уверен, что занятая мною позиция выдержит самые мощные контратаки. Вопросов было много, и они следовали быстро, но я стоял на своем. Мне начинало нравиться все это, так как я понял, что если вы смогли устоять, то можете даже сдвинуть ее с занятых позиций. Когда страсти накалились и напористость возросла, Маргарет Тэтчер решила, что уже довольно, поскольку не это было темой дня. Когда последовало сокрушительное: “Все это хорошо, господин Редвуд, но они никогда не позволят мне этого сделать”, — я понял, что мое время вышло и мы переходим к следующему вопросу.

Этот первый опыт привел меня в восторг. Хотя я, как и многие другие, видел, что это была умная женщина, сильная и беспощадная в споре, меня также глубоко поражало то, что она по-настоящему интересовалась проблемами, училась на столкновении разных взглядов. О Маргарет Тэтчер можно сказать, перефразировав ее же слова о ком-то, ставшие знаменитыми, что она “тот человек, с которым можно делать дело”.

Я уходил с пониманием того, что, если приватизация должна была превратиться из мечты кучки людей в реальность многих, нам необходимо создать такой климат мнений, чтобы политическое суждение Маргарет Тэтчер воспринималось как нечто, что возможно и безопасно претворить в жизнь. Это был проницательный, осмотрительный, даже склонный занимать оборонительные позиции политик, который мог хорошо судить о настроении нации и который собирался вести ее только до определенного

пункта. Подобно всем великим политикам, она знала, что во многих случаях должна скорее следовать за народом, чем вести его. Демократический лидер должен осознавать, что есть границы, до которых он или она может повести людей, а есть направления, куда вести их абсолютно запрещено.

Эта первая встреча хорошо подготовила меня ко многим встречам, спорам, дебатам, дискуссиям и обменам мнениями, которые я имел с Маргарет Тэтчер, став ее главным политическим советником после всеобщих выборов 1983 года. Я испытал удовлетворение, когда положил перед ней меморандум, в котором речь шла о том, что, будучи уже второй срок на посту Премьер-министра, она теперь обладает политической силой и есть финансовая и экономическая необходимость взяться за дело и приватизировать большие куски государственного сектора в промышленности и сфере услуг. Было приятно обнаружить, что теперь многие поводы для предосторожности и тревоги больше не существуют. Теперь вопрос состоял не в том “согласится ли на это общественность?”, а в том “как нам это сделать технически?”. К 1983 году Маргарет Тэтчер с полным основанием полагала, что главная проблема состояла уже не в общественном мнении, — оно было готово к целому ряду значительных перемен, которые позволили бы Британии снова начать двигаться вперед, — а в мнении Сити¹, которое проявляло чрезвычайную осмотрительность.

Когда я покинул свою базу на Даунинг-стрит, 10 и начал обходить Сити, стараясь выяснить мнение деловых кругов, меня постигло разочарование, так как я узнал, что многие в Сити глубоко убеждены, что продать на бирже что-то, что стоит несколько миллиардов фунтов стерлингов, технически невозможно. Они считали, что выпуск акций не может превышать нескольких миллионов фунтов и были решительно против продажи акций компании “Бритиш Телеком”. Они отдавали предпочтение идее выпуска облигаций как альтернативного метода финансирования. Я сказал Маргарет Тэтчер, что мы можем обойти эти трудности, если используем новую структуру — продажу акций через внебиржевой рынок, почтовые заказы и газетные объявления, а также ино-

¹ Сити — деловой район в Лондоне; финансовые и коммерческие круги Лондона (прим. переводчика).

странным инвесторам, одновременно продавая их через обычных брокеров и банки в Сити. Она уловила преимущества такой системы и пришла в восторг от открывающихся возможностей. Она обеспечила мне необходимую поддержку в Казначействе и в Сити.

Вся история с приватизацией характеризует Маргарет Тэтчер с наилучшей стороны. Поначалу она проявляла осмотрительность, что выразилось в упорном споре. Она верила в необходимость испытания людей, почти до полного уничтожения, с тем, чтобы посмотреть, смогут ли они устоять на своих позициях. Она знала, что в силах открыто стоять на своем, и хотела убедиться, что ее советчики действительно верят в идею и тщательно ее продумали.

Она проявила жесткую честность в суждении об общественном настроении и о том, какие трудности существовали в то время. Наконец, она показала, что действительно готова изменить свое мнение, когда другие помогли ей доказать свою правоту и преодолеть трудности.

В течение всего времени, пока я работал с Маргарет Тэтчер в том или ином качестве, помимо ее потрясающей энергии была одна вещь, которая никогда не переставала поражать меня, — это ее постоянная жажда добиваться правды и постоянная готовность изменить свое мнение. Иногда ей требовались месяцы, чтобы принять решение по важному вопросу. Она могла очень долго колебаться, взвешивая аргументы за и против. Это связано с тем, что она знала, что при присущем ей стиле в политике, стоило только принять какое-либо обязывающее решение и сделать его достоянием гласности, ей придется бороться за него всеми способами. Она весьма замечательным образом сочетала в себе предусмотрительность и радикализм, что позволило ей так долго находиться на вершине британского политического Олимпа. И когда люди начнут писать историю Британии двадцатого века, имея то преимущество, что они будут видеть ее с некоторого отдаления, то поймут, что, в отличие от многих других премьер-министров, у нее было общее видение, чувство направления и она действительно находила инструменты и людей, способных помочь ей довести дело до конца во многих важных отношениях.

Приватизация вполне может быть отнесена к ее величайшим успехам. Начавшись скромно с продажи “Бритиш Телеком”, она

затем распространилась по всему миру. На позиции приватизации перешли люди, от которых этого мало кто мог ожидать, начиная с лейбористских правительств Новой Зеландии, включая бывшие коммунистические государства Восточной Европы, и заканчивая Кубой Фиделя Кастро. Она даже проникла в лейбористскую партию Великобритании, и лейбористское правительство сейчас приватизирует Службу управления воздушным движением, о чем сформированная консерваторами администрация даже не помышляла.

Маргарет Тэтчер уловила связь между приватизацией, более широкой собственностью и системой, когда каждый человек является владельцем акций. Она пришла в восторг, когда очень успешно реализовалась кампания продажи муниципального жилья квартиросъемщикам. Мне доставило удовольствие увлечь ее этой идеей, было приятно обсуждать с ней эту идею и захватывающе видеть ее воплощение.

СЭР МАЛКОЛЬМ РИФКИНД

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1986 по 1997 г.

Сэр Малкольм Рифкинд являлся депутатом парламента от Эдинбург-Пентлендс в 1974—1997 гг. Он стал членом Кабинета Маргарет Тэтчер в 1986 г. в качестве министра по делам Шотландии. В администрации Джона Мэйджора он занимал пост министра Кабинета Министров, позднее был назначен министром иностранных дел.

Имеющая собственное мнение

Те, кто имел честь работать в Кабинете Маргарет Тэтчер, навсегда сохраняют благодарность за этот опыт. У нее был свой особый стиль работы в Кабинете Министров.

Для нее обсуждение вопроса в Кабинете представляло собой серию обменов мнениями, а не коллективный анализ вопросов дня. В отличие от Джона Мэйджора, который оставлял свои взгляды при себе до поры, пока его коллеги по Кабинету не выскажут свои, госпожа Тэтчер всегда, открывая дискуссию, указывала на вывод, который она хотела сделать и ожидала.

Как-то она пришла на заседание Комитета Кабинета и начала с того, что сказала: “У меня сегодня немного времени. Времени хватит только на то, чтобы все опровергнуть и пойти своим путем”. Когда каждый министр высказывал свое мнение, она часто втягивала его в борьбу, прежде чем перейти к следующему.

Хотя это могло бы стать тревожащим опытом для нового члена Кабинета, для Кабинета в целом это не было ни таким

внушающим беспокойство, ни таким сложным, как может показаться, судя по этому вступлению. При всем своем стремлении к лидерству и несклонности к компромиссу, Маргарет Тэтчер была до кончиков пальцев сторонницей конституционализма и глубоко верила в кабинетное правление.

В отличие от американского президента, имеющего право игнорировать свой Кабинет, ни один из членов которого, кроме вице-президента, не избирается всеобщими выборами, британский Премьер-министр является *primus inter pares*¹, и нередко госпожа Тэтчер оказывалась в меньшинстве. Она принимала это с разной степенью энтузиазма, но никогда не оспаривала права своих коллег отказаться пойти навстречу ее желаниям. Действительно, когда она вступала в бой, то ничего не имела против своего соперника в споре, который был готов не соглашаться с ней, до тех пор, пока он знал, о чем говорит. Именно благодаря готовности Джона Мэйджора, тогда еще просто младшего парламентского организатора партии, сказать ей перед своими коллегами, что она не права и находится в заблуждении, она впервые обратила на него внимание, которое впоследствии и привело к его коронации как ее преемника, унаследовавшего от нее корону тори.

Когда сэр Энтони Персонс, наш посол в ООН в период Фолклендской войны, был вызван для информирования ее, она постоянно его перебивала. После того, как она в третий раз его перебила, он заметил: "Госпожа Премьер-министр, если бы Вы меня не перебивали так часто, то могли бы заметить, что в этом нет потребности". Несколько месяцев спустя он был назначен ее советником по вопросам внешней политики.

В течение всего времени своего пребывания на посту Премьер-министра ее естественные инстинктивные чувства постоянно сдерживались необходимостью вести своих коллег и обеспечивать приемлемое управление. После ее ухода это ограничение уже утратило силу. Припоминается комментарий Глэдстоуна по поводу сэра Роберта Пила: "Бывшие премьер-министры напоминают большие плоты, плавающие без привязи в гавани".

¹ Первый среди равных (лат.) (прим. переводчика).

СЭР РОБИН БАТЛЕР

ГЛАВНЫЙ ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР с 1982 по 1985 г.

Лорд Брокуэллский Батлер занимал различные посты в Государственной гражданской службе, начиная с 1961 г., но более всего он запомнился как главный личный секретарь Маргарет Тэтчер (этот пост он занимал в 1982—1985 гг.), министр Кабинета Министров и глава Государственной гражданской службы (1988—1999 гг.). В настоящее время он заседает в Палате лордов как независимый депутат парламента.

“Они хотели бы именно этого”

Мое главное впечатление, связанное с работой с Маргарет Тэтчер, — это ее уверенность в своих инстинктивных реакциях. Когда в без десяти три ночи последнего дня партийной конференции Консервативной партии 1984 года в брайтонском “Гранд Отеле” взорвалась бомба ИРА, я был с нею в гостиной ее номера в “Гранд Отеле”. Она только что закончила составлять речь, с которой ей предстояло выступить на конференции, и я подал ей документ, по которому к утру следующего рабочего дня должно было быть написано решение. Дэнис уже ушел спать в соседнюю комнату.

Когда бомба взорвалась, я подумал, что взорвали машину на улице, и сказал ей: “Нам следует выбираться наружу через окна”. Пересекая комнату, мы через дверь спальни слышали звук разрушающейся каменной кладки.

Без тени колебаний она сказала: “Я должна посмотреть, все ли в порядке с Дэнисом”. Она открыла дверь в спальню, после чего звук рушащихся перекрытий стал громче, и исчезла в темноте. Я застыл в гостиной, размышляя над тем, что скажу следственной коллегии, если она погибнет под обломками рушащегося здания. К моему облегчению они с Дэнисом появились почти тотчас же; Дэнис натягивал какую-то одежду поверх пижамы.

После этого мы вышли в коридор. Чудесным образом свет там продолжал гореть. (После этого случая Маргарет Тэтчер всегда носила в своей сумочке фонарик на случай, если такое повторится — она всегда училась на опыте.) К нам присоединились некоторые другие, и мы начали обсуждать, что нам следует делать дальше. Я предложил вернуться в Лондон — до него было всего час пути.

Маргарет Тэтчер сказала: “Я отсюда не уеду”. После этого принятие решения перешло в другие руки, поскольку появилось двое пожарных, которые (после одного фальстарта) провели нас вниз по парадной лестнице и вывели из гостиницы через черный ход, при этом не обошлось без того, чтоб Маргарет Тэтчер отделилась от нашей группы, чтобы узнать, весь ли персонал в холле учтен.

Нас отвели в общежитие для полицейских, прибывающих на тренировочные сборы, при полицейском участке Льюиса, где супругов Тэтчер разместили в спальнях. На тот момент я еще не знал, что бомба находилась в верхней части здания, и еще не выяснил, не пропал ли кто. В 5 часов утра я прилег на скамью в комнате дневального. В 5:45 зазвонил телефон. Это был Джон Гаммер, в то время председатель партии. Он сказал: “Все хуже, чем мы думали. Теббиты, Вейкхемы и некоторые другие оказались в ловушке под обломками здания”.

Я решил не будить Маргарет Тэтчер, но включил телевизор, чтобы посмотреть новости. В частности, я видел, как извлекали Нормана Теббита. Маргарет Тэтчер появилась сразу после 8 часов; она смотрела новости по телевизору в своей комнате. “Мы должны приложить все усилия, чтобы конференция началась вовремя”, — сказала она. Я онемел. “Безусловно, Вы не можете продолжать конференцию, когда Ваших коллег и друзей

откапывают из-под завалов”, — заявил я. “Они хотели бы именно этого, — сказала она. — Мы не допустим, чтобы терроризм нанес поражение демократии”.

Еще одно ее качество состояло в том, что она, казалось, никогда не тратила силы впустую, оглядываясь назад в сомнениях, правильно ли она поступила. Что сделано, то сделано. Единственное, на что стоило тратить энергию, — это то, что предстоит. Помню, как мы возвращались с ней с делового ленча в Сити в тяжелый момент шахтерских забастовок, когда к шахтерам на короткое время присоединились докеры, и возможность импортировать необходимые энергоносители оказалась под угрозой. На обратном пути мы узнали еще об одном ударе: правительство проиграло в Высоком суде дело о запрете профсоюза работников Главного управления правительственной связи (ГУПС). Маргарет Тэтчер должна была выступить в парламенте с заявлением перед лицом торжествующей оппозиции. Она мгновенно решила, что нужно делать. “Я объясню, что мы будем апеллировать по делу ГУПС в Палате лордов, а если проиграем — примем решение суда. Мы не можем бороться за принцип господства права в одной области и не принимать его в другой. Теперь вернемся к забастовке шахтеров”. Правительство выиграло свою апелляцию в Палате лордов.

Легенды о физической выносливости и жизненной силе Маргарет Тэтчер обоснованы. В декабре 1984 года она поехала в Пекин на подписание договора по Гонконгу, а затем — в Гонконг, чтобы удостовериться в том, как там воспринимают это решение. Полагая, что Рональд Рейган находится в Западном Белом доме в Калифорнии, Министерство иностранных дел выступило с предложением, чтобы она посетила его на обратном пути в Британию и поздравила с повторным избранием Президентом. Даже если бы эта информация соответствовала действительности, с географической точки зрения это было сомнительное предложение, поскольку расстояние от Лондона до Калифорнии меньше, чем от Гонконга. На самом же деле Рональд Рейган был в Вашингтоне, и для визита потребовался 24-часовой перелет из Гонконга на “VC-10”, но лишь с 12-часовым изменением во времени. В то время как сотрудники решили хоть как-то поспать,

Маргарет Тэтчер объявила, что она будет бодрствовать и займется изучением Договора об противобаллистических ракетах и речей Кепа Вайнбергера, готовясь к предстоящим переговорам с Рональдом Рейганом по Стратегической оборонной инициативе.

Она сделала это настолько удачно, что при встрече с Президентом и американским оборонным истеблишментом в Кемп-Дэвиде она убедила их принять четыре принципа, которые помогли сохранить принцип ядерного сдерживания. Мы вернулись домой как раз вовремя, чтобы успеть к Рождеству, облетев вокруг света. В общей сложности путешествие продолжалось пять с половиной дней, или 130 часов, из которых 55 часов мы провели в воздухе. У меня возникла потребность позвонить ей в день Рождества, и я спросил, не чувствует ли она себя уставшей. “Конечно же, нет, — сказала она. — Почему я должна чувствовать себя уставшей?”

В другой раз у нее была назначена на утро встреча с дантистом. После ее возвращения я спросил, все ли прошло хорошо. “Боюсь, что нет. Дантист сказал, что мне придется удалить поврежденный зуб мудрости”, — сказала она. Позднее в тот же день, после обычной круговерти совещаний и встреч, я спросил, на когда она хочет назначить встречу с дантистом для удаления зуба мудрости. “Он это сделал сегодня утром”, — последовал ответ.

В чем состоял секрет энергии Маргарет Тэтчер? Кроме ее уверенности в своих инстинктах и физической выносливости, она, казалось, обладала неисчерпаемым запасом адреналина. Ни одно событие не было для нее слишком тривиальным, чтобы не принимать его всерьез, было ли это вручение школьных призов или секретные дебаты в Палате общин. Ко всем мероприятиям она интенсивно и детально готовилась. Как главный личный секретарь, я считал, что одной из моих многочисленных задач является регулировка потока адреналина. По большей части это состояло в том, чтобы успокаивать и убеждать ее. Но иногда после ленча мне казалось, что она была чересчур спокойной для большого представления в День Премьер-министра в Палате общин. В таких случаях я говорил: “Госпожа Премьер-министр, мне кажется, Вы будете уязвимы, если оппозиция поднимет такой-то или

такой-то вопрос". Это всегда срабатывало. Глаза загорались, и чистокровка начинала бить копытом землю, как перед началом скачек.

Вечером накануне того дня, когда Маргарет Тэтчер покинула Даунинг-стрит, я пригласил ее с Дэнисом на прощальную вечеринку в свой офис вместе с другими государственными служащими, которых, как я знал, она особенно высоко ценила. Я сказал: "Когда мы станем очень старыми, самым интересным в нас наши внуки и правнуки будут считать то, что мы работали с Маргарет Тэтчер". Я и сейчас так думаю, и я рад, что сказал ей это в тот момент.

АЛАН КЛАРК

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА-КОНСЕРВАТОР в 1974—1992 и 1997—1999 гг.

Алан Кларк, который умер не так давно, был депутатом парламента от Плимут-Саттон с 1974 по 1992 г. В 1997 г. он вернулся в парламента в качестве депутата от Кенсингтона и Челси. В Кабинете Маргарет Тэтчер он занимал пост министра торговли, а затем государственного министра в Министерстве обороны, но наибольшую известность приобрел как автор известных своей откровенностью дневников. Предлагаемый отрывок взят из его бестселлера “Дневники” (издательство “Уиденфельд энд Николсон”, 1993 г.)

Милая и высокомерная

Понедельник, 19 ноября 1990 года

Весь дом в волнении. Везде небольшие группы, конклавы. Только в столовой, кажется, достигнута некоторая договоренность (я так думаю, поскольку никто не доверяет своим соседям по столу) относительно того, что мы не будем говорить на узкопрофессиональные темы.

“Вы уже определились с планами на Рождество?” Вся эта чушь. О боже, столовая в последнее время является довольно скучным местом, даже хуже, чем у Праттов. Большие, медлительные старикашки, “взвешивающие свои слова” (о, как крепко сказано) или льстивые маленькие зануды, говорящие цитатами из “Новостей Консервативной партии”.

Но в коридорах — сплошное секретное перешептывание и взгляды из-за плеча. Институциональное доверие (наиболее явно заметное в тех, кто отсидел срок в тюрьме, и на которое я впервые обратил внимание в свои первые дни на Уоррен-стрит) — этот специфический гримасничающий стиль говорения уголком рта, отведенные в сторону глаза — это нынче представляется чуть ли не единственным способом общения.

Большинство людей заинтересованы не столько в результате, сколько в том, чтобы знать результат заранее, чтобы сделать свои собственные “приготовления”. Втереться в новый режим — какой-то из возможных новых режимов, я бы сказал, поскольку результат ни в коей мере нельзя назвать определенным — хотя бы за неделю до того, как он воцарится, представляется все-таки более предпочтительным, чем впоследствии пополнить ряды бегущих в панике. Вопрос, который может обсуждаться без того, чтобы совсем уж нарушать приличия, — это вопрос о том, кто, наиболее вероятно, объявит о победе на всеобщих выборах? Но все это лишь упаковка, скрывающая большую корзину горечи, разрушенных личных амбиций и мстительного ликования. Разговоры о стране или о лояльности отбрасываются как “театр”.

И у всех странное чувство. Даже если Леди одержит победу — и тут я пишу “даже если”, возьми себя в руки, Кларк, скажи “даже после того, как она одержит победу” — нельзя будет отвернуться от того факта, что по крайней мере сто пятьдесят ее парламентских коллег отказывают ей в лидерстве. Это толстый ломоть. Некоторые люди, в особенности те, кто воображают себя “старейшинами партии”, типа Тони Гранта, намекают, что, может быть, было бы “лучше”, если бы, перед лицом возможности столь вульгарного шоу под названием “Недоверие”, она решила бы “исцелить” Партию, провозгласив о своем намерении уйти к определенной дате (т. е. стать “хромой уткой”, которую Лейбористская партия могла бы дразнить и мучить при всяком удобном случае, и обанкротившимся изгоем в глазах всего мира).

И по мере того, как привкус Хезелтайновой победы начинает проникать в трещины, серванты и офисы комитетов, все больше и больше людей “отступают”. “О, я думаю, он не так уж плох на самом деле...”. “Он очень многим нравится”. “Должен признать-

ся, мои люди его просто любят”. “Я знаю, что Вы имеете в виду, но он так хорошо проявил себя в решении вопроса о ...” (впишите конкретную проблему, на ваше усмотрение).

Наиболее заметны в вербовке Хемпсон (действует неотесанно), Мейтс (действует грубовато) и Билл Поуэлл (убедительно). Майкл и сам довольно бесстыже предлагает всем вместе и каждому в отдельности то, что они всегда хотели. Например, он, очевидно, и без того получил бы поддержку Пола, но он “скрепил сделку печатью”, заверив, что Пол будет спикером в следующем созыве Палаты. Соумс полностью переменяет свои взгляды, стоило ему услышать “Ваши таланты давно заслужили признание”, так же, как и мальш Нельсон и Родс Джеймс (“с Вами обращаются отвратительно”).

Майкл стоит в центре лобби, фактически вынуждая людей пожелать ему удачи. Он дает журналистам “свежие новости” и приветствует просителей, приведенных его командой для короткой аудиенции. Более тяжелые мишени он видит в своей комнате. Кабинет играет свою партию, не раскрывая карты, хотя Меллор явно дважды в день связывается с Майклом по телефону. Некоторые, такие как Кеннет Кларк, так сильно хотят ее отставки, что им нет нужды даже прятать глаза. И я догадываюсь, что имеется довольно большой круг государственных министров и парламентских заместителей министров, таких как Сейнсбери и Триппиер, которым с Леди неудобно и им нравится идея заменить ее.

На верхних ступенях министерской лестницы я натолкнулся на Гарела Джонса. Его переполняло плохо скрываемое возбуждение. Не думаю, что он действительно хочет, чтобы “Хеззи”, как он его (спастически) называет, победил; это разрушило бы долгосрочный план “Голубой фишки”. Но его все это возбуждает.

Тристан сказал: “Конечно же, каждый член Кабинета будет голосовать за Премьер-министра в первом туре”. Черта с два они проголосуют.

Я сказал ему в надежде, что он возразит: “Практически нельзя исключить возможность того, что Хезелтайн наберет в первом голосовании больше голосов, чем она”.

“Боюсь, что это возможно”.

“Но можно ли полностью исключить, что он получит и самую большую общую сумму и перевес, необходимый чтобы победить при первом голосовании?”

“Боюсь, что нет”.

Это было действительно ужасно. Апокалипсис. Поскольку у нас было очень мало времени, если мы хотели организовать альтернативного кандидата.

Четыре рабочих дня и уик-энд. Но если Майкл проглотит все одним глотком, то это будет конец всему.

В довершение всего, мне нужно было возвращаться в Министерство. Встречи и официальный ленч. Скандинавы.

“Полагаю, госпожа Тэтчер не может потерять пост Премьер-министра?”

“О, нет. Абсолютно исключено. Это всего лишь старинная традиция Консервативной партии”.

Однако этот разговор помог мне понять чудовищность того, что мы делаем, меняя Премьер-министра — не имея никакого избирательного права делать это. Я подумал, что мне нужно поговорить с Питером, хотя он и не поощрял этого, и я отменил все свои встречи, назначенные на начало второй половины дня, и вернулся опять в здание Палаты.

Я слушал за дверью. Тишина. Я легонько постучал, потом попробовал дернуть за ручку. Он спал в кожаном кресле, громко храпя и положив ноги на стол.

Дрейк, катающий шары перед нашествием Армады и все такое, но мне это не нравилось. Было десять минут четвертого самого критического дня всех выборов. Я резко сказал: “Питер!”

Он посмотрел затуманенным взором.

“Мне не хотелось бы мешать, но я действительно начинаю немного волноваться по поводу происходящего”.

“Все в порядке, старина, расслабься”.

“Я только что слышал нежелательные отклики людей, от которых мы этого не ожидали”.

“Послушай, не думаешь же ты, что я бы вел себя так, если бы не был совершенно уверен?”

“Какой расклад?”

“Туговато, но не критически”.

“Ну, и как же?”

“У меня выходит, что Майкл получит 115. В худшем случае 124”.

“Послушай, Питер, я не думаю, что люди с тобой откровенны”.

“У меня есть собственные способы проверки”.

“Как насчет Пола?”

“Я знаю о Поле”.

“Группа Уинтертона?”

“Довольно забавно, но группу Уинтертона я записал в разряд “Не определился”.

“Какого черта! “Не определился” — что ты этим хочешь сказать? Это же не чертов уличный опрос. Это забег с двумя лошадьми, и каждый голос влияет на относительный счет как два голоса, если только это не “воздерживаюсь”.

“Мне кажется фактически воздержавшихся будет совсем немного”.

“Не думаешь ли ты, что мы должны пойти и уломать их?”

“Не вижу смысла. Это может дать противоположный результат. У меня есть на этот счет теория. Полагаю, люди могут воздержаться при первом голосовании, чтобы напугать Маргарет, а потом, во втором туре, вновь сплотятся вокруг нее”. (“Чушь”, — подумал я, но промолчал.)

“А как насчет “Группы-92”? Они уже совсем разложившиеся. У них в шесть собрание. Ты идешь?”

“Не вижу смысла. Но, думаю, тебе стоит пойти”.

В глубоком унынии я возвращался по спикерскому коридору. Не может же на самом деле быть так плохо? Я имею в виду, что среди тех, кто занимается ее кампанией, нет никого энергичного. Питер бесполезен, гораздо хуже, чем я думал. Когда он был парламентским партийным организатором, он был непопулярным, но, по крайней мере, он был полон энергии. Сейчас он вдрызг пьяный. Среди тех, кто на нее работает, нету никого, кто хоть чего-то добился вообще. Я знаю, лучше, когда тебя боятся, чем когда любят. Но эти люди не делают ни того, ни другого. А она в Париже. “Ou est la masse de manouvre? — Aucune”.

Я вошел в чайную комнату для членов парламента. За длинным столом толпились сторонники Маргарет, все полные ничто-

жества, кроме Теббита, который ободрял людей. Много возгласов и смеха. Бурные заверения. Норман говорил, насколько невероятно даже думать о том, что Премьер-министра могут снять во время критической международной конференции. “Как Потсдам в 1945-м”, — сказал я. Никто не обратил никакого внимания. Если они слышали, то либо не поняли, либо притворились, что не поняли аллюзию.

Толпа немного поредела, и когда Норман поднялся, то сказал, что хочет поговорить со мной. Мы вышли в лобби для проголосовавших и сели за круглый стол в его центре, на котором были все эти канцелярские принадлежности.

“Ну и?”

“Это мерзко”, — сказал я.

“Количество голосов может быть почти одинаковым. Очень близким”.

Я согласился: “Чертовски близким”.

“Если это будет так, как ты думаешь, должна ли она выходить на повторное голосование?”

Я просто не знаю ответа на этот вопрос. Управлять правительством, зная, что половина партии против нее, будет очень трудно. Возможно, ей придется пойти на уступки левым. Я спросил Нортон, думает ли он, что ей придется взять Хезелтайна в Кабинет.

“Безусловно, на нее будут оказывать огромное давление, чтобы она это сделала”.

“Рентон”.

“Да”.

Я сказал, что основная тактика должна состоять в том, чтобы склонить Криса Паттена остаться и отвлечь голоса левых. По крайней мере, крайне левых: Чарли Моррисона, Боба Хикса и придурков. Норман сказал: “И Кена Кларка”. Я сказал ему, что нет, если у вас слишком много кандидатов, то люди приходят в замешательство, и Хезелтайн проходит с их помощью, как она в 1975 году. Норман сказал, что многие люди сейчас все равно считают Майкла кандидатом от правого крыла.

“Да, но мы знаем, что это не так”.

“Это более чем правда”.

Норман сказал: “Если начнется сезон охоты, я, черт возьми, выставлю свою кандидатуру. Правые должны иметь за кого голосовать”.

“Ты проиграешь”.

“Весьма вероятно, но мы, по крайней мере, будем знать свои силы. Это может быть полезно в изменившейся ситуации”.

“Послушай, Норман, мы хотим включить дополнительных кандидатов, чтобы уменьшить общее число его голосов, а не наших. Не думаю, чтобы за Хезелтайна лично было много голосов. Это просто коалиция против Маргарет”.

Я видел, что он весь в раздумьях. Однако он не хотел затягивать разговор, который мы вели почти шепотом, но все же привлекая внимание любопытствующих.

Повышая голос, Норман сказал: “Ну, на этот раз завтра все будет решено”, — и рассмеялся своим кладбищенским смехом.

Собрание “Группы-92” проходило в одном из тех комитетских залов с низкими потолками, что располагаются вдоль коридоров верхних этажей. Настроение было раздраженно-испуганным. Некоторые (например, к моему изумлению, Джилл Найт) начали строить домыслы, как и предвидел Норман, что “Майкл” — как его называли перебежчики (сторонники же Премьер-министра всегда называли его “Хезелтайн”; и это различие было полезным, действующим на уровне подсознания, индикатором того, как говорящий собирается голосовать, если он или она сознательно или стараясь защитить себя не говорили об этом прямо) — “на самом деле” является правым.

Проблема в том, что это клуб, в члены которого я был избран почти сразу, как пришел, но в котором я никогда не чувствовал себя по-настоящему комфортно, был персонификацией в крайней форме двух характеристик, присущих большинству членов парламента — глупости и эгоизма. Только благодаря умному и тонкому руководству Джорджа Гардинера им удалось не превратиться за последние годы в посмешище. Но та целостность, которой они, возможно, обладали вначале, была разрушена включением многих людей неопределенных взглядов. Таких жутких, как Элизабет Пикок, которая приземленно и многословно выступала против Маргарет (что о ней думать, все равно в следующем созыве ее не

будет), было немного, но большинство беспокоилось исключительно о спасении своей шкуры. Я говорил лояльно и, полагаю, волнуяще о том, как многим мы обязаны Премьер-министру. Но из аудитории донесся намек: “что она вообще для нас сделала”, и в этом была доля правды, так как всего несколько членов “Группы-92” получили министерские назначения. Я старался заставить их содрогнуться при мысли о том, что будет делать Майкл, и добился только приглушенных ритуальных аплодисментов, когда сказал, что Маргарет не побеждена и никогда не будет побеждена ни в стране, ни в этой Палате общин. Я у них не пользуюсь особой популярностью. Они полагают, что я “высокомерный”. Возможно, я уже дошел до состояния уныния. Но на завтрашнем голосовании, я думаю, их голоса разделятся, в лучшем случае, 60 на 40.

После ужина я пообщался с Норманом Ламонтом. Он только что откуда-то вернулся. “Мне не нравится, чем пахнет”, — постоянно повторял он. “Все это дурно пахнет”. Конечно же, он прав. Это запах разложения. Он охватывает все, рассыльных, полицию, водителей. Вот-вот произойдет что-то отвратительное.

Я пишу эти строки поздно ночью. Я очень устал. Возможно, я просто чересчур подавлен без всякого на то основания. Если бы мог, я позвонил бы Леди, но она на банкете. Она даже не придет на голосование. Милая и высокомерная.

СЭР РОБИН ДЭЙ

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ВЕДУЩИЙ И ЖУРНАЛИСТ

Сэр Робин Дэй, который умер незадолго до того, как его книга вышла из печати, принадлежал к числу наиболее замечательных и любимых публикой политических журналистов нашего времени. Он начал работать в качестве политического корреспондента "Би-Би-Си" в 1954 г. и быстро приобрел репутацию меткого интервьюера. Наибольшую известность ему принесла работа ведущим передачи "Вопрос дня" (1979—1989 г.). Книга его воспоминаний "Великий инквизитор" была опубликована издательством "Уиденфельд энд Николсон" в 1989 г., а его избранное "Говоря от своего имени" — издательством "Эбери" в 1999 г.

1987 год — начало конца

Есть много противоречивых определений тэтчеризма. Здесь будет приведено, со всей тщательностью записанное для истории ее собственное определение — авторизованная версия, или Евангелие от Маргарет. Она дала его в ответ на поставленный мною вопрос по телевидению, за три дня до дня голосования в июне 1987 года.

Вопрос: Ваш имидж оставил такой отпечаток на партии тори, какой не оставлял никакой другой лидер за всю историю. Мы теперь слышим о "тэтчеризме". Что же такое "тэтчеризм"?

Ответ: Сэр Робин, я не создавала этого названия в том смысле, который определяется окончанием "-изм". Позвольте мне расска-

зять, что за ним стоит. За ним стоят разумные финансы и управление правительства делами нации логичным с финансовой точки зрения образом. За ним стоят честные, не инфляционные деньги; за ним стоит жизнь сообразно с возможностями, за ним стоят стимулы, поскольку мы хорошо знаем, что рост и экономическое могущество нации связано с усилиями людей, из которых она состоит, а они нуждаются в стимулах, чтобы работать как можно более усердно. Вот что привело к экономическому росту. Но это еще не все. За этим термином стоит широчайшая собственность на имущество, дома, акции, накопления. За ним стоит сильная оборона, надежные союзники и друзья, которым можно доверять. Люди называют это "тэтчеризмом". По сути, это просто здравый смысл и наличие веры в предприимчивость и способности людей. Моя задача состоит в том, чтобы очистить их и выпустить на волю. Они всегда были там. Они всегда были присущи британскому народу, но не могли расцвести в условиях социализма, а теперь они высвободились. Вот и все, что собой представляет "тэтчеризм".

Возможно, она выучила это наизусть. Если это так, то она затвердила это хорошо. Говорила энергично, пылко и красноречиво. Она обладала тем редким политическим даром, который заставляет простые и знакомые слова звучать по-новому и неотразимо.

Маргарет Тэтчер — политический феномен. Она не только была первой женщиной Премьер-министром Соединенного королевства; не только возглавляла партию тори более четырнадцати лет. Ее феноменальность состоит в том, что она, будучи буржуазным консерватором, оказалась радикальным Премьер-министром. Избирая тэтчеризм, она похоронила социализм или, по крайней мере, социализм "пункта четыре". Ею руководили скорее не интеллект и рассудок, а убежденность и инстинкт. Левый оппонент консенсуса Тони Бенн восхищался ее "убежденной" политикой. Ее превозносил Тони Блэр, способный, если мои уши меня не обманывают, эхом повторить эти слова Маргарет Тэтчер: "Я вместе с другими решаю, каким путем нам идти, после чего я прилагаю все усилия, чтобы пройти этот путь, преодолев все трудности. С моей точки зрения, это не самонадеянность. Это решимость и решительность".

Учитывая плохие результаты тори на евровыборах 1989 года, создавалось впечатление, что доминирование тэтчеристского влияния подходит к концу. Имея в виду растущую инфляцию и забастовки в промышленности, американский телерепортер саркастически заметил: “Железная леди демонстрирует признаки усталости металла”. Последовала желчная отставка ее канцлера Найджела Лоусона. И после беспорядочных перестановок в Кабинете, в ходе которых она выгнала многострадального сэра Джеффри Хоу с поста министра иностранных дел, конец тэтчерократии наступил раньше, чем ожидалось.

В своей речи в Брюгге в 1988 году она дала понять, что полна решимости предотвратить превращение ЕС в сверхгосударство: “Мы не для того успешно сузили границы государства в Британии, — заявила она, — чтобы вновь вернуть их на европейском уровне”. Это испугало проевропейский истеблишмент.

Намеревалась ли она подстегнуть евроскептицизм? Или она адекватно отвечала на охлаждение евроэнтузиазма британского народа? Кто скажет? Тому, кто догадается, за что она будет побуждать нас голосовать на евроферендуме, никаких призов не предусмотрено.

Но пока не настал конец, госпожа Тэтчер главенствовала в своем Кабинете, как ни один Премьер-министр за последнее время. У нее не было явного преемника. Она достигла всего этого, — и в этом состоит удивительная черта тэтчерского феномена, — не будучи великим парламентарием, не будучи блестящим оратором, не обладая даром говорить красиво или запоминающимися фразами, не демонстрируя явного чувства юмора. Возможно, больше, чем какой-либо иной Премьер-министр за всю мою жизнь, она подвергалась анафеме интеллектуалов, таких как мелочный Оксонианс, который, к своему стыду, проголосовал за то, чтобы ей отказали в почетном звании.

Но ее стиль лидерства, каким бы деспотичным или резким он ни был, не помешал ей снова победить с огромным преимуществом (102) в 1987 году. Таким образом, она стала первым со времен лорда Ливерпула (более 160 лет назад) британским Премьер-министром, избранным на три срока подряд.

На этих выборах Маргарет Тэтчер имела основания для серьезных претензий на лидерство. Разве она не ограничила полномо-

чия государства, не обуздала профсоюзы, не победила Скаргилла, Галтьери и Кена Ливингстона, не противостояла терроризму? Разве ее канцлеры Хоу и Лоусон не снизили верхнюю границу ставки подоходного налога с драконовских 83 до 40 %? Фунт был сильным. Инфляция не превышала 4—5 %. Наблюдался экономический рост.

Но второе правительство Тэтчер знавало и плохие времена. Критики тэтчеризма не испытывали недостатка в аргументах. Во время длительных шахтерских забастовок не обошлось без насилия. Имел место конфликт печатников в Уэппинге. Было и дело с уэстлендским вертолетом, когда распался нормально функционирующий Кабинет. Майкл Хезелтайн вышел из Кабинета, и Тэтчер оказалась в опасной близости от потери своей власти. Отправляясь на дебаты по уэстлендскому делу, она бросила кому-то из окружения на Даунинг-стрит: “Возможно, к шести часам сегодняшнего вечера я уже не буду Премьер-министром”. Таким образом, в течение около трех часов второй половины понедельника, 28 января 1986 года, сэр Джеффри Хоу действительно всерьез думал, что он в тот день мог стать Премьер-министром.

О лейбористах, с их умением работать со средствами массовой информации, включая блестящий фильм в поддержку своего нового лидера Нила Киннока, всюду твердили, что они выиграют кампанию 1987 года. Но лейбористы проиграли выборы.

Таким образом, эти выборы были триумфом того, что окрестили тэтчеризмом. Немного нашлось бы людей, если такие вообще были (я, конечно же, не принадлежу к их числу), которые тогда могли предполагать, что этот трехкратный победитель, этот человек, неукротимо набирающий голоса, эта женщина, которой восхищаются во всем мире, вскоре вынуждена будет оставить свой пост. Но всего тремя годами позже, в 1990 году, это постигло Маргарет Тэтчер. Впервые в мирное время британский Премьер-министр в добром здравии, поддерживаемый большинством в Палате общин, был снят с должности.

Это было не просто концом эпохи, но чрезвычайным концом потрясающей эпохи. Вне зависимости от того, рады вы были видеть, что она уходит, или это вызывало у вас грусть, она была единственным Премьер-министром, имя которого превратилось в

“изм”. Никто никогда не говорил о “дизраэлизме”, “макмилланлизме”, “хитизме” или даже “черчиллизме”. Как с грустью заметила сама Маргарет Тэтчер на своем последнем совещании в Кабинете, “это забавное старое слово”.

Моим любимым воспоминанием о ней навсегда останется то интервью в период предвыборной кампании 1987 года. Она была в самой лучшей форме, в расцвете, практически непобедимая. По содержанию и стилю это была Тэтчер высшей пробы. Мои попытки вставить реплику часто обрывались. В какой-то момент мне пришлось заметить, что “у нас не партийная политическая передача, а интервью, и это предполагает, что я должен иногда задавать вопросы”. Премьер-министр ответила: “Да, конечно, *мистер Дэй*”, — и продолжала в точности так же, как и до этого моего замечания. По словам Ричарда Ласта, превосходного телевизионного критика из “Дэйли Телеграф”, “Сэр Робин был раздавлен с легкостью, с какой паровой каток с тщательно уложенной прической давит бланманже”.

Я не обращался к ней мысленно как к Мэгги и никогда не слышал, чтобы кто-либо называл ее “Мэгги”. Для меня она была “Премьер-министр” или “госпожа Тэтчер”. Если я бы говорил о ней, то назвал бы ее “госпожа Тэтчер” или “Маргарет”. Но никогда не сказал бы “Мэгги”.

РОНАЛЬД РЕЙГАН

ПРЕЗИДЕНТ США с 1981 по 1989 г.

Закончив карьеру киноактера и побывав на посту губернатора Калифорнии, Рональд Рейган в 1981 г. стал президентом США и оставался на этом посту до 1989 г. Его большая дружба с Маргарет Тэтчер и общность политических приоритетов цементировали отношения между Британией и США в течение всех 80-х годов. Предлагаемый отрывок взят из его воспоминаний "Американская жизнь", опубликованных издательством "Хатчинсон" в 1991 г.

Моральный долг

Во время поездки в Англию в 1978 году я неожиданно столкнулся с Джейсоном Дартом, одним из калифорнийцев, который был членом моего тамошнего кабинета, и он сказал, что хотел бы, чтобы я встретился с одной женщиной, его другом, которая недавно стала первой женщиной, избранной главой Британской консервативной партии.

Я собирался провести с Маргарет Тэтчер всего несколько минут, но закончилось тем, что мы проговорили почти два часа. Она сразу мне понравилась. Она была сердечной, женственной, обходительной и умной и с первых наших слов стало ясно, что мы — родственные души в вопросах сокращения государственного сектора и расширения экономической свободы. На приеме, состоявшемся в тот вечер, один англичанин, знавший о нашей встрече, спросил меня: "Что Вы думаете о нашей госпоже Тэтчер?"

Я сказал, что нахожусь под глубоким впечатлением. “Мне кажется, из нее выйдет великолепный Премьер-министр”.

Он взглянул на меня насмешливо-пренебрежительным взглядом, с выражением, подразумевающим, что это немислимая идея: “Мой дорогой друг, женщина Премьер-министр!?”

“В Англии когда-то была королева по имени Виктория, которая справлялась довольно неплохо”, — сказал я.

“Ах те, господи, — воскликнул он. — Я совсем позабыл об этом”.

За восемь лет моего президентства ни один наш союз не был более сильным, чем союз с Объединенным королевством. Не только потому, что мы с Маргарет Тэтчер лично были друзьями и разделяли взгляды на роль государственного сектора, но и потому, что этот союз был усилен длительными особыми отношениями между нашими странами. Глубина этих особых отношений сделала невозможным для нас сохранять нейтралитет во время британской войны с Аргентиной за Фолклендские острова, хотя это был конфликт, в котором мне пришлось ходить по лезвию бритвы. После высадки на острове Южная Джорджия Маргарет Тэтчер позвонила мне и сказала, что Британия никогда не согласится на присоединение к Аргентине колоний, принадлежащих Короне. Она попросила меня позвонить по телефону Леонардо Галтьери, президенту военной хунты, которая правила Аргентиной, и убедить его прекратить вторжение, а также сказать, что Британия использует все необходимые силы для сохранения своей колонии. Я переговорил с Галтьери, но он стоял на своем.

Хунта ошиблась в оценке не только воли Маргарет Тэтчер, но и силы наших связей с Англией. Мы заверили Маргарет Тэтчер в том, что полностью поддерживаем Британию. Маргарет Тэтчер, как я полагаю, не имела другого выбора, кроме того, чтобы встать против генералов, которые единично не щадили жизней молодых аргентинцев с единственной целью защитить жизнь коррумпированного и тоталитарного правительства с железными кулаками. Я верю, что она поступила так не потому, что ее пра-

вительство в противном случае было бы смещено, как поговаривали в Британии, а потому, что она твердо верила в абсолютную моральную правоту того, что делала, и в то, что ее нация обязана гарантировать горсти людей, живущих на Фолклендах, право на самоопределение.

СЭР РОНАЛЬД МИЛЛАР

СПИЧРАЙТЕР МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Сэр Рональд Миллар был талантливым драматургом и сценаристом. Он начал писать речи для Премьер-министра Эдварда Хита в начале 1970-х гг. Впоследствии его пригласили продолжать писать речи сначала для Маргарет Тэтчер, а затем и для Джона Мейджора. Он был автором эпитета, вошедшего в нашу речь: “несгибаемая леди”. Сэр Рональд недавно умер, и этот отрывок взят из его автобиографии “Вид с крыльев”, опубликованной издательством “Уиденфельд энд Николсон” в 1993 г.

Речь Линкольна

Маргарет Тэтчер была избрана лидером партии 11 февраля 1975 года, но я все еще упорно сохранял преданность ее предшественнику, когда шестью годами позже мне довелось встретиться с ней в Палате общин. При первой встрече она отнеслась ко мне настороженно, так же, как и я к ней. Мне казалось, она думала: “Что это за писатель, который работал на Теда? Он не из нашего круга, это уж точно”. Я же думал: “В ней должно быть что-то особенное, иначе они не избрали бы женщину лидером партии”, — но мне было неясно, что же это было и, во всяком случае, я далеко не был уверен в том, что хочу оставаться причастным к политике.

Я слышал, что она склонна к переменам, что она неплохой человек, и думал, что перемены не только неизбежны — они

желанны, но стирать вчерашний день, как влажная тряпка приводит в порядок школьную доску, не стоит. Никто не говорил, что она собирается сделать это, но поговаривали, что она была силой, с которой следует считаться, женщиной с решимостью мужчины, а это, скорее всего, не сулит ничего хорошего. Однако, когда я впервые разглядел ее при свете дня, то сумел увидеть, что она не соответствует тем оценкам-клише, которые преследовали ее на протяжении всей ее политической жизни. В ней была свежесть повзрослевшей девочки-скаута, как будто бы она только что сошла с экрана “Звуков музыки”, хотя я не думаю, что “мягкие шерстяные рукавички и усики котят” когда-либо были среди ее любимых вещей.

Она предложила мне стул и кофе и сказала, что унаследовала от господина Хита пятиминутные “партийные политические вещания”, которые, как она понимает, я помогал ему делать, так ли это? “Помогал” — это мягко сказано, но я кивнул утвердительно. Ну а теперь, не соглашусь ли я делать то же самое для нее? Я пояснил, что у меня через пару дней премьеры пьесы и я полностью занят последними репетициями. Она сказала, что понимает, но для передачи нужен текст всего на пять минут. Не найду ли я время, чтобы втиснуть это.

Я заметил, что для того, чтобы написать текст на пять минут, времени нужно больше, чем пять минут, и в любом случае у меня нет ни малейшего представления о том, что она хочет сказать. “Просто описать в общих словах мою позицию. На большее времени не хватит. Моя политика несколько отличается от политики господина Хита, как вы, вероятно, знаете”. Да, я действительно знал об этом. Я также знал, что кроме сильных взглядов она обладает еще и ощущением своей миссии, а с людьми, обладающими им, работать, как правило, нелегко.

“Ну, так как же?”

Предполагалось, что я могу найти время именно тогда, когда она этого захочет?

Могу ли я написать черновой вариант к завтрашнему утру, скажем, к одиннадцати? Это действительно было несколько навязчиво. С неохотой я сказал: “Посмотрим, что я могу сделать”.

“Спасибо. Тогда до завтра”.

Вежливая улыбка, на которую я ответил тем же. Никакого совпадения воли и желаний сторон поначалу не возникло, вместо этого с моей стороны было раздражение, связанное с тем, что меня отвлекли от чего-то более важного для меня, но отнюдь не для нового харизматического лидера Консервативной партии. Я тоже подчас бываю упрямым. Мне действительно не стоило так легко соглашаться. Я поспешно оставил Вестминстерский дворец. Сев на задние ряды в “Хеймаркете”, я устремил взор на сцену и актеров. Мои мысли на девять десятых были заняты пьесой. Во время перерыва на ленч я черкнул несколько мыслей в своем блокноте от “Риманс”, но у меня не было возможности подумать о концовке. Если придирааться, “увлечение цитатами” — это избитый прием, но это одновременно и неплохой запасной аэродром. Я сумел припомнить несколько строк из речи, приписываемой Аврааму Линкольну, его наиболее памятной речи, произнесенной после битвы при Геттисберге, которую я как-то выучил для прослушиваний.

На следующее утро в одиннадцать я вернулся в кабинет нового лидера партии. “Вы принесли?” — она протянула руку за текстом. Подчиняясь внезапному импульсу, я сказал: “Можно я Вам прочитаю?” Она, казалась, была удивлена, но указала мне на стул на некотором расстоянии от себя, по диагонали. Затем она села и наполовину прикрыла глаза левой рукой. То ли ей мешал свет, то ли она боялась наихудшего? “Это помогает мне сконцентрироваться, — сказала она. — Начинайте. Я слушаю”.

Когда я закончил, воцарилась полная тишина. Я подумал: “Ну, кажется, пошло как мешок с картошкой. Я сорвался с крючка. Слава Богу, аллилуйя!” Но затем она отняла руку от своих глаз и полезла в один из этих объемных вещмешков, в которых современные женщины носят все, кроме разве что микроволновой печи. Из этой емкости она извлекла сумочку. Из сумочки на свет появился бумажник, а из бумажника — пожелтевший клочок газеты. Все это было сделано очень медленно, методично и в полном молчании. Наконец, она встала, прошла через комнату ко мне и вручила мне обрывок газеты. “Это всегда и повсюду со мною”, — сказала она. То была цитата из Линкольна.

Бывают минуты в жизни, когда в том, что мы называем мозгами, происходит какой-то щелчок, и вы неожиданно обнаружи-

ваете, что находитесь на одной длине волны с кем-то совершенно чужим. Похоже, это был именно такой момент. Я начал объяснять, что я обратился к Линкольну, так как у меня на самом деле не было времени для разглагольствований, все мои мысли были на сцене с актерами. Она сказала: “Если это — то, что Вы сделали, практически не прилагая усилий, то что будет, если Вы действительно постараетесь?” На этот раз улыбка была не просто вежливой. Она была ослепительной.

СЭР ДЖОН ДЖУНИОР

БЫВШИЙ РЕДАКТОР "САНДИ ЭКСПРЕСС"

Сэр Джон Джуниор был редактором "Санди Экспресс" в течение первых одиннадцати лет, когда Маргарет Тэтчер была лидером Консервативной партии. Этот отрывок взят из автобиографии сэра Джона Джуниора "Слушая полночный поезд", опубликованной издательством "Чампанс" в 1990 г.

Акты доброты

Мои первые впечатления от Маргарет Тэтчер были смешанными. Она не выглядела столь привлекательной, как можно было предположить по фотографиям. На самом деле после нашей первой встречи у меня осталось впечатление, что она совершенно бесполоая. Ее интеллект также не произвел на меня слишком большого впечатления.

Если в день первой нашей встречи, я и подумал, что Маргарет Тэтчер полностью лишена сексуальной привлекательности, то со временем мне пришлось изменить свои взгляды. Так же, как и многим другим людям. Конечно же, были и такие, кто всегда находил ее сексуально привлекательной. Дуглас Кларк, в то время политический редактор "Санди Экспресс", был среди участников конференции тори в Блэкпуле, когда она была министром образования в правительстве Хита. После вечера, проведенного за выпивкой с делегатами в разных гостиничных барах и гостиных он удалился в свой номер в приподнятом настроении и все еще не был готов улечься спать. Вдруг он обнаружил, что думает о Мар-

гарет Тэтчер и в необъяснимом порыве поднял трубку телефона на прикроватной тумбочке и попросил соединить его с ее номером. Когда сонная и весьма целомудренная Маргарет Тэтчер взяла трубку, она ответила на его предложение прийти к нему в номер, чтобы пропустить стаканчик перед сном, очень сухо.

Можно сказать, что с годами сексуальная привлекательность Маргарет Тэтчер возрастала. Джим Прайор как-то рассказал мне, как один или два министра безуспешно пытались, как он пошло выразился, “залезть на нее”. Это доказывает, как я полагаю, правильность старого выражения о том, что власть является самым лучшим средством для усиления сексуального влечения.

В ноябре 1979 года Маргарет пришла на обед, который давал Виктор Меттьюс в честь 25-летия моего пребывания на посту редактора “Санди Экспресс”. Тед Хит сидел с нами за одним столом. Я спросил Маргарет, почему бы ей не взять его в свой Кабинет. Я заметил, что это могло бы значительно облегчить ее трудности. Она посмотрела на меня и ответила: “Я не могу. Он не заседал бы там как член команды. Он все время старался бы вылезть. Я должна признаться вам, Джон: когда я смотрю на него, а он — на меня, я не чувствую, что это мужчина, который смотрит на женщину. Это больше похоже на то, как женщина смотрит на женщину”. Бедный Тед.

В 1981 году меня пригласили на радио сделать шестиминутное выступление на любую тему по моему усмотрению. Я выбрал темой своего выступления Маргарет Тэтчер и рассказал несколько историй.

Одна из них была связана с ее водителем Джорджем Ньюеллом, который умер от сердечного приступа в возрасте 62 лет. Его хоронили в Элтеме в пятницу недели, кризисной для Премьер-министра. Проще всего на свете ей было бы отправить на похороны своего представителя. Но нет. Она пошла сама. Она сидела на церковной скамье, утешая вдову. И сделала все возможное, чтобы история о ее добром поступке не была предана огласке.

Другая история касалась молодого члена ее персонала, жена которого оставила его, забрав с собой детей. Это случилось за три дня до Рождества. Он был в полном отчаянии при мысли, что вынужден будет встретить Рождество в одиночку. Зазвонил

телефон. Это была Премьер-министр. “Вы собираетесь куда-нибудь на Рождество? — спросила она. — Если нет, то почему бы Вам не приехать и не провести его с Дэнисом, Кэрол, Марком и мною”. Она понимала безысходность его одиночества и беспокоилась о нем.

После передачи Маргарет была так добра, что написала мне письмо с благодарностью. “Будьте же благословенны за все добрые вещи, которые Вы говорите и которые приходится всегда ко времени”. Это был теплый жест. И это был жест из ряда характерных для Маргарет Тэтчер.

ЛОРД АБЕРЭЙВОНСКИЙ ХОУ

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1979 по 1990 г.

Джеффри Хоу был первым канцлером Казначейства Маргарет Тэтчер (1979—1983 гг.). После этого он занял пост министра иностранных дел (1983—1989 гг.) и вице-премьер-министра (1989—1990 гг.). Его отставка, последовавшая в 1990 г. в связи с расхождениями по вопросам европейской политики, и его беспощадная речь в Палате общин по случаю отставки были ключевыми факторами, приведшими в конце концов к падению Маргарет Тэтчер. Настоящие воспоминания взяты из книги мемуаров лорда Хоу “Конфликт лояльности”, опубликованной издательством “Макмиллан” в 1994 г.

1969 год

Артур Селдон спросил, какого я мнения о Маргарет Тетчер как возможной кандидатуре для Института экономических дел. Мой ответ был осторожно-оптимистическим: “Я не уверен насчет Маргарет. Во многих случаях ее взгляды по экономическим вопросам действительно разумны. Но она склонна проявлять догматизм, излишний, как на мой взгляд, в таких важных и сложных вопросах, как образование, и фактически тормозит дело, чересчур его упрощая. Мы, безусловно, должны стараться получить от нее лучшее. Но я считаю, что ее необходимо подвергнуть гуманизирующему воздействию Вашего характера в той же степени, в какой и воздействию рыночников социального обеспечения. Она может поддаваться самым различным влияниям, и в зависимости от этого ее ждет либо триумф, либо катастрофа”.

Февраль 1975 года

Два дня спустя после ее избрания лидером партии Маргарет Тэтчер пришла, чтобы выступить на одном из регулярных заседаний “Комитета-1922”, проводившихся по четвергам. Зал был полон. В отличие от других, на этом заседании присутствовали также члены Теневого кабинета. Новый лидер в сопровождении председателя Эдварда дю Канна вошла в помещение Комитета через дверь, открывающуюся на платформу. По обе ее стороны находились члены Комитета, исключительно мужчины. В этот миг она показала очень красивой и очень хрупкой в окружении возвышающихся над ней полудюжины рыцарей — членов парламента от графств. Это было волнующее, почти феодальное событие. Слезы навернулись на мои глаза. Консервативная партия впервые избрала своим лидером женщину. И это собрание, в огромном своем большинстве состоящее из мужчин, с энтузиазмом посвящало себя служению этой выдающейся женщине. Благодаря своей безрассудной храбрости, она обрела их поддержку, если не их сердца. Так были выкованы новые узы лояльности.

Июнь 1979 года, Токио

Настоящей звездой встречи в верхах была Маргарет Тэтчер, впервые появившаяся на мировой сцене в качестве Премьер-министра. В те дни еще сохранялся обычай, согласно которому каждый глава правительства должен был выступать с короткой речью на заключительной пресс-конференции — вселяющий страх рецепт для соревнований по скуке. Как новый член Маргарет выступала последней. “Корпус прессы”, собравшийся в новой гостинице “Отани” состоял из на удивление большого числа японок — среди них, без сомнения, были и журналистки, но было также много жен дипломатов и политиков, секретарш и тому подобное, и все они сгорали от любопытства, желая посмотреть на этот женский феномен. Маргарет не разочаровала их. Говоря без бумажки (но далеко не экспромтом), она блистала на фоне вооружившихся нравоучительными текстами государственных мужей, которые выступали перед ней. Я впервые понял, какого могучего, всепобеждающего лидера имеет теперь Британия.

Весна 1982 года

Один из коллег сделал такой вывод: “то, как Маргарет действует, как распоряжается своим временем, отсутствие методического режима работы и правильного обсуждения и общения по ключевым вопросам с другими коллегами означает, что наши шансы на осуществление тщательно разработанной стратегии на самом деле очень низки...” Методы работы Маргарет по-настоящему никогда не совершенствовались в том направлении, в каком ему бы хотелось. Тем не менее, важные вопросы повестки дня решались, хотя и не таким систематическим образом, как он или я, возможно, желали бы. Это происходило, главным образом, благодаря самоотдаче Маргарет, ее авторитету, а иногда и ее суждениям. Отличие от нашего, более аналитического, подхода заключалось в том, что ее влияние употреблялось более оппортунистически и инстинктивно, чем мы бы планировали. Но во всем Уайтхолле и Вестминстере ее инстинкт, ее мышление, ее авторитет присутствовали почти всегда, — и складывалось впечатление об их всеобщности, прочности и действенности. Постепенно, месяц за месяцем, крепло такое ощущение, будто бы Премьер-министр присутствует, невидимая и не говорящая ни слова, чуть ли не на каждом заседании. Постоянно возникали вопросы, хоть и не всегда озвученные: “Как это воспримут на Даунинг-стрит, 10? Как наилучшим образом убедить Премьер-министра в этом?” И подобные.

Февраль 1984 года

Именно ее нелестное мнение относительно лояльности профсоюза поставило Лена Мюррея и его коллег в затруднительное положение. Для них обвинение в нелояльности к Короне, которое, как подразумевала Маргарет, вытекало из членства в профсоюзе, было равносильно заявлению о государственной измене. Именно это оскорбление, как они его оценивали, разъярило их. Но это был один из тех случаев, когда Маргарет, в конечном счете, руководствовалась своим абсолютистским инстинктом “все или ничего”. В ее сознании не могло уместиться представление о том, что кто-то другой может иметь законное право на параллель-

ную лояльность. Из всего, что мне приходилось наблюдать до того, это был, возможно, самый наглядный пример наиболее трагических недостатков Маргарет — неспособности оценить, а тем более приноровиться к патриотизму кого-либо другого. Будучи большим патриотом с огромной интуитивной лояльностью, она не могла научиться уважать либо благожелательно относиться к чувству лояльности других или даже к идее лояльности, более широкой или отличной от ее собственной. Даже “валийскость”, как мне порою кажется, она считала чем-то, что выходит за рамки неписаных границ, а что уж говорить об “ирландскости”. В кармане каждого гражданина, — казалось, думала она, — может быть только один профсоюзный билет, и в Главном управлении правительственной связи может быть только один такой билет — билет члена профсоюза Ее Величества.

Октябрь 1985 года: совещание глав государств — членов Содружества в Нассау

Перед телекамерами всего мира Маргарет выступила, чтобы представить не успешное достижение координации в политике Содружества относительно изменений в Южной Африке, а лишь триумфальную незначительность *своих* уступок для ее достижения. Сложив вместе указательный и большой палец так, что между ними оставалось лишь несколько миллиметров, и продемонстрировав это камерам, Маргарет провозгласила, что она уступила только “на самую ничтожную малость”. Четырьмя короткими словами она одновременно оскорбила три десятка глав правительств, обесценила политику, по которой они только что пришли к соглашению, и уронила свое собственное достоинство. Она конечно же достигла того, что на любой подобной встрече в будущем дела пойдут не столь просто. Даже я с трудом верил своим собственным глазам.

Май 1983 года: саммит в Уильямсберге

Рональд Рейган был вполне естественным гостем, с прямой и захватывающей стойкостью в вопросах, которые имеют вес. Его отношения взаимной поддержки с Маргарет были спонтанными.

Она также относилась к нему с восхитительной, почти нежной непосредственностью. Им обоим эти отношения давали личное удовлетворение и политическую поддержку.

Март 1985 года: похороны Генерального секретаря Черненко

Стиль второй встречи Маргарет с Михаилом Горбачевым поздним вечером в Кремле был подобающим случаем, а характер — дружественным. Хотя в программе была лишь пятнадцатиминутная встреча, мы пробыли там почти час. Маргарет была в восторге от недавнего визита Горбачева в Лондон (“один из самых успешных вообще”). “Мы должны, — отвечал Горбачев, — продолжать встречаться и общаться друг с другом”. “Народ Британии, — заключила Маргарет, — с глубоким удовлетворением воспринял назначение Горбачева и был бы рад видеть Громыко в Лондоне”. Горбачев довольно рассмеялся: “Господин Громыко, — сказал он, — ожидает, пока рассеется лондонский туман”. Безусловно, оба лидера испытывали взаимную симпатию, получали удовольствие от общения друг с другом. Но ни Маргарет, ни Михаил никогда не снижали бдительность.

Сентябрь 1983 года: семинар по внешней политике в Чекерс

Я объяснил Маргарет, что ее собственные уникальные отношения с Президентом Рейганом и ее положение в Европе и в мире могло бы обеспечить Британии голос в альянсе, в котором мы предельно нуждались, когда советская кампания против развертывания нами ядерных сил средней дальности явно пребывала на пике. “Главный успех, — по словам одного официального лица, — состоял в том, чтобы убедить Премьер-министра, что это не повлечет существенной дестабилизации Советского Союза и Восточной Европы”. Этот важный прогресс в понимании был, вероятно, решающим для успешных результатов первой схватки

Маргарет с Михаилом Горбачевым, которая последовала лишь через двенадцать месяцев. Сила, с которой Маргарет впоследствии защищала свою точку зрения о необходимости диалога с Москвой, была не менее решающим фактором, способствовавшим отказу Рональда Рейгана от риторики об “империи зла” и установлению им аналогичных отношений с Горбачевым. Я иногда думаю, что, возможно, историки посчитают это ее самым большим достижением во внешних делах.

Март 1987 года: Россия

Было потрясающим наблюдать за тем, какое влияние сама Маргарет оказывала на простых русских, встречающихся на ее пути. Три советских тележурналиста, которые взяли у нее обширное интервью и передали его, минуя цензуру, никогда не сталкивались ни с чем подобным. Это было подобно смерчу, сметавшему их в сторону. Интервью очень понравилось аудитории всесоюзного телевидения. И это находило выражение в реакции русских на улицах Москвы и, даже в большей мере, грузин на улицах Тбилиси. Когда Маргарет, как она нередко делала, решала, отбросив условности, выйти из своего лимузина “зил”, чтобы приветствовать пешеходов, она тотчас же бывала окружена восторженным признанием и шумными приветствиями. “Ее деятельная личность, — написала “Мейл оф Санди”, — ставит ее на голову выше всех других лидеров на мировой сцене”.

Сентябрь 1988 года

В конце концов я пришел к заключению, что для Маргарет речь в Брюгге представляла собой, по крайней мере подсознательно, ее отказ от коллективной ответственности, которую она разделяла во время своего пребывания в Кабинете Хита, когда появилась европейская политика, так сказать, с ограничениями. Маргарет ждала почти пятнадцать лет, чтобы продемонстрировать свое отрицательное отношение к политике, которую она принимала как член правительства. Я начал рассматривать ее, а теперь даже еще более отчетливо это вижу, как естественного члена

храброй, но неправильно направляемой группы “заднескамеечников”: Инока Поуэлла, Робина Тертона и Дерека Уолкер-Смита, которые так долго и упорно боролись против законопроекта о Европейском экономическом сообществе 1971 года. Однако ее ежедневные действия вообще-то продолжали опровергать это умозаключение, поскольку она продолжала поступать, по крайней мере в тот момент, так, будто бы действительно была Премьер-министром государства — члена Европейского экономического сообщества. И мы должны были продолжать работать исходя из этого. Как мне кажется, в тот момент она немного походила на священника, который вдруг провозгласил, что не верит в Бога. Теперь я вижу, что это был, вероятно, момент, когда начал выкристаллизовываться конфликт лояльности, с которым я должен был “бороться, возможно, слишком долго”.

Заключение

И так прошли годы триумфа, которые закончились трагедией. Одиннадцать лет пребывания Маргарет Тэтчер на посту Премьер-министра и теперь остаются периодом выдающихся достижений, хотя и омраченным весомыми ошибками, допущенными в последний срок ее пребывания на этом посту. Ее трагедия заключается в том, что, может быть, запомнится скорее не блеск ее многочисленных достижений, а безрассудство, с которым она в последнее время старалась насаждать свои все более непоколебимые взгляды. Для Маргарет Тэтчер в ее последние годы не было различия между личностью, правительством, партией и нацией. Они соединились в ее сознании в единое целое. Ее интересы бездоказательно принимались за интересы Британии. Любая критика в ее адрес воспринималась как непатриотические действия. Отстаивание непререкаемости суверенитета ее собственного мнения, замаскированного под суверенитет нации, погубило ее.

ЛОРД КРИКХОУЭЛЛ

МИНИСТР ПО ДЕЛАМ УЭЛЬСА с 1979 по 1987 г.

Лорд Крикхоуэлл, в то время Николас Эдвардс, занимал в Кабинете Маргарет Тэтчер пост министра по делам Уэльса с 1979 по 1987 г., когда он был произведен в пэры. В 1989 г. он возглавил Национальное агентство по рекам и оставался на этом посту до 1996 г. Приведенный ниже отрывок является сокращенным вариантом эссе о Маргарет Тэтчер и его работе в Кабинете из написанной ним книги "Вестминстер, Уэльс и вода", которая была опубликована издательством "Юниверсити оф Уэльс Пресс" в 1999 г.

Она любила спор

Как-то на заседании в кабинете Премьер-министра в Палате общин мы обсуждали политику в сфере образования. Кита Джозефа, которого она любила, которым восторгалась, которому была бесконечно благодарна, но с которым иногда плохо обращалась, все чаще перебивали, когда он пытался изложить свой вопрос. Сначала она навязчиво перебивала его через каждые несколько фраз, а затем этот звук стаккато, похожий на звук стреляющего автоматического оружия, врвался уже в каждую фразу со все более уменьшающимися интервалами. Большинство из нас молча просматривали свои бумаги, но Найджел Лоусон, решив, что пора и честь знать, вдруг склонился над столом и резко оборвал ее: "Помолчите, Премьер-министр, дайте другим хоть иногда вставить слово". Наступила оглушительная тишина:

мы все подняли глаза, чтобы увидеть, что произойдет. В первый и последний раз я видел Маргарет Тэтчер, залившейся румянцем смущения, после чего в течение двадцати минут она молчала, и в течение этого небывалого затишья Кит представил свой документ и мы продолжили рассмотрение вопроса, и то была одна из наиболее конструктивных дискуссий из всех, какие на моей памяти происходили в Комитетах Кабинета под председательством Премьер-министра. Я не помню ни одного случая, когда бы коллега по Кабинету поступал бы столь резко, но, тем не менее, это миф, что мы все всегда были пассивными и раболепными. Методы противостояния исключительно воинственному стилю ведения дел Премьер-министром были самыми разнообразными, но они были более эффективными, чем все признают. На самом деле она редко вела себя уж так невежливо, как в том случае с Китом Джозефом, и много можно порассказать о ее технике испытания силы доказательств при помощи энергичного спора, и лишь немногие члены Кабинета находили это нестерпимым.

Маргарет Тэтчер любила спор и уважала тех, кто противостоял ей, когда они владели своим предметом. Она поощряла замечания со всех концов стола, иногда от тех из нас, кто предпочел бы как раз в этот момент промолчать. Система испытания доказательств на прочность имела огромное преимущество, заключавшееся в том, что она часто позволяла выявить недостатки и предотвратить катастрофу, но ее изъяном было то, что она порою разбивала хорошую политическую линию и не давала ей развиваться дальше. Со временем участники забега поняли, что их задача усложнилась из-за простого маневра — включения в комитеты враждебных критиков. После того, как Комитет по промышленности принял серию решений и рекомендаций, с которым Премьер-министр не согласилась, она вернула себе контроль, взяв на себя роль председателя. Комитеты, которые не считались в достаточной мере здоровыми, обнаружили, что их состав изменился или решения стали принимать специально созданные группы министров, часто без предварительного распространения документов для ознакомления в других ведомствах и без межведомственных консультаций. В этом не было ничего особенно нового, но Премьер-министр завела процесс дальше, чем большинство ее пред-

шественников. Несмотря на эти маневры, нередко случалось, что Премьер-министру не удавалось настоять на своем и она принимала, часто с видимым раздражением, решение большинства.

Она всегда приходила на совещания безукоризненно подготовленной. Разъяснения Казначейства — всегда под рукой. Она всегда подчеркивала ключевые места в бумагах, лежащих перед ней, своим желтым маркером. Ее исключительная память была для нас еще одним испытанием. Порой она просто сокрушала оппозицию. Особенно легко это было делать, если коллеги невезучего министра вовсе не верили в то, что предлагаемая им политическая стратегия относится к числу тех, за которые они готовы бороться и рисковать понести ущерб или еще того хуже. Для большинства министров ущербом, которого они больше всего боялись, являлась утрата возможности осуществить какую-либо собственную стратегию, которой они дорожили — если ваш проект был следующим на повестке дня, то вы не стали бы ставить под вопрос его успех, побуждая враждебность. Это все так, но правда также и то, что в огромном большинстве случаев, когда министр стремился к тому, чтобы была принята предлагаемая им стратегия, которую он считал важной и за которую был готов бороться, то он обычно добивался своего, хотя подчас в какие-то моменты и казалось, что ничего не выйдет.

Описание, в котором внимание сосредотачивается на спорах, происходивших за столом заседаний Кабинета, дает неполную и искаженную картину характера и поведения Премьер-министра. Используемые ею в дискуссиях на заседаниях Кабинета агрессивные и властные характеристики, которые приводили к такому результату, нередко сочетались с жестами, свидетельствующими о большой личной доброте. Она, казалось, всегда знала многое о своих коллегах и их проблемах, и тому или иному депутату парламента нередко случалось удивляться, когда она неожиданно останавливала его в коридоре и задавала вопрос о недавней болезни или семейной проблеме. Именно такого рода действиями объясняется большая любовь, которую питал к ней персонал, работающий в Чекерс и на Даунинг-стрит, 10, а также все те, кто тесно с ней сотрудничал.

Она много раз посещала Уэльс, и в течение приблизительно восьми лет оказывала мне всяческую поддержку, какая мне тре-

бовалась, даже несмотря на то, что я использовал такие инструменты, как правительственные структуры и региональная политика, что не очень ей импонировало. Как и во многих других случаях, она была более прагматичной и гибкой при достижении своих целей, чем это понимали или принимали многие ее критики. С жителями Уэльса она, казалось, чувствовала себя почти как дома и много с ними встречалась, пока не наступил период, когда плотная охрана ограничила передвижение Маргарет Тэтчер и отрезала ее от контактов с народом. В последнее Рождество ее пребывания в оппозиции, перед тем, как она стала Премьер-министром, мы прибыли в Рексхем поздно вечером, когда улицы были полны людей, делающих предпраздничные покупки. Она шла по рынку, переходя от одного прилавка к другому, покупая бакалейные товары и беседуя с лавочниками и покупателями, а потом мы вышли на главную улицу как раз в тот момент, когда из-за угла появилась огромная платформа с Санта-Клаусом. Толпа ринулась вперед, и по наитию, а также, возможно, поскольку больше некуда было деваться, мы подняли ее на платформу и поставили рядом с Санта-Клаусом, и так они вместе проехали сквозь толпу, пылко, с волнением и энтузиазмом приветствуемые ею, что было неповторимым моментом за все время моей жизни в политике. Летом 1987 года, в последнюю предвыборную кампанию из тех, в которых я принимал участие, положение дел коренным образом изменилось — каждый шаг был тщательно распisan. Я повез ее в район Кардиффского залива, а на обратном пути небольшая шумная группа освистала нас; один человек поднял пальцы в непристойном жесте. Премьер-министр замерла, явно оскорбленная, а затем обернулась ко мне со словами: “О, что за отвратительные люди, мы действительно зря тратим время — какой толк в наших усилиях, если они так низко их ценят”. Ощущалось, что она не в лучшей форме и что это чужая территория, вдали от Англии, где ее знали и понимали. То же самое постоянно случалось в Шотландии. Ее стремление помочь не вознаграждалось; поддержка, оказываемая ею своим министрам, не ценилась; существовал барьер, который по каким-то причинам она была не в силах преодолеть.

В конечном счете, мои формальные обязанности как министра закончились в день выборов; в тот уик-энд я сидел дома в Уэльсе

с Энн, и неожиданно раздался телефонный звонок с Даунинг-стрит, 10.

“С Вами хочет говорить Премьер-министр”. Она сказала несколько слов о том, как проходили выборы, выразила сожаление об утраченных местах в парламенте, а затем проронила: “Я решила назначить очень старого члена моего Кабинета министром по делам Уэльса”. “Понятно, Премьер-министр, — сказал я. — И кто же это?”

“О, я не могу с Вами поделиться, — ответила она, — поскольку я еще не сказала ему”.

“В таком случае я не могу комментировать это”, — заметил я.

К этому моменту Энн сгорала от нетерпения, желая знать, кто же это — мы долго и упорно строили догадки на этот счет. “Ладно, я скажу Вам, если Вы пообещаете никому не говорить”, — продолжала она.

“Конечно же”, — отвечал я.

“Я решила попросить Питера Уолкера занять этот пост”, — сообщила она мне.

“Питер Уолкер, — повторил я отчетливо, по крайней мере отчасти, ради Энн. — Я уверен, что он отлично справится. Что за блестящая идея!”

После того, как она повесила трубку, я стал размышлять, зачем она звонила. Вряд ли она передумала бы, если бы моя реакция была отрицательной. В любом случае я был весьма тронут, мне было приятно, что она не сочла за труд открыть мне свои планы, особенно учитывая то, что Питер Уолкер, по-видимому, все еще оставался в неведении относительно своей судьбы.

“Согласится ли он?” — сказала Энн с сомнением в голосе. “О да, я уверен, что он согласится, — ответил я. — Как-никак он знает разницу между тем, чтобы находиться внутри, и тем, чтобы оставаться вне, а в данных обстоятельствах у него будут почти полностью развязаны руки, чтобы делать все, что он захочет”.

БАРОНЕССА ТРАМПИНГТОН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МИНИСТР СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И РЫБОЛОВСТВА с 1989 по 1992 г.

Возведенная в пэры в 1980 г., баронесса Сендвичская Трампингтон занимала пост парламентского заместителя министра с 1985 по 1992 г.: вначале она работала в Министерстве здравоохранения и социального обеспечения, затем перешла на ту же должность в Министерство сельского хозяйства, а в 1989 г. стала государственным министром в том же ведомстве.

Испытывающая страх

Я всем обязана Маргарет Тэтчер, поскольку она включила меня в первый же наградной лист после того, как стала Премьер-министром, и я была возведена в пожизненные пэры. Это явилось для меня огромной неожиданностью, и я никогда не перестану быть ей за это благодарна.

При этом я всегда испытывала и сейчас испытываю страх перед ней.

Прекрасно помню первый случай, когда я участвовала в совещании в Кабинете, замещая Джона Макгрегора. Я только что получила министерский пост в Министерстве сельского хозяйства и рыболовства, и мне было поручено добиться назначения одного профессора. Все, что я знала, было сказано мне в последний момент, и состояло всего из пары слов: Министерство образования согласилось на это назначение.

Когда мне показалось, что уже наступил мой великий миг, все, что я могла сделать, это повторить приведенные выше слова несколько раз, всякий раз все менее убедительно.

Чувствуя себя полной идиоткой в окружении великих мира сего, я умолкла, покрываясь холодной испариной.

Но когда Премьер-министр покинула зал заседаний, она дружески похлопала меня по спине и сказала: “Не волнуйтесь, дорогая, вот увидите, Ваш профессор получит работу”.

Причина, по которой я так ее боюсь, связана, как мне кажется, с тем, что у меня постоянно такое впечатление, будто я не могу говорить с ней о вещах, о которых могла бы сказать своим подругам, и мне всегда представляется, что я должна спросить ее о чем-то судьбоносном. Понимаю, что это мой недостаток, и я никогда не боялась добиваться своего, когда была глубоко убеждена в своей правоте. Она никогда не сердилась на меня за это.

ЛОРД ДЖОПЛИНГ

ГЛАВНЫЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОРГАНИЗАТОР ПАРТИИ с 1979 по 1983 г.

Депутат парламента с 1959 по 1997 г., Майкл Джоплинг работал в Кабинете Маргарет Тэтчер с 1983 по 1987 г. Он был главным парламентским организатором партии в первом правительстве Маргарет Тэтчер и занимал пост министра сельского хозяйства с 1983 по 1987 г. Возведен в пэры в 1997 г.

Не дающая спуску

Много написано и сказано о ее теплом отношении к Рональду Рейгану и о том, что их партнерство сыграло главенствующую роль в крахе Варшавского договора и Советского Союза.

Много написано и сказано о ее способности не давать спуску тем, кто ее рассердил.

Но я никогда не видел ее более рассвирепевшей, чем в тот момент (я был тогда главным парламентским организатором партии), когда один из сотрудников рассказал ей о так называемой сделке Президента Рейгана с Президентом Горбачевым в Рейкьявике.

Очевидно, эти двое уединились на встрече с глазу на глаз в присутствии одних только переводчиков. Горбачев убедил Рейгана, что было бы хорошо для них двоих договориться о полном уничтожении ядерных вооружений. Рейган согласился на это, по-видимому забыв о том, что в результате этого возник бы огромный дисбаланс в обычном вооружении в пользу Советского Союза.

Я не вспомню в точности ее слов, но кем-то из присутствующих приводилась фраза, мол, этот дурак не имеет никакого представления о балансе сил между НАТО и Варшавским договором. Я припоминаю также, как кто-то дугой заметил, что Рейган продал магазин со всем содержимым, а в придачу — репутацию.

Последнее, что запомнилось мне из увиденного в то утро, была Маргарет Тэтчер, решительно шагающая по направлению к телефонному аппарату, чтобы позвонить Рейгану.

Я не знаю, что было сказано, но закончился разговор между двумя главами держав не на высоких тонах.

БАРОНЕССА ФУКИС

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СПИКЕРА ПАЛАТЫ ОБЩИН с 1992 по 1997 г.

Джанет Фукис была депутатом парламента от Мертона и Мордена с 1970 по 1974 г. и от Плимут-Дрейка с 1974 по 1997 г. Она получила титул кавалерственной дамы Британской империи в 1989 г., а в 1997 г. была возведена в пэры как баронесса Плимутская Фукис.

Искусство возможного

Много лет тому назад, столько, что я уже даже и не стараюсь припомнить сколько именно, я по секрету рассказала о своих политических амбициях моему тогдашнему возлюбленному — хирургу-дантисту. Он отнесся к этой идее довольно прохладно, сказав, что его отец, будучи ведущим доверенным лицом Консервативной партии, знал очень способную молодую женщину, которой Распорядительный комитет его округа отказал в регистрации в качестве кандидата. Как отец, так и сын придерживались мнения, что женщина никогда не сможет добиться больших успехов в политике. Молодая способная женщина, о которой шла речь, была не кем иным, как Маргарет Тэтчер. Поэтому я очень обрадовалась, когда она наконец победила на выборах в Финчли, а вскоре после своего избрания приехала выступить именно в мой округ. Хотя я впоследствии много раз присутствовала при ее выступлениях, это первое выступление навсегда останется в моем представлении как типичный пример целеустремленной энергии, с которой она выкручивала идею до капли. Тема того выступления звучала так: “Политика как искусство возможного”.

ЛОРД ЛЕРВИКСКИЙ ЛАМОНТ

КАНЦЛЕР КАЗНАЧЕЙСТВА с 1990 по 1993 г.

Депутат парламента от Кингстона-на-Темзе с 1972 по 1997 г., Норман Ламонт с 1979 по 1989 г. работал парламентским заместителем министра в Министерстве энергетики, Министерстве торговли и промышленности, Министерстве обороны, а также в Казначействе. В 1989 г. он стал главным секретарем Казначейства в Кабинете Маргарет Тэтчер, а в 1990 г. — канцлером Казначейства и оставался на этом посту до 1993 г. Возведен в пэры в 1997 г. как лорд Лервикский Ламонт.

Победа в споре

Маргарет Тэтчер была одним из величайших премьер-министров мирного времени. Я имел счастье работать в ее правительстве в течение всех одиннадцати лет. Но существует широко распространенное мнение, что Маргарет Тэтчер является довольно-таки грозным коллегой и требовательным Премьер-министром. В то же время она ценила людей, способных с ней поспорить и, каким бы ни был ее стиль, она уважала тех, кто мог убедить ее в своей правоте, выдвинув сильные аргументы. Важно было также не понимать всего сказанного нею буквально.

Мне только однажды удалось победить госпожу Тэтчер в споре. Она как раз вернулась из поездки в Соединенные Штаты, во время которой она сидела в самолете рядом с известным американским киномагнатом. Этому человеку каким-то образом удалось убедить госпожу Тэтчер в том, что Британии следовало бы иметь свой

собственный Голливуд и на государственные средства создать сеть новых киностудий. Госпожа Тэтчер на неформальной встрече объявила об этом мне и группе изумленных министров. Она с серьезным видом высказалась в том плане, что нужно использовать государственные деньги для субсидирования этих киностудий, которые предполагалось разместить в Рейнхем-Маршес, что в графстве Эссекс.

Тщетно я и другие министры указывали на то, что если забрать субсидии из промышленности, это нанесет непоправимый удар по ее правительству, что нет необходимости вкладывать деньги в повышение занятости в Эссексе, где и без того безработица незначительна. Более того, кинопромышленность является странным объектом для субсидирования. И наконец, Рейнхем-Маршес является неподходящим местом для такого строительства, так как для того, чтобы это все работало, потребуются огромные капиталовложения в инфраструктуру.

Я живо помню, как госпожа Тэтчер обернулась в мою сторону, когда я высказал свои возражения, и сказала очень резко: “Вы безнадежны. Вы намеренно все отрицаете. Все, что Вы умеете, — так это твердить “нет”. У Вас нет ни капли воображения, нет конструктивных идей. Если бы Вы были в моем правительстве с 1979 года, я бы ничего не достигла!”

Я был слегка сбит с толку всем этим, но сумел собраться и ответить: “Госпожа Премьер-министр, Вы неизменно бываете правы во многом, но есть один момент, насчет которого Вы ошибаетесь: я был в Вашем правительстве в течение всего времени с 1979 года”.

Госпожа Тэтчер на мгновение сконфузилась, но продолжала настаивать на своих аргументах. Встреча закончилась тем, что мы сказали, что если она хочет претворить в жизнь эту идею, то конечно же мы сделаем все, что нужно, но мы с этим не согласны.

Сорок восемь часов спустя мне позвонили из ее личного офиса и сказали, что она передумала и что мы не должны заниматься воплощением в жизнь этой идеи. Часто случалось, что, если кто-то возражал ей, она в первый момент могла отклонить эти возражения, но все же затем их принимала. Вопреки тому, что утверждали ее критики, она умела слушать и была гибкой.

Другая черта Маргарет Тэтчер состояла в том, что она была необыкновенно чуткой к тем, кто с ней работал. Она действи-

тельно беспокоилась о них и их семьях. Менеджер “Смитсона”, магазина канцтоваров на Бонд-стрит, как-то сказал мне, что главным покупателем открыток была госпожа Тэтчер. Действительно, она часто посылала маленькие, написанные от руки записки с соболезнованиями или поздравлениями по тому или иному поводу. У меня есть несколько таких записок от нее. Я абсолютно уверен в том, что госпожа Тэтчер не раз совершала добрые дела, которые остались неизвестными широкой общественности, поскольку она просто об этом никому не сказала, и знают о них только те, кому они были адресованы.

У госпожи Тэтчер очень сильно развито чувство потребности выполнять обязательства, которые взял на себя кто-либо из окружения. Как-то Консервативная ассоциация Кингстона, членом которой я являюсь, попросила мужа Премьер-министра Дэниса выступить на приеме в Банкетном зале Клуба регби в Твикенхеме. В субботу после обеда я был дома и, сидя в кресле, читал газету, когда зазвонил телефон и чей-то голос сказал: “К Вам Премьер-министр”. После этого к телефону подошла госпожа Тэтчер и сказала: “У Дэниса растяжение мышц спины, и он не может поехать в Кингстон сегодня вечером”.

Я ответил: “Хорошо, госпожа Премьер-министр, большое спасибо, что позвонили, это очень мило с Вашей стороны, что Вы мне об этом сообщили, и я совершенно уверен, что все поймут...”

Премьер-министр продолжала: “Нет, нет, Вы меня не так поняли. Я приеду вместо него”.

Я отвечал: “Госпожа Премьер-министр, Вы исключительно добры, но в этом действительно нет никакой необходимости, так как все поймут, что Дэнис себя плохо чувствует”. Я был довольно-таки сильно обескуражен, так как мне казалось, что это недостаточно серьезное мероприятие для Премьер-министра. Кое-кто будет чувствовать себя неловко, ведь они не знали, что приедет она. Я также беспокоился, что у нас недостаточно времени, чтобы обеспечить необходимую безопасность и уладить другие сложности, которые возникнут из-за неожиданного приезда Премьер-министра. Но Маргарет настаивала: “Мы всегда выполняем наши обещания, и я приеду”. И она действительно приехала. Она заменила Дэниса на приеме и, конечно же, вечер прошел очень успешно.

СЭР КРИСТОФЕР ЛОУСОН

ДИРЕКТОР ПО МАРКЕТИНГУ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОФИСА
 КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ с 1981 по 1987 г.

Сэр Кристофер Лоусон является консультантом по вопросам менеджмента. Сделав карьеру в сфере маркетинга в компании "Марс", он поступил на работу в центральный офис Консервативной партии с целью внедрения современных маркетинговых технологий в методы проведения кампаний партии.

Забота о других

Нетрудно понять, что многие люди думают об одном из наших величайших Премьер-министров просто как о целеустремленном, жестком политике, что связано с тем, что она полностью отдавала себя поставленной задаче. У меня о ней совсем другие воспоминания. Я много раз видел, как она заботилась о других в такие минуты, когда сама нуждалась в заботе. В особенности это проявилось, когда она беспокоилась о других после взрыва бомбы в Брайтоне.

Я также помню, что в день после оглашения результатов выборов 1983 года, а также после оглашения результатов выборов 1987 года (в обоих случаях это было субботнее утро) я получил письма от нее с благодарностью за мою помощь в кампаниях. Должно быть, она всю ночь писала благодарственные письма!

После выборов 1983 и 1987 годов Премьер-министр давала торжественные приемы на Даунинг-стрит, 10 в честь новых членов парламента. Подразумевалось, что во время этих приемов ее

“персонал” будет вдохновлять новоизбранных членов парламента и напоминать им, что настала пора думать о следующих выборах.

Она обладала исключительной способностью приводить других в восторг и делала это самыми различными способами, благодаря чрезвычайной глубине понимания проблем простых людей.

На приемах на Даунинг-стрит она свободно переходила от одних гостей к другим со словами напутствия, благодарности, поощрения, а иногда и требования. После того, как гости расходились, она, бывало, сбрасывала туфли, выпивала свой первый за вечер бокал и полностью расслаблялась. То была Маргарет Тэтчер, какой большинство людей никогда ее не видели!

Припоминаю, как, находясь в Чекерс в начале 1990 года, я предостерегал Премьер-министра, что она в опасности, и опасность эта исходит из самой партии и что не исключено, что будет поставлено на карту ее пребывание на посту. Прогуливаясь со мной по саду, она сказала, что не беспокоится. Вне сомнений, ее окружение ввело ее в заблуждение, уверив, что все в порядке. История засвидетельствовала, что на самом деле это не соответствовало действительности!

Я считаю, что Маргарет Тэтчер показала миру, что Британия способна и должна перестать быть посмешищем для всего западного мира. В этом она преуспела, и страна в большом долгу перед ней.

Те из нас, кто хорошо помнит “семидесятые”, никогда не забудут тех изменений, которые произошли “за годы Тэтчер”, когда люди смогли вновь гордиться тем, что они называются британцами.

ЛОРД ДОРКИНГСКИЙ БЕЙКЕР

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1985 по 1992 г.

Парламентский заместитель министра в Консервативном правительстве 1970—1974 гг. и первых лет правления Тэтчер, Кеннет Бейкер стал членом Кабинета в 1985 г., заняв пост министра по делам окружающей среды. Затем он стал министром образования и науки, канцлером Герцогства Ланкастерского, а закончил свою министерскую карьеру в 1992 г. как министр внутренних дел. Возведен в пэры как Лорд Доркингский Бейкер в 1997 г.

Содержимое дамской сумочки

В народе премьер-министров помнят по их характерным особенностям. У Дизраэли это был монокль, у Гледстоуна — большая копна седых волос, у Чемберлена — зонтик, у Черчилля — сигара, у Гарольда Уилсона — макинтош, а у Мэгги, наверное, дамская сумочка — она никогда с ней не расставалась, и эта сумочка превратилась в грозное оружие. Когда она стала членом Палаты лордов, появилась карикатура, на которой пэры сгибались в подобострастной позе вокруг пустой передней скамьи, на которой не было ничего, кроме одной дамской сумочки.

Я присутствовал на совещаниях, когда Мэгги “давала ход сумочке” по отношению к коллеге. Но следует заметить, что, говоря по справедливости, данный коллега, как правило, заслуживал этого. Она любила хороший спор и всегда с уважением относилась к людям, способным спорить сильно и отстаивать свою

точку зрения, поскольку они были хорошо знакомы с фактами и досконально изучили свои аргументы. Однако трудно доводилось министру, который проявил легкомыслие или беззаботность — на него обрушивался весь огонь ее презрения.

Но Мэгги использовала свою сумочку не только для этого. В ней, кроме вещей, которые обычно женщины носят в своих сумочках, находились небольшие бумажки. На совещаниях в Кабинете Министров у нее обычно была сводка по рассматриваемому вопросу, подготовленная в офисе Кабинета под руководством секретаря Кабинета. Эта сводка, можете не сомневаться, была тщательно прочитана, вся исчеркана и содержала отметки на каждой странице. Кроме того, у нее обычно была вторая сводка, подготовленная ее политическими советниками, работающими в Группе по разработке политики на Даунинг-стрит, 10, и эта сводка также была тщательно проработана. Сводки приносились к ней в отдельной коробке, и государственные служащие не могли видеть ее содержимого. Она предназначалась для того, чтобы вооружить ее для дебатов, которые возникнут по обсуждаемому вопросу.

Министр, ведущий обсуждение, никогда не имел ни малейшего представления о содержании каждой из этих двух сводок, но он знал, исходя из обсуждения вопроса на более ранних стадиях, о том, каково было ее мнение. Ее стиль отличался от стиля Джона Мейджора, который ходил вокруг стола, собирая голоса, а потом присоединялся к тому мнению, на стороне которого было большинство. Мэгги знала, чего она хотела, но в некоторых случаях она не могла добиться своего.

Когда Мэгги была решительно против, а спор склонялся не в ее пользу, она брала свою сумочку, клала ее на стол зала заседаний Кабинета, медленно и сосредоточенно открывала ее и извлекала оттуда бумажку, изрядно потертую и помятую. Это была информация, появившаяся бог весть от кого — от друга ли или кого-то, позвонившего ей и имеющего особое мнение по обсуждаемому вопросу. Что там сообщалось, предсказать было невозможно, иногда имевшаяся там информация помогала прояснить ситуацию, иногда служила предзнаменованием, подчас проливая интересный новый свет, а нередко содержала просто ничего не стоящие сплетни. Всякий раз, когда она вытаскивала такой кло-

чок бумаги, секретарь Кабинета бледнел, а министр поднимал глаза к потолку, предчувствуя, что вот-вот будет повержен.

Когда я был министром образования, то выяснил, что одним из тех, кто просвещал Мэгги, был ее парикмахер. У него был ребенок, посещавший одну из лондонских общеобразовательных школ, и когда парикмахер приходил делать Премьер-министру прическу, она выслушивала истории о проблемах, с которыми сталкивался этот ребенок. И Премьер-министр говорила мне и другим коллегам, что нужно сделать еще то-то и то-то.

Дискуссии в Кабинете всегда непредсказуемы, и многие министры проклинали содержимое этой злосчастной голубой сумочки.

Приведенный ниже отрывок взят из мемуаров Кеннета Бейкера "Бурные годы", опубликованных издательством "Фабер энд Фабер" в 1993 году.

Ранним утром 22 ноября 1990 года мне позвонил Эндрю Тернбалл с Даунинг-стрит, 10, и сказал, что Премьер-министр решила уйти в отставку. Великий лидер нашей страны, величайший Премьер-министр был повержен в результате коллективной потери самообладания ее коллегами. То был конец целой эпохи и конец величайшего Премьер-министра.

Когда я прибыл на Даунинг-стрит, 10, то нашел своих коллег по Кабинету ожидающими под дверями зала заседаний Кабинета в траурном и неловком безмолвии; не все могли смотреть в глаза друг другу. Премьер-министр спустилась по лестнице в начале десятого и с опущенной головой одна вошла в зал заседаний. Через несколько минут после этого нас пригласили занять свои места. У Маргарет были красные глаза, и было заметно, что она очень напряжена. Она сказала, что перед началом формальной работы Кабинета она хочет прояснить свою позицию, и принялась читать бумагу, лежащую перед ней, но когда дочитала до места, где было сказано "после широких консультаций с коллегами", то запнулась и не смогла продолжать. Слова сжали ей горло, и она утерла слезы с глаз. Прерывающимся голосом она начала снова и

вымолвила: “Извините”. Сесил Паркинсон, сидящий через одного от меня, предложил, чтобы заявление прочел Лорд-канцлер. Маргарет вытерла нос, покачала головой и продолжала: “Я пришла к выводу, что для единства партии и учитывая перспективы победы на всеобщих выборах, — тут она снова сделала паузу, так как слова душили ее, но продолжила, — будет лучше, если я уступлю свое место и позволю коллегам по Кабинету начать голосование для избрания лидера. Я хотела бы поблагодарить всех членов Кабинета и других людей, оказывавших мне столь убедительную поддержку”.

Дэвид Уоддингтон в этот момент вытирал глаза, многие были близки к тому, чтобы расплакаться. Некоторые, хотя и не подавали виду, наверняка, почувствовали облегчение. Но никто из сидящих вокруг стола в зале заседаний Кабинета, не мог предвидеть, что мы станем свидетелями такой сцены. Маргарет продолжала: “Жизненно важно, чтобы мы держались вместе. Единство партии — это самое важное, и поэтому я уйду. Я не перенесу, если все, за что я боролась в течение одиннадцати прошедших лет, будет отброшено. Кабинет должен объединиться, чтобы остановить Майкла Хезелтайна”.

Маргарет медленно обретала свое хладнокровие. Это была трогательная сцена. Никогда ранее она не теряла самообладания перед своими коллегами. Но в конечном счете она была живым человеком, из плоти и крови, а не холодным бесчувственным автоматом, каким ее часто представляли. Потом Лорд-канцлер Джеймс Маккей прочитал пассаж, подготовленный для него Робинсом Батлером, секретарем Кабинета, в котором Кабинет отдавал должное тому, как Маргарет руководила страной.

Я сказал: “Как председатель партии хочу сказать, что Вы всегда пользовались любовью и лояльностью партии, и навсегда их сохраните. Вам принадлежит особое место в сердце партии. Вы трижды приводили нас к победе и сделали бы это и в следующий раз”. “Как один из старейших министров Кабинета, — добавил я, — хочу заверить, что те, кто служил Вам, осознают, что им посчастливилось работать с Великим человеком”. Затем Дуглас Херд сказал, что хотел бы особо отметить то, как Маргарет держалась на Парижской конференции в последние три дня,

в особенности учитывая, что она испытывала давление в связи с выборами партийного лидера.

После этого мы перешли к другим делам, работе Палаты и так далее. Когда мы дошли до вопроса о внешних делах, Маргарет с воодушевлением сделала очень подробный и продолжительный отчет о своих переговорах с Горбачевым и Бушем. Видно было, что она опять принималась за дело. Но под конец заседания я видел, что на ее глаза снова наворачиваются слезы.

Нас всех пригласили остаться на кофе, и мы пили его, сидя вокруг стола в зале заседаний Кабинета. Мы говорили о будущем. Маргарет очень хотела и настаивала на том, чтобы ее сменил на посту один из членов Кабинета. "Полагаю, что Кабинет должен сделать все, чтобы добиться этого. Вам предстоит много поработать".

Во время заседания я передал Дугласу Херду записку с вопросом, пришли ли они с Джоном к какому-либо решению по поводу кандидатуры. Я предполагал, что за последние двадцать четыре часа они должны были переговорить на этот счет и прийти к какому-то соглашению. В ответной записке Дуглас сообщил, что они собираются сделать совместное заявление о том, что они очень тесно сотрудничали и будут сотрудничать в будущем, но, учитывая все обстоятельства, для единства партии лучше всего будет, если они оба пойдут на следующее голосование. Это будет товарищеское соревнование. Дуглас тотчас же написал проект этого заявления и передал его мне. Оно было безукоризненно и составлено мастерски. Дуглас обладает большим даром составлять элегантные заявления в нужную минуту. Норман Ламонт, который в течение некоторого времени занимался продвижением кандидатуры Джона — фактически всего лишь двадцатью четырьмя часами ранее он начал обсуждение этого вопроса с Сесилом Паркинсоном — теперь мог открыто стать руководителем кампании Джона. Мне было ясно, что, несмотря на то, что главные действующие лица это отрицали, два лагеря должны были уже проделать значительную подготовительную работу, чтобы вывести на боевые порядки команды, которые займутся избирательными кампаниями претендентов.

Сесил отнесся к ситуации довольно скептически. Он сказал, что кампании не принесут никаких результатов, если соревную-

щиеся собираются по-дружески относиться друг к другу. “Если они намерены относиться по-дружески, то стоит ли трудиться голосовать за них?”

В перерыве заседания я сказал Сесилу и Дугласу, что как председатель партии я хотел бы сделать заявление перед камерами вне стен Даунинг-стрит, 10, от лица Кабинета. Покинув зал заседаний, я набросал кое-что, а затем вышел к многочисленным камерам перед центральным входом на Даунинг-стрит, 10, и сказал: “Это был типичный мужественный и самоотверженный поступок Премьер-министра. Маргарет Тэтчер еще раз поставила интересы партии выше собственных соображений. Это позволит партии избрать нового лидера, который ее объединит и будет опираться на огромные успехи Маргарет Тэтчер. Если мне позволено будет добавить пару слов от себя, то я хотел бы заметить, что мне очень жаль, что наш величайший за все мирное время Премьер-министр оставил правительство. Она была выдающимся руководителем, выдающимся лидером не только нашей страны, но и всего мира. Не думаю, что у нас еще когда-либо будет такой лидер, как она”.

Я был глубоко взволнован событиями, свидетелем которых только что был. В зале заседаний Кабинета я сам чуть не расплакался. Вначале я относился к Маргарет прохладно, но с годами стал ею восхищаться. Некоторые черты ее характера были не особенно привлекательными. Как Премьер-министр она была властной, самоуверенной, раздражающе упрямой, в ней странным образом сочетались широкие взгляды и узкие предубеждения. Но Маргарет обладала также силой характера, которая делала ее прирожденным лидером. Она была патриоткой, ставящей на первое место интересы Британии. Она четко понимала, что необходимо спасти Британию от экономического и институционального краха. Ни один Премьер-министр, из тех кого я знал со времен войны, не смог бы справиться с жестким бюджетом 1981 года, углубившим спад, который в то время испытывала Британия. Именно этот бюджет оказался фундаментом для процветания в середине и конце 80-х. Ни один известный мне Премьер-министр не отважился бы начать наступательные действия на море и на суше на расстоянии 8 тысяч миль для того, чтобы защитить независимость ма-

ленькой группы колониальных островов. Ни один Премьер-министр со времен войны не смог бы противостоять шахтерской забастовке в течение целого года. И ни один Премьер-министр послевоенного времени не смог бы уменьшить власть организованных в профсоюзы рабочих так, как это сделала Маргарет.

АЛЕКСАНДР ХЕЙГ

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ОБЪЕДИНЕННЫМИ
СИЛАМИ НАТО В ЕВРОПЕ с 1974 по 1979 г.

Генерал Александр М. Хейг-младший является председателем принадлежащей ему международной консалтинговой фирмы. Он был начальником штаба при Президенте Ричарде Никсоне, Верховным главнокомандующим объединенными силами НАТО в Европе и первым Госсекретарем Президента Рональда Рейгана.

Гигант среди лидеров

Маргарет Тэтчер является гигантом среди современных мировых лидеров. Она человек убеждений, отваги и принципов.

Впервые я встретился с ней в середине 70-х, когда служил Верховным главнокомандующим объединенными силами НАТО в Европе (ВГОСЕ). Припоминаю, как один из ведущих политических консервативных лидеров Великобритании побуждал меня встретиться с женщиной-консерватором, которая дерзала надеяться стать следующим Премьер-министром Великобритании. Он убеждал меня встретиться с ней в Брюсселе и проинформировать ее о ситуации в сфере европейской безопасности, добавив, что колодец ее знаний в этих вопросах не отличается глубиной. Этот человек занимал такой пост, что я не мог ему отказать, и, проведя примерно час с этой привлекательной, блистательной, и полной энтузиазма женщиной, подающей большие надежды в политике, я вынес с этой встречи впечатление, что оценка моего знакомого

в отношении ее осведомленности по вопросам европейской безопасности соответствовала действительности.

В следующий раз я увидел Маргарет Тэтчер шесть или восемь месяцев спустя, когда она была выдвинута кандидатом от Консервативной партии. За короткий период между двумя нашими с ней встречами она приобрела такие обширные знания по военным вопросам, которые соответствовали уровню профессионала, много лет занимающегося вопросами европейской безопасности. В течение всего остального времени моего пребывания на посту ВГОСЕ, я неоднократно встречался с Премьер-министром и постоянно испытывал благоговение перед ее военной и геополитической проницательностью.

Несколько лет спустя, когда я уже занимал пост 59-го Государственного секретаря США, мне довелось видеть Маргарет Тэтчер в ситуациях, когда на карту были поставлены жизненные интересы обеих наших достойных уважения наций. Возможно, самая сложная из таких ситуаций возникла в конце моего пребывания на службе в кабинете Рональда Рейгана, во время фолклендской войны. В своей первой книге "Предостережение: реализм, Рейган и внешняя политика" я описал эту замечательную женщину в таких словах:

"На Фолклендах Великобритания принесла Западу великую победу. Я не имею в виду разгром аргентинских войск британскими. Каждый погибший на той или другой стороне является потерей для свободного мира. Британское оружие одержало победу, но главное, что восторжествовал принцип. Воля запада подверглась испытанию и выдержала его. Удалось отстоять принцип господства права. Свобода далекого народа была сохранена. За это свободный мир должен благодарить Британские вооруженные силы и госпожу Тэтчер, которая была наиболее сильным, прозорливым и дальновидным участником этой игры. Во времена острых национальных кризисов лидерам нередко приходится выслушивать советы, противоречащие их внутренним убеждениям. Им навязывают более легкие, чем правильный курс, пути. Только тот лидер, который, зная, в чем состоят истинные интересы нации, противостоит таким советам и остается верен своим принципам, заслуживает право называться государственным деятелем. Маргарет Тэтчер принадлежит к числу таких лидеров".

СЭР ДЭВИД СТИЛ

ЛИДЕР ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ с 1976 по 1987 г.

Сэр Дэвид Стил был лидером Либеральной партии в течение почти всего премьерства Маргарет Тэтчер. Он привел партию к союзу, а затем и слиянию с Социал-демократической партией, став отцом-основателем Либерально-демократической партии. В настоящее время сэр Дэвид является председателем Шотландского парламента.

Противоречивые воспоминания

У меня есть два противоречивых воспоминания о Маргарет Тэтчер. Первое относится к общественной жизни — ее резкие, бескомпромиссные битвы на Днях правительства в Палате общин, в особенности ее запомнившееся (хоть довольно-таки лестное) замечание в мой адрес: “Дайте мне сказать этому молодому человеку...”

Второе — личное. Как-то, когда в очередной раз она чувствовала себя обязанной пригласить меня как лидера Либеральной партии на Даунинг-стрит, 10, на обед в честь высокого иностранного гостя (мы всегда в таких случаях демонстрировали свою многопартийную демократию), моя жена болела гриппом и не могла приехать из Шотландии. Маргарет Тэтчер написала мне: “Как жаль, что, как мне сказали, Джуди заболела. Я не хочу, чтобы Вы чувствовали себя одиноко и устроила так, чтобы Кэрол присоединилась к нам в качестве Вашего партнера во время обеда”. Неподдельно чуткий и доброжелательный жест.

ЭДВАРД ПИРС

ПИСАТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ

До недавнего времени ведущий рубрики в "Скотсмен" и бывший автор зарисовок о жизни Палаты общин в "Дейли Телеграф", Эдвард Пирс является автором девяти книг, включая "Дети Макиавелли", "Утерянные лидеры" и "Направления крайнего сопротивления". В настоящее время он работает над официальной биографией Дэниса Хилея.

Не афишируемая доброта и вспышки на людях

В отличие от большинства других авторов воспоминаний, вошедших в эту книгу, я не являюсь поклонником Леди — слишком негибаемой, слишком ограниченной, слишком сильно подверженной предубеждениям, что-то вроде норовистого дикого животного с протестантской этикой. Как это ни странно, она значительно лучше относилась к тем, кого называют неадекватным термином "простые люди", чем к своим коллегам. Как-то был случай со сладким кремом. За обедом в правительственной резиденции очень неопытная и напуганная молодая официантка разлила большое блюдо с заварным кремом на Джеффри Хоу. Вместо того, чтобы бранить ее или хранить суровое молчание, Маргарет обняла девушку и сказала: "Моя дорогая, не нужно плакать. Со всеми такое может случиться". А затем бросила Джеффри Хоу, который тщетно пытался промокнуть свой костюм: "Джеффри! Прекратите создавать такой ажиотаж!"

Не исключено, конечно, что при том, что жертвой оказался Джеффри, которому она не очень симпатизировала, ей очень легко было проявить снисходительность. Но этот случай наглядно демонстрирует ее лучшие стороны и является далеко не единственным примером.

Когда умер ее шофер, она не послала записку с выражением соболезнований, а пошла на похороны лично. В отличие от этого, нынешний режим тори проигнорировал случившуюся в этом году смерть Жилия Шоу, государственного министра, серьезного кандидата на пост спикера и всеобщего любимца. Единственным действительным депутатом парламента на его похоронах в Йоркшире был Тем Делиелл!

Почти все время, что Маргарет Тэтчер была в оппозиции, я имел возможность наблюдать за ней, и она, действительно, скорее мне нравилась. Если бы не политика... Я говорю всерьез. Ее поведение вне политики было, можно сказать, хорошим и милым. Эксцессы наступали, когда начиналась партийная борьба. В конце концов, Нил Киннок не является коммунистом, но Мэгги полагала, что он коммунист, и сказала об этом в Палате общин: "Он марксист, законспирированный коммунист". Замечание было неправдоподобным, но сколь это поучительно. Славная натура и хорошие в обычной жизни манеры исчезали, когда речь касалась политики, но именно в этом и заключался весь смысл, изощренность и пронизательность.

То же самое можно сказать и о той вспышке на телевидении, которая моментально приходит на ум и которой можно объяснить "чушь и распускание нюней о бедных". Одно дело рассудительность, но то была тенденциозная ярость, не связанная с партией, а направленная, скорее, на класс. Вступила ли бы она когда-либо на путь введения подушного налога, который пал столь тяжким бременем на тех, кто распивает пиво в жестяных банках и смотрит футбол, — недостойную часть человечества, — если бы состояние "несения чуши и распускания нюней" не было подземным течением ее собственной жизни? Норовистое дикое животное с протестантской этикой, я же говорил.

Класс был центральным моментом, и не я один это заметил. На семинаре в Дерхеме лет пять назад я перед обедом сформулировал свои взгляды на Маргарет Тэтчер как классового борца.

Алан Кларк, большой ее поклонник, влетел как раз вовремя, чтобы получить то, что он назвал бы “пудингом”, после чего и выдвинул такой тезис: “Говорить о теории либерального рынка — это, конечно же, полный вздор. О чем Маргарет все время толкует — это классовая война”.

Я ничего не имею против свирепости. Там, где Блэр раболепствует, она бьет, и когда она это сделает, вы порой оказываетесь на другом конце телескопа, все одобряя!

Я присутствовал на обеде в ее честь в 1985 году, когда Чарльз Мур нападал на новый англо-ирландский договор — “реванш Роберта Армстронга”, как некоторые из нас его окрестили. “А как насчет протестантов?” — спросил он в странной оранжистской¹ манере, присущей многим английским католикам. Она склонилась над столом и в своей характерной, напористой манере дракона из сказки сказала: “Да, Чарльз, а как насчет католиков?”. Она выслушала великую речь Джона Хьюма еще перед тем, как слушала людей, подобных Армстронгу. В результате вся свирепость, которую она могла не по назначению направить на ненависть к немцам или презрение к безработным, была обращена на достижение скромной справедливости для меньшинства. Это было замечательно.

“Разве я не хороший боец?” — спрашивает Анан Брек. Да, действительно, но даже слишком в случае с Маргарет Тэтчер. Поскольку она начала бороться на своей собственной территории. Когда лидер партии инициирует фракционность, как это сделала она в последние два года пребывания на этом посту и в течение срока пребывания на нем своего преемника, когда она подстрекала “заднескамеечников” голосовать против парламентского организатора партии тори, — это просто губительно. Для главы правительства созывать семинар для того, чтобы коллективно проанализировать характерные промахи явно дружественного соседа, Германии, — значит идти против здравого смысла. И в политике, какими бы ни были радости неистовой убежденности, здравомыслие тоже вещь бесполезная.

Она была “маленькой девочкой с завитком точно посреди лба”. А вы знаете, чем это заканчивается.

¹ Оранжист — член общества, созданного в 1795 г. с целью поддержки протестантизма в Ирландии (прим. переводчика).

НИЛ ГАМИЛЬТОН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ТАТТОНА с 1983 по 1997 г.

Нил Гамильтон был депутатом парламента от Таттона с 1983 г. и до всеобщих выборов 1997 г. Он был членом группы "Нет — возврату назад". В настоящее время Нил Гамильтон является писателем и тележурналистом.

Шутка не прошла

Вопреки популярным мифам, Маргарет вовсе не скучная или ограниченная, к тому же у нее хорошее чувство юмора. Она любит вызывать смех тем, что ведет себя в точном соответствии со своим образом на карикатуре, на которой она пускает в ход сумочку — шутка, которую еще забавнее наблюдать, если тот, с кем ее проделывают, думает, что это всерьез.

Но должен признать, что растолковать ей смысл чужой шутки порой было делом нешуточным, в чем я не раз убеждался на собственной шкуре. После того, как в 1988 году газета "Спектейтор" присвоила мне титул "парламентского острослова года", она сделала меня постоянным "сочинителем острот", задачей которого было добавить немного суфле в пудинг речи Премьер-министра, состоящий только из хлеба и масла.

Это было непростой задачей. Например, в октябре 1989 году я был в Чекерс, где помогал готовить ее выступление для дебатов по поводу речи королевы. Эти ежегодные дебаты касались программы правительства на следующий год, но организационно они начинаются с предложения зачитать "лояльное обращение" к мо-

нархине с выражениями благодарности за “ее милостивую речь”. Правительство выбирает двоих из собственных “заднескамеечников”, которым предоставляется честь — одному сделать, а второму — поддержать предложение. Первым из них обычно является дружелюбный старикашка с давно просроченным сроком реализации, а вторым — елейный молодой человек в процессе становления. Сразу же после них выступает Премьер-министр, который должен излить на них ливень комплиментов прежде, чем перейти к серьезным делам.

В 1989 году вторым из выступающих должен был быть добродушный молодой человек Джереми Хенли, в то время консервативный депутат парламента от Ричмонда-на-Темзе. Дипломированный бухгалтер по образованию, он был членом МЕНСА — клуба для очень мозговитых. Но происхождения он был театрального: его мать Дина Шеридан была звездой сцены и экрана, а отец Джимми Хенли — известным комиком. Джереми и сам был великолепным и занятым рассказчиком, и можно было рассчитывать, что его реакция будет адекватной.

Что Маргарет могла сказать о нем? Я предложил мягкую остроту, в которой сочетались намеки на его ум и добродушие: “Он очень умный и занятый, но никогда не позволяет своим мозгам надолго захватывать его голову”. Мне шутка казалась вполне очевидной, но Маргарет, увы, — нет, она вспыхнула: “Я никогда не скажу этого! Если его мозги не находятся в голове, то что же люди подумают — где они должны быть?” Мы некоторое время пытались разобраться в трудной для понимания метафизике юмора, но, как я ни старался, не мог достичь цели — она была уверена, что все подумают, что она намекает на то, что мозги у него в заду!

КРИСТИН ГАМИЛЬТОН

ПИСАТЕЛЬНИЦА, ТЕЛЕ- И РАДИОЖУРНАЛИСТКА,
ЧЛЕН ДВИЖЕНИЯ "БЭТЛЭКС"¹

Жена Нила Гамильтона, бывшего депутата парламента — тори, Кристин Гамильтон впервые обратила на себя внимание общественности, когда во время всеобщих выборов 1997 г. энергично выступила в поддержку своего мужа. Она сумела сыграть на своем имидже, написав "Книгу британских бэтлэкс" для издательства "Робсон букс", а теперь работает теле- и радиоведущей.

Любовь к шоколаду

Во время всеобщих выборов 1992 года Маргарет приехала в Нутсфорд, чтобы выступить на собрании в поддержку Нила, и прибыла заранее — мы пригласили ее к себе домой на ужин. Это был волнующий день. Перед этим она совершала прогулку для неформального общения с избирателями в поддержку Тони Фавелла, во время которой была атакована, к счастью, всего лишь букетом нарциссов. Маргарет, конечно же, продолжила прогулку в высшей степени невозмутимо, но обслуживающий персонал был, естественно, обеспокоен нарушением безопасности.

По прибытии к нам все воспоминания о нарциссах уже испарились, и она поспешно вошла в парадную дверь, неохотно наступая на непорочно новый красный ковер (мы его специально рас-

¹ Бэтлэкс (в пер. с англ. Battleaxe — бьющий молот) — британское женское движение (прим. переводчика).

катали по такому случаю), вопрошая: “Каковы показатели торговли? Каковы показатели торговли?”

Она прошла в гостиную, где Ник указал ей на кресло. Рядом с этим креслом у нас была старательно установлена картонная фигура Маргарет, которую я приобрела на Карнаби-стрит еще в середине 70-х и которая, как правило, восседала в нашем холле для отпугивания воров (вполне успешно!). Забавно было наблюдать настоящую трехмерную Маргарет, сидящую рядом со своей двухмерной копией, но она делала вид, что этого не замечает, возможно думая, что тут нет ничего необычного и подобное украшение должно быть в каждом доме!

Когда мы вошли в столовую, там среди множества сладостей, которые мы в своем хозяйстве относили к категории “запрещенных и подконтрольных материй”, был великолепный, богатый торт из темного шоколада, любовно созданный мною. Я знала, что, хотя шоколад был среди излюбленных яств Маргарет, она отказалась от него в связи с Великим постом. Поэтому я полагала, что она не согласится попробовать предлагаемый деликатес и предпочтет фруктовый салат. Ничего подобного! Она взяла самый большой кусок и быстро, со смаком расправилась с ним. Когда я несмело выразила свое удивление, она ответила менторским тоном мнимого строгого упрека: “Я отказалась от шоколадных БАТОНЧИКОВ, а это — совсем другое дело!”

Торт принес желанный результат — на собрании она приложила все усилия, благодаря чему захватывающе, зрелищно выступала более часа, ни разу не заглянув в бумажку.

СЭР МАРК ЛЕННОКС-БОЙД

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР
с 1988 по 1990 г.

Депутат парламента от Моркамбла и Лунесдейла с 1979 по 1997 г., сэр Марк Леннокс-Бойд был парламентским личным секретарем Премьер-министра с 1988 по 1990 г., после чего он занял пост парламентского заместителя министра внешних дел и министра по делам Содружества.

Стряпанье для Дэниса

Все, кто знает Маргарет, всегда очень высоко оценивают то, с каким чрезвычайным старанием она заботилась о тех, кто с ней работает, и, конечно же, о своей семье.

Несмотря на свою репутацию трудоголика, Маргарет часто сильно уставала, и в обязанности ее парламентского личного секретаря, помимо прочего, входило следить за тем, чтобы она экономно расходовала энергию. Я хорошо помню один инцидент, который поначалу поставил меня в тупик. У нее на пятницу после обеда была назначена встреча с полицией Темз-веллей, а потом на позднее утро субботы — еще одна встреча в Чекерс. Совершенно очевидно было, что следует спланировать так: после встречи с полицией поехать в Чекерс и там заночевать. Однако как-то в начале недели она заявила, что собирается вернуться на Даунинг-стрит, 10 вечером в пятницу, чтобы спокойно поужинать и поработать, а с утра в субботу ее нужно отвезти в Чекерс. Это было сказано, как обычно, четко и твердо, но никакого разъясне-

ния относительно того, почему она хочет провести без всякой надобности лишних два часа в машине, к тому же в час пик, не последовало. Я попросил объяснить, и она поняла, что должна это сделать, если не хочет потерять доверие нескольких лиц, присутствовавших при разговоре. “Видите ли, у Дэниса в пятницу обед в Лондоне, и я хочу вернуться на Даунинг-стрит, 10 с ним, поскольку он любит по субботам завтракать яйцами с беконом, а дома не будет никого, кроме меня, кто мог бы приготовить ему этот завтрак”. Я не помню, смогли ли мы привезти Дэниса в Чекерс после его пятничного обеда, но очень надеюсь, что смогли.

МАЙКЛ ДОББС

РОМАНИСТ, ТЕЛЕ- И РАДИОЖУРНАЛИСТ

Бывший шеф аппарата и заместитель председателя Консервативной партии, Майкл Доббс приобрел наибольшую известность как автор трилогии политических романов под общим названием "Палата карт". Его последний роман "Шепот предательства" опубликован издательством "Харпер Коллинс".

Падение и взлет Палаты карт

Они сеют семена своего собственного краха, даже самые великие из них. Так случилось и с Маргарет.

Было 4 июля 1987 года, ровно за неделю до триумфа на выборах, который вернул ее на Даунинг-стрит, 10 в рекордный, третий раз. Ее победа была беспрецедентной, и ей суждено было стать последней.

Я был шефом аппарата Консервативной партии и в этот роковой день сидел в своем клаустрофобическом кабинете в центральном офисе Консервативной партии. Когда я был назначен на свой пост, Норман Теббит, председатель партии, сказал мне, чего следует опасаться: "В каждой войне наступает момент, когда генералы требуют вывести кого-то во двор, поставить к стенке и расстрелять. Ваша задача состоит в том, чтобы найти это тело. Или стать этим телом". Я думал, что он шутит.

Социологический опрос, проведенный накануне вечером, показал тревожное сокращение числа сторонников тори. Результаты этого опроса указывали на то, что у нас начинались неприятности,

но вся остальная информация свидетельствовала, что мы должны победить и победить с большим перевесом.

Данный опрос выбивался из общего ряда.

Но это не остановило панику. Маргарет проводила в соседнем с моим кабинете совещание с Норманом, Дэвидом Янгом, Уилли Уайтлоу и Стивеном Шербурном. Неожиданно в комнату влетел Джон Уэйкхем и потребовал рекламное объявление для прессы, которое предполагалось опубликовать на следующий день. Я не отвечал за это объявление, просто его оставили в моем кабинете из соображений безопасности. Я протянул макеты Джону, но он отрицательно покачал головой и сказал: "Я туда без тебя не вернусь".

Поэтому я взял макеты и вошел в тот кабинет. Будь Джон добр ко мне, он предложил бы мне повязку на глаза. Настал момент, когда кто-то должен был встать к стенке.

Последующие минуты, известные в последствии как "шаткий четверг", врезались в мою память, но я не буду сообщать здесь о кровавых и неприятных деталях, скажу лишь, что, хотя имевшая место конфронтация внешне увязывалась с объявлением, на самом деле речь шла о власти, доступе к ней и интригах. Потому что двор "королевы Маргарет" превратился в византийский лабиринт пересекающихся тайных пружин и коварных помощников. Маргарет достигла вершины своей власти, и казалось, что каждый хочет получить свой собственный кусок от нее.

И в этом соль всей этой истории. Она была на вершине своей власти. Она могла говорить напыщенно и раздраженно до бессвязности (и именно так и делала в те минуты); я чувствовал себя так, будто бы она вlepила мне затрецину своей сумочкой. Уилли Уайтлоу глядел на меня своими рыбьими глазами с сочувствием, один лишь Норман Теббит пытался спорить с ней, обуздать ее и направить в более безопасное русло. Но это не принесло никаких плодов. Работая на нее более десяти лет, я видел ее в триумфе, терпящей боль, видел в слезах, но никогда не наблюдал в таком состоянии.

Она была Лидером, одним из величайших лидеров столетия, и вот-вот должна была одержать еще одну историческую победу. Разве только она сама в этом сомневалась.

Когда мы вышли после совещания, нас била дрожь. Я шел рядом с Уилли Уайтлоу, — этой мудрой и часто недооцениваемой птицей, — и он сказал такое, чему суждено было изменить мою жизнь. “Эта женщина никогда больше не будет бороться на выборах”, — пробормотал он.

Это предположение казалось абсурдным. Она оседлала мир. Тем не менее, тремя неделями позже я сидел около бассейна в Гозо, и эта мысль все еще не давала мне покоя. Я все время размышлял об этом. Они никогда не знают, когда уходить, эти великие лидеры. Им всем нужно, чтобы их толкали, выпихивали, вытаскивали с их поста: Ллойд Джордж, и Черчилль, и Тэтчер тоже. Я понял, что Уилли был прав.

Она утратила способность воспринимать и потеряла терпение, которыми так успешно руководствовалась в течение трудных лет, когда возрождала партию из руин и направляла ее на курс, преобразовавший страну. Именно ее личный стиль, а не вопросы принципов или политики, в конце концов оттолкнул от нее даже многих ближайших союзников. Она стала политическим Чернобылем, от которого столь многие вынуждены были дистанцироваться.

Понимание этого изменило мою жизнь. Я сел в кресло у бассейна и начал работать над романом о крушении Премьер-министра. Я назвал его “Палата карт”.

Как многих античных богов, ее не могли свергнуть простые смертные. Только она сама могла свергнуть себя. О, но пока все было хорошо, разве не великолепной она была!

СЭР РИЧАРД НИДХЕМ

КОНСЕРВАТОР, ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА с 1979 по 1997 г.

Ричард Нидхем начал работать в правительстве Тэтчер в качестве парламентского заместителя министра Министерства по делам Северной Ирландии и проработал до 1992 г. С 1992 по 1995 г. он был министром торговли в Министерстве торговли и промышленности. Предлагаемый отрывок взят из его мемуаров, озаглавленных "Борьба за мир", опубликованных издательством "Блекстафф" в 1998 г.

Приглашенный

За семь лет, что я занимал пост в правительстве Маргарет Тэтчер, я только дважды был приглашен на мероприятия, на которых она присутствовала. В первый раз это было общее собрание всех парламентских личных секретарей в офисе парламентских партийных организаторов на Даунинг-стрит, 10. Все изощрялись в лести, пытаясь, часто тщетно за отведенные тридцать секунд произвести впечатление на Премьер-министра и продемонстрировать, что они обладают более блестящими талантами, чем их коллеги. Парламентские партийные организаторы стояли вдоль задней стены зала, все замечая и деланно улыбаясь.

Во второй раз я был приглашен на ленч на Даунинг-стрит, 10 в начале 1988 года. К тому времени я был министром уже два с половиной года. Нас было восьмеро, включая лорда Янга, Уилли Уайтлоу, Айэна Стюарта, Колина Мойнихема и Эдвину Кьюрри. Премьер-министр начала с атаки на Айэна Стюарта: "Что Вы

делаете для того, чтобы сократить расходы оборонного ведомства?», — потребовала отчета она. Его попытка дать объяснение была прервана на полуслове, и оружие было обращено на Эдвину Кьюрри. Эдвина была слеплена из крутого теста и смогла защитить свои позиции. Тогда Премьер-министр повернулась к Колину Мойнихему: “Зачем нам нужен министр спорта”, — вопрошала она. “Чтобы справиться с допинговыми препаратами”, — отвечал он. Ответ поставил ее в тупик. “Объясните”, — проскрежетала она. “Ну, как Вы, госпожа Премьер-министр, знаете, в спорте употребляют допинг. Когда есть руководящие органы, которые нуждаются в государственных средствах или субсидиях, мы можем настаивать на создании внутреннего регламента и процедур, которые будут препятствовать приему допинга. У нас уже есть большие успехи, особенно в такой области, как атлетика, но самой большой проблемой является бильярд”. “Бильярд? — переспросила она. — Эта ужасная игра, где все курят и пьют и которую Дэнис смотрит у нас в квартире до поздней ночи? Какое отношение к ней имеют эти препараты?” “Там используют бета-блокаторы, госпожа Премьер-министр. Они замедляют сердцебиение, и игрок не испытывает толчка, когда бьет по шару”. “Я никогда не слышала о них”, — заметила она. “В таком случае никто из собравшихся за этим столом никогда в них не будет нуждаться, не так ли, Уилли?” Уилли сощурился и, подсовывая свою коробочку с лекарствами под носовой платок, низким голосом сказал: “Конечно же нет, госпожа Премьер-министр!”

САЛЛИ ПАЙПС

ПРЕЗИДЕНТ ТИХООКЕАНСКОГО ИНСТИТУТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, САН-ФРАНЦИСКО

Салли Пайпс является президентом и главным исполнительным директором Тихоокеанского научно-исследовательского института. Прежде чем занять этот пост, она работала заместителем директора Фрейзеровского института в Ванкувере, Канада.

Повернувшая течение вспять

“Буэнос-Айрес, отступи!” Этот заголовок статьи, позаимствованный из “Эвиты”, появился в “Лос-Анджелес Таймс”, когда Маргарет Тэтчер послала флот, чтобы отобрать Фолкленды у аргентинских деспотов, полагавших, что, острова принадлежат им, коль скоро они их захватили. Увешанная наградами хунта исходила из того, что британский лидер — женщина будет еще в большей степени склонна идти на уступки и капитулировать перед лицом агрессии, чем ее предшественники — мужчины. Как говорят здесь, в Америке, они “не на ту нарвались”. Они не знали, с кем имеют дело. Однако вскоре узнали, что это далеко не Эвита Перон.

Вооруженные силы Маргарет Тэтчер быстро добились капитуляции и вернули территорию. Победа не только укрепила ее международные позиции, поскольку агрессоры во всем мире получили предостережение, но способствовала свержению военных правителей Аргентины и открыла нации дорогу к свободным вы-

борам. Если бы она уступила им, как настаивало капитулянтское лобби, они все еще оставались бы у власти, и Фолклендские острова стали бы Мальвинскими. Но Маргарет Тэтчер не любила уступать, и та же решительность, за которую Михаил Горбачев окрестил ее “Железной леди”, сослужила ей службу и на внутреннем фронте, где оппозиция, хоть и не вооруженная ракетами “экзоцет”, была не менее пугающей.

Несмотря на неоднократные предостережения со стороны Ф.А. Хайека, Милтона Фридмана и других, Британия после Второй мировой войны все быстрее двигалась по пути рабства. К тому времени, как госпожа Тэтчер пришла к власти, британское “государство всеобщего благосостояния” раздулось до такой гротескной степени, перекрывая кислород инициативе и убивая рабочие места, что прежде великая нация превратилась в международное посмешище. Профсоюзные боссы, охваченные классовой ненавистью, вышли из-под контроля, как средневековые короли разбойников.

Столкнувшись с этой ситуацией, наиболее серьезной для Британии со времен Второй мировой войны, Маргарет Тэтчер не хотела соглашаться с тем, чтобы, по словам Уильяма Ф. Баклея, стоять поперек истории, отчаянно крича: “Остановись!” Подобно С.С. Льюису, она знала, что если кто движется неправильным путем, то продолжать движение “непрогрессивно”. Нужно повернуть назад. Госпожа Тэтчер знала, что “государство всеобщего благосостояния” должно быть демонтировано и что-то должно быть предложено взамен. Это что-то не должно было быть риторикой, хотя приняв намек Оруэлла, она признавала необходимость утверждения очевидного.

Многие из задач, выполняемых государственным сектором, могут быть решены лучше и дешевле частным сектором. Прозорливость госпожи Тэтчер состояла в том, что это был по-настоящему прогрессивный курс, который британская общественность вскоре одобрила. Когда она вступила в должность в 1979 году, Британия облагала доходы от сбережений 98-процентным налогом, а зарабатываемые доходы — 83-процентным. К концу ее пребывания в должности ставка сократилась до 40 процентов и Совет по ценам и доходам был упразднен. Нация, по ее выраже-

нию, “начала развивать бурную деятельность”, поднимаясь с последних мест до пятого места по процветанию — поразительное выздоровление.

Как человек, выросший в Канаде, где все еще, практически без изменений, правит нянюшка-государство я восхищаюсь ее упорством, в особенности перед лицом враждебно настроенной и предубежденной прессы, которой она протянула руку с легкостью, редкой в наше время. Маргарет Тэтчер никогда не разделяла все еще бытующее мнение о том, что тем, кто относятся к социализму без почтения, не сочувствуют. Она не использовала для политических целей сантименты и никогда не играла в игру, распространенную в Америке, — не старалась показать, что она о людях заботится больше, чем представители оппозиции. Она знала, что по-настоящему важны результаты, а не риторика, и что политика упорядоченной свободы улучшит судьбы всех. Перед лицом взбешенной оппозиции она держалась до конца.

Ее нисколько не беспокоило что, несмотря на огромные достижения, достигнутые вопреки скромному началу, феминисты отказались включить ее в почетные списки своих героев. Таким образом они проявили то, о чем леди Тэтчер знала и без того: феминизм является женским вспомогательным инструментом социализма. Хотя она начинала скромно, ей не нужен был феминизм для того, чтобы добиться того, чего она достигла, и ее победы подорвали догму феминизма, согласно которой западные демократии являются патриархатами, притесняющими женщин. Но феминистки — критики госпожи Тэтчер — показали также, что они не правомочны говорить от имени всех женщин.

Идеи, отстаиваемые Маргарет Тэтчер, — идеи упорядоченной свободы, господства права, приватизации, — продолжают жить в принципах рынка. Тихоокеанский исследовательский институт является одним из тех учреждений, которые продолжают нести это знамя. Большинство мировых лидеров отклонили бы приглашение участвовать в работе “мозгового центра” в Сан-Франциско, но леди Тэтчер показала, что она не такая, как другие лидеры.

Она приняла приглашение выступить на обеде в честь 20-летия Института и сказала, что считает за честь выступить перед

сотрудниками Института, пропагандирующего идею свободы при ограниченном вмешательстве правительства. Однако все мы знали, что на самом деле это была честь для нас. Разум и мудрость леди Тэтчер рассеяли карикатурный образ, созданный средствами массовой информации, и она доказала, что все такая же. Во время марафона вопросов и ответов она дала умелые и детальные ответы на широкий круг вопросов, от налогов до противоракетной обороны. “Я никогда не впадала в летаргию, когда речь шла о противоракетной обороне”, — сказала она, демонстрируя знакомый апломб, характерный для ее выступлений в Палате общин. Она легко покорила аудиторию, а на заданный под занавес вопрос, видит ли она на сегодняшней мировой арене тандем, подобный тому, который она сама составляла с господином Рейганом, ответила так: “Сегодня такой пары нет, но надежда не умирает никогда”.

ЛОРД УЭЙКХЕМ

СТАРШИЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ ОРГАНИЗАТОР

с 1983 по 1987 г.

Джон Уэйкхем был депутатом-консерватором парламента от Мелдона и Южного Колчестера с 1974 по 1992 г. Он стал одним из парламентских партийных организаторов в 1979 г. и был назначен Старшим парламентским партийным организатором в 1983 г. В 1987 г. он возглавил Палату общин и был назначен министром энергетики в 1989 г. Возведен в пэры в 1992 г. и занял пост главы Палаты лордов, который оставил в 1994 г.

Помнить о достижениях

Я стал членом Палаты общин в 1974 году, за год до того, как госпожа Тэтчер стала лидером Консервативной партии. И всего через каких-нибудь восемнадцать месяцев после того, как она оставила Даунинг-стрит, 10, я перешел в Палату лордов. Таким образом, весь период моего членства в парламенте прошел под знаком этой потрясающей фигуры — одного из величайших Премьер-министров, который когда-либо был и, возможно, когда-либо будет в Британии.

В этой своевременно изданной книге есть много воспоминаний, которые красноречиво свидетельствуют о тех огромных переменах, которые Маргарет Тэтчер привнесла в британскую политику, постоянно трансформируя страну с экономикой в состоянии упадка в процветающий край, каким она является сегодня, и пре-

вратив нас в нацию людей, впервые обладающих акциями своего собственного предприятия, акциями основных отраслей нашей промышленности, а многих и многих — во владельцев собственности. Немногие, даже среди очернителей Маргарет, могут оспорить этот успех и непреходящие завоевания.

Можно и дальше продолжить этот список, но вместо этого я хотел бы пополнить книгу своими собственными воспоминаниями о самом грустном моменте премьерства Маргарет — ее отставке в ноябре 1990 года.

Те из нас, кто был к ней ближе всего, знали, что Майкл Хезелтайн будет оспаривать ее лидерство, и это стало почти неизбежным, когда Джеффри Хоу выступил со своей известной речью в Палате общин. Уже тогда стало ясно, что вопрос состоит не в том, произойдет ли это вообще, а в том, когда это произойдет.

Я играл незначительную роль в ее кампании во время первого голосования, поскольку это совпало с кульминацией приватизации в энергетике, за которую я отвечал. Я знал только одно — что результат не может быть определен: слишком многие из моих коллег в парламентской Консервативной партии были склонны говорить руководителям кампании Маргарет именно то, что те хотели услышать, а не то, как они на самом деле собираются голосовать.

Итог голосования стал сильнейшим сокрушительным ударом — так близко, но так далеко, а результат второго голосования был еще совершенно не определен.

Именно в этот момент Маргарет попросила меня заняться подготовкой ее кампании к повторному голосованию. Прежде чем мы могли начать составлять какие-либо планы, я уже знал, что есть центральный вопрос, который нам предстоит решить. В такой парламентской системе, как у нас, ни один Премьер-министр не может долго оставаться на своем посту, если он не пользуется поддержкой Кабинета, — а в этом случае вопрос о такой поддержке был, к сожалению, далеко не ясен.

Поэтому я понимал, что Маргарет должна встретиться со всеми членами своего Кабинета, чтобы выяснить их позиции. Если они за нее, то это сулит очень хорошие шансы на победу в повторном голосовании; если же нет, то победа под большим вопросом.

В среду, 21-го ноября, после обеда, Маргарет прекрасно себя показала во время выступления в Палате общин с докладом о результатах Парижской встречи в верхах. После этого она довольно неохотно согласилась встретиться с глазу на глаз с коллегами по правительству в своем кабинете, выходящем на Парламентскую площадь. Она расспросила каждого об их мнении.

Многие из коллег по Кабинету сказали, что они будут стоять за нее до конца. Некоторые подтвердили высказанную Кренлеем Онслоу, председателем "Комитета 1922", точку зрения, что ей следует расширить круг претендентов, включив в него такие фигуры, как Джон Мейджор и Дуглас Херд. По крайней мере трое предупредили ее, что они готовы подать в отставку, если она останется. Многие констатировали, что, каким бы ни было их собственное решение, поддержка парламента уменьшается — и эта позиция тоже была чревата тем, что победа может достаться Хезелтайну.

Тем, кто сказал ей, что не верит в возможность ее победы в повторном голосовании, или отказал ей в поддержке, она в задумчивости заметила, что политика — это забавный старый мир. Она побила рекорд, трижды победив на выборах; она пользовалась преобладающей поддержкой Консервативной партии по всей стране; и первое голосование на выборах лидера показало, что ее поддерживает существенное большинство депутатов-консерваторов, но недостаточное, чтобы победить при существовавшей тогда устаревшей, причудливой выборной системе.

Во время этого раунда произошло два занятных инцидента. Первый случился, когда зашел Питер Брук, который хотел повидаться с Маргарет и поддержать ее. Поскольку он шел на обед в Сити, на нем были надеты белый галстук и фрак, и он заметил, что во времена, когда он учился в Оксфорде, белый галстук и фрак были единственной одеждой, в какой можно было принимать важные решения.

Второй случай произошел, когда ныне покойный Алан Кларк, не условившись о встрече заранее, вошел и сказал: "Госпожа Премьер-министр, Вы должны продолжить борьбу. Конечно, Вы проиграете, но какое это будет славное поражение!"

Встречи закончились около 8:30 вечера, и Маргарет сказала мне, что возвращается на Даунинг-стрит, 10, чтобы все обдумать.

Она была явно угнетена, а впереди были часы работы над речью по вопросу о доверии, который Нил Киннок собирался вынести на обсуждение на следующий день.

Пытаясь предотвратить интриги среди министров — членов Кабинета и других, коллегам объявили, что Маргарет собирается выспаться, ведь утро вечера мудренее. Заседание Кабинета было перенесено на 9 часов утра, с тем чтобы можно было принять решение до начала официальной работы.

К утру, после консультаций с самой важной персоной в ее жизни — Дэнисом, — она приняла решение, что продолжать невозможно и сообщила об этом Кабинету. Как вы понимаете, это был эмоциональный момент, но участники заседания вскоре оправились и оно закончилось довольно быстро.

Все остальное, включая ее последнее торжественное появление у ящика для депеш, как говорится, принадлежит истории.

Я много раз мысленно возвращался к этой ужасной неделе, раздумывая над тем, что еще можно было бы сделать. Всякий раз я приходил к одному и тому же выводу, что с учетом результатов первого голосования мы сделали все возможное.

Сейчас, спустя десять лет, я надеюсь, что то, как Маргарет уходила, уже забылось. Во всяком случае она заслуживает того, чтобы ее помнили по всему тому, чего она достигла для британского народа за одиннадцать великолепных лет, а не по тому, как она ушла. Ее достижения продолжают жить и всегда будут жить, поскольку она изменила Британию бесповоротно. При всем этом сама она была бы среди тех, кто первыми признает, что многое еще предстоит сделать!

БЕРНАРД ДЖЕНКИН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ СЕВЕРНОГО ЭССЕКСА

Бернард Дженкин является депутатом-консерватором парламента от Колчестер Норт, он сын лорда Родингского Дженкина, который был членом Кабинета Маргарет Тэтчер. По профессии он торговый банкир и является членом Теневого кабинета Уильяма Хага.

Настоящий друг

Несколько лет назад один мой друг проходил мимо книжного магазина на Пикадилли, когда заметил леди Тэтчер, совершавшую одно из своих марафонских мероприятий по подписыванию книг. Он зашел внутрь, чтобы понаблюдать за все возрастающей неразберихой вокруг нее, когда она, как автомат, ставила один автограф за другим. У каждого, кто подходил к ней, казалось, было что ей сказать. Один парень сказал, что он друг Сесила Паркинсона. “Настоящий друг”, — сказала леди Тэтчер. Мой приятель, который тем временем встал в очередь, протянул ей для автографа свою книгу и сказал: “Я друг Бернарда Дженкина”. “Бернард, — воскликнула она, — он настоящий сторонник”. “Да, — сказал мой друг, — хороший евроскептик”. Леди Тэтчер взглянула на него и сказала: “Я бы скорее сказала, что он защитник Британии”. Сказав это, она протянула надлежащим образом подписанную книгу и посмотрела на девочку-подростка, которая была в очереди следующей. “Я ничей не друг”, — заявила девочка. Леди Тэтчер вся зашлась от смеха.

ПИТЕР ЛИЛЛЕЙ

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1989 по 1997 г.

Питер Лиллей избран депутатом парламента от Сейнт-Албанса в 1983 г. Он был основателем и членом группы парламентариев-тэтчеристов "Нет — возврату назад". Сменив несколько постов парламентских заместителей министров, он в 1989 г. был назначен в Кабинет Маргарет Тэтчер в качестве министра торговли и промышленности и оставался членом Кабинета до всеобщих выборов в мае 1997 г. Он был кандидатом на последующих выборах лидера Консервативной партии и был назначен заместителем лидера партии в 1997 г.

Умение слушать

Среди мифов о Маргарет Тэтчер наиболее распространенным является миф о том, что она не умеет слушать. Люди приходили к такому выводу, поскольку она не реагировала на их идеи вежливыми словами вроде "чрезвычайно интересно". Вместо этого она спорила с людьми, проверяя их идеи на прочность. Но если идеи могли выдержать ее атаку и устоять, она брала их на вооружение. Я помню, как группа депутатов парламента — тэтчеристов "Нет — возврату назад" пригласила ее для обсуждения проекта наших планов для школ. Она разнесла их в пух и прах, мы привели контраргументы, но она отбросила и эти доводы тоже. Когда она ушла, кое-кто даже из ее наиболее преданных сторонников говорил: "Это правда, она не слушает. Наши аргументы были куда более убедительными, чем ее". Но знавшие ее, сказа-

ли: “Не беспокойтесь, мы выиграли спор. Она понимает, что мы выиграли, и теперь даст взбучку тому, кто готовил для нее информацию на это совещание”. И действительно, в манифесте она приняла на вооружение и реализовала большинство из наших предложений. Так что на самом деле слушать она умела.

БОБ ХАУК

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР АВСТРАЛИИ с 1983 по 1991 г.

Профсоюзный лидер и лейборист Боб Хаук принадлежит к числу наиболее влиятельных фигур австралийской политики. Он стал Премьер-министром Австралии в 1983 г. и оставался на этом посту до 1993 г. Предлагаемый отрывок взят из его книги "Мемуары Хаука", опубликованной Уильямом Хейнманном в 1994 г.

Благоговейное восхищение

В субботу после обеда в Лайфорд-Кей сорок девять глав государств Содружества встречались неофициально. Встрече предшествовало пленарное заседание, состоявшееся в то же утро, на котором разгорелся горячий спор по поводу санкций, причем Маргарет Тэтчер оставалась в меньшинстве. Дебаты временами были резкими, и эта атмосфера сохранялась и после обеда. Маргарет была непреклонна, она отражала атаки многих выступающих. У нее было очень напряженное время. Не разделяя ее позиции, я сочувствовал ей, поскольку она испытывала огромное физическое и эмоциональное напряжение.

Послеобеденная сессия делегировала комитету из семи человек (Премьер-министру Багам Линдону Пиндлингу, Маргарет Тэтчер, Радживу Ганди, Брайану Малруни и мне, а также Президенту Зимбабве Роберту Мугабе и Президенту Замбии Кеннету Каунде) геркулесову задачу — постараться прийти к какому-то соглашению по вопросу о санкциях. Мы всемером встрети-

лись в тот вечер, причем Роберт и Кеннет предпочли в буквальном смысле оставаться в стороне. Нам было суждено стать свидетелями классической Тэтчер — в ее лучшем и худшем проявлениях.

Маргарет Тэтчер была самым трудолюбивым главой правительства из всех, кого я встречал. Ее усердие было поразительным, она всегда была исключительно хорошо подготовлена к каждому совещанию. Каким бы ни был предмет, она могла резко, порой воинственно и очень авторитетно настаивать на своей точке зрения, и за это я ее глубоко уважал. Но обладая первоклассным усердием, она не всегда демонстрировала блестящую сообразительность. В споре она часто, казалось, играла в догонялки. Она стремилась выиграть время, затягивая обмен мнениями, чтобы было легче сопоставить противоречащие друг другу позиции и таким образом получить возможность упорядочить свои собственные мысли и реакции.

На своем опыте я познакомился с двумя используемыми ею методами затягивания дебатов. Во-первых, она постоянно перебивала. Мне никогда не доводилось иметь дело с лидером, который бы перебивал говорящих столь часто. Это вызывало раздражение тех, кто имел с ней дело. Второй метод замедления темпа дискуссии я назвал методом “торможения при помощи скобок”. Если кто-то, действуя не слишком разумно, приплетал какое-то наблюдение в скобках к основному своему аргументу, — это было удачей для Маргарет. Она хватала мертвой хваткой это вставное замечание, как терьер хватается за кость, набрасывалась на него и мучила его так, что ее собеседник и остальные присутствующие степенели от нетерпения.

Эксцентричный пример применения этого метода был продемонстрирован на заседании комитета в Лайффорд-Кей. Мы обсуждали состав Группы высокопоставленных лиц и пошаговую концепцию санкций. Брайан Малруни развивал свои аргументы, поддерживая нашу с Радживом попытку убедить Маргарет принять эту идею. Брайан допустил оплошность и сослался на сделанное им про себя во время послеобеденной дискуссии замечание: “Маргарет, когда Вы это сказали, я подумал: вот уж действительно каша заварилась”.

Тотчас в ее глазах вспыхнул огонек и она выпрямилась на стуле. “Что Вы имеете в виду, говоря, что заварилась каша? Скажите, что Вы имеете в виду? Какая каша? Кто заварил?” — сказала она высокомерно. “Брайан, меня так воспитали, что я всегда знаю, что я имею в виду, когда говорю, и всегда говорю то, что имею в виду. Так что же Вы имели в виду, когда сказали, что действительно заварилась каша?”

“Боже мой!” — подумал я. Я не мог удержаться и вмешался: “Маргарет! Ради Христа! Забудьте об этой несчастной каше и о том, что она заварилась, это не имеет к делу никакого отношения. Просто послушайте, что говорит Брайан, пожалуйста”. Маргарет посмотрела на меня с некоторым удивлением, но, к ее чести, прекратила. После этого я повернулся к моему другу Малруни и сказал: “Брайан, продолжай и ни слова о каше”.

Маргарет могла также, как мне кажется, иногда слегка лукавить. Как-то был случай, когда мне показалось, что она практически нарочно делает вид, что неправильно понимает фразу. Одна из предлагаемых санкций заключалась в том, что правительства должны взять на себя обязательства не заключать соглашения с южноафриканскими компаниями, принадлежащими большинству. В нашей частной беседе она никак не соглашалась на это, поскольку в Южной Африке было много компаний, с которыми Брайан вынужден был иметь дело. “Маргарет, мы не говорим о Южной Африке, мы говорим о своих странах. Австралийское правительство не будет заключать контракты с южноафриканскими компаниями, принадлежащими большинству, и Вы в Великобритании не должны иметь дел с такими принадлежащими большинству компаниями”, — объяснил я ей. “Ах да, понятно”, — ответила она.

Но на следующий день она, как ни в чем не бывало, во время дискуссии опять вернулась к этому вопросу. Мне кажется, она немного хитрила. Я не хочу, чтобы эти комментарии заслонили собой тот факт, что я действительно восхищаюсь Маргарет Тэтчер. В ее философском подходе к внутренней и международной политике есть многое, чего я не разделяю, но она является выдающимся и замечательным человеком — усердная, преданная делу, настойчивая, категоричная, решительная и, конечно же, — мужественная.

ТЕРРИ МЕЙДЖОР-БОЛЛ

БРАТ ДЖОНА МЕЙДЖОРА

Более всего известный как брат Джона Мейджора, Терри Мейджор-Болл сменил много профессий, в частности — и это обрело огласку — он работал скульптором, ваяющим парковые скульптуры. Он описал свою жизнь в книге “Главный Мейджор”, опубликованной издательством “Дакворт” в 1994 г., откуда и взяты приводимые здесь воспоминания о Мэгги.

Великая и замечательная женщина

Меня часто спрашивают, что я думаю о Маргарет Тэтчер, и должен сказать, что я всегда ею восхищался, даже тогда, когда ее политика привела к тому, что компания “Филипс” вынуждена была сократить штаты, в результате чего в 1989 году я потерял работу. Я встречался с Леди только дважды, в первый раз на Даунинг-стрит, 10, а во второй — в кабинете Канцлера в Палате. Она была со мной очень обходительна, и только когда я оговорился, сказав “подушный налог”, она поправила меня, сказав, что правильно говорить “коммунальный налог”, но, кажется, ничуть не обиделась.

Я ненавижу, когда меня спрашивают, почему в последнее время она все меньше делала полезного. В течение многих лет я был одним из самых пылких ее сторонников и оставался им до конца ее пребывания на посту, когда вместе с другими я начал замечать, что она утратила подход к людям и игнорирует тех, кто за нее голосовал. Многие из моих соратников начинали говорить, что

она должна уйти, что нам нужен кто-то, кто лучше бы нас понимал. После того, как Джон стал Канцлером, мне приходилось все труднее отстаивать свои взгляды относительно нее. Я явно стал мишенью для замечаний моих сотрудников, которые были сыты по горло ее методами. Всякий раз, когда они говорили, что она должна уйти, я оставался на своих позициях и говорил: “Посмотрите, как много она сделала”. Когда они говорили, что она заносчива и не заботится о простых людях, у меня было что ответить. “Нет, заботится! — говорил я авторитетно. — Я знаю об этом от Джона”. И пересказывал истории, чтобы продемонстрировать более мягкую сторону ее характера, например, историю о том, как молодая девушка, обслуживающая на обеде в Чекерс, споткнулась и вылила все мясо под соусом на министра, и она стала утешать девушку, а не министра. Я продолжал поддерживать ее даже тогда, когда сам был уже уверен, что нужны перемены, поскольку полагал, что если такой сведущий человек, как Джон, готов поддерживать ее, мне тоже следует поступать так же. Я просто надеялся, что она перестанет искать битв и займется работой.

После того, как мою фирму закрыли, и я был сокращен, люди спрашивали меня: “Как Вы можете ее поддерживать, когда Вы потеряли работу и не можете найти себе другую?” “Посмотрите на другие страны, — неизменно отвечал я. — Мы живем лучше, чем люди во многих других странах. Со временем жизнь наладится. У нас уже все это было, но мы все преодолели и стали только сильнее”. Я говорил это вплоть до того времени, когда произошли выборы лидера, хотя сам думал иначе. Почему? Потому что я знал, что Джон готов голосовать за нее до последнего. Откуда? Из наших с ним бесед. Насколько я знаю, Джон согласился выдвинуть свою кандидатуру только тогда, когда стало совершенно ясно, что у нее нет никаких шансов. Должен сознаться, что мне всегда было больно и непонятно, когда я читал, что Маргарет критикует Джона — человека, которого, как утверждают средства массовой информации, она выбрала и поддерживала как своего преемника и который был так ей предан.

Мне особенно больно, когда я вспоминаю, как она жаловалась на отношение к ней со стороны ее предшественника. Очевидно, она думает, что с ней был другой случай, поскольку, в отличие от

Тогда Хита, она никогда не проигрывала на выборах. Мне кажется, что это странная аргументация. Странно также и то, что она нападала на своих бывших коллег, которых сама выбрала для работы в Кабинете. Что же в таком случае произошло с ее проицательностью? Недавно я слышал, как она сказала по телевидению, что лучше иметь их в Кабинете, чем на задних скамьях, где они создают большие проблемы. Почему я в тот момент ощутил дежавю?

Теперь, когда опубликованы ее мемуары и она высказалась, можно ожидать, что ее боль по поводу своей отставки проходит и может восторжествовать мир. Надеюсь, что историки, которые собирались сказать в примечании к ее достижениям, что она не сумела уйти с занимаемого поста, любезно отложат свои ручки, не написав этого. Я, как и многие другие, буду помнить о ее делах и забуду о просчетах.

Я готов принести извинения за то, что использовал простонародное выражение “подушный налог” в ее присутствии в тот раз, когда мы с ней встретились. Она великая и замечательная женщина.

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

ПРЕЗИДЕНТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с 1985 по 1991 г.

Михаил Горбачев был последним Президентом Советского Союза. В период, когда он был у власти, в его стране происходили значительные перемены, и заслуга Горбачева в том, что он проводил политику перестройки и гласности, которая многое изменила. Горбачев знаменит также своими усилиями по достижению мира между сверхдержавами, за которые в 1990 году получил Нобелевскую премию мира. Этот отрывок взят из книги М. Горбачева "Жизнь и реформы", опубликованной издательством "Новости" (Москва) в 1995 году.

Женщина, с которой я мог вести дела

Та первая завязь, которая образовалась в конце 1984 года, когда мы познакомились с госпожой Тэтчер в Чекерсе, оказалась жизнестойкой. Мы оба ценили установившийся контакт и скоро хорошо поладили. Может быть, благодаря этой первой встрече советско-британский диалог с моим приходом к руководству страной сразу получил хороший старт, хотя дружественной политику британского правительства в первоначальный период нашей перестройки не назовешь. Великобритания первой из западных стран поддержала американскую программу СОИ и официально подключилась к ее практической реализации. Встречу в Рейкьявике Маргарет Тэтчер восприняла как неудачу, полностью солидаризировалась с Рейганом, возложив ответственность за отсутствие договоренностей

на Советский Союз. С большим шумом была проведена операция по высылке из Англии группы сотрудников нашего посольства, обвиненных в том, что все они — сотрудники КГБ.

Вместе с тем Великобритания открыто высказывалась за “долгосрочный и конструктивный” диалог с СССР. Показательно, что Маргарет Тэтчер решила первой нанести визит в Советский Союз. Она была довольно частым гостем в Вашингтоне и, похоже, претендовала на то, чтобы представлять интересы Западной Европы в диалоге между сверхдержавами.

Тэтчер приехала в Москву в конце марта 1987 года. Наши переговоры проходили в Кремле, в присутствии только помощников и переводчиков. Подчеркнув важность ее приезда, я заметил, что визита такого уровня не было 12 лет, она тут же меня “поправила”, сказав: последний раз премьер-министр-консерватор приезжал в Советский Союз более двадцати лет назад.

В качестве ключевых тем беседы Тэтчер предложила следующие: равное право на безопасность, снижение уровня вооружений, доверие. Я приветствовал это, согласившись детально обсудить вопросы ограничения и сокращения вооружений, особенно ядерных. Но прежде чем перейти к сути дела, высказал недоумение тем, что буквально за неделю до визита наша гостыя выступила в городе Торки с речью, выдержанной в духе рейгановского “крестового похода” против коммунизма. Я сказал, что у нас даже возникла мысль: не собирается ли она отменить запланированный визит?

Тэтчер утверждала, что Советский Союз стремится установить “мировое господство коммунизма”, что “рука Москвы” просматривается чуть ли не за всеми конфликтами в мире. Естественно, пришлось ответить на это. Я сказал, что многое и в той речи, и в высказанных вновь обвинениях идет от 40—50-х годов, от присущих консерваторам стереотипов мышления. Но Тэтчер настаивала на своем, заявляя: вы поставляете в страны третьего мира оружие, а вот Запад — продовольствие, да еще помогает создавать там демократические институты. В общем, спор наш приобрел довольно яростный характер.

Конечно, с позиции сегодняшнего дня надо признать (я это сделал уже ранее), что наша политика в отношении развивающихся стран была сильно идеологизирована; в какой-то мере Тэтчер

была права. Но ведь известно, что в поставках оружия странам третьего мира всегда первенствовал Запад, причем поддерживались таким образом авторитарные, даже тоталитарные режимы по принципу: “хоть и сукин сын, но это наш сукин сын”.

Наша беседа подошла к такому моменту, когда я вынужден был сказать:

— Мы откровенно высказали друг другу взгляды на мир, в котором мы живем. Но нам не удалось сблизить наши точки зрения. Пожалуй, расхождение во взглядах после беседы не стало уже, чем до нее.

В высказываниях собеседницы зазвучали, однако, примирительные нотки. Как бы переводя разговор в другую плоскость, она сказала:

— Мы с большим вниманием следим за вашей деятельностью, высоко оцениваем ваши попытки улучшить жизнь своего народа. Я заявляю, что вы имеете право на вашу систему, на вашу собственную безопасность так же, как и мы на нашу, и на этой основе мы и предлагаем вести спор идей, мнений. — И добавила: — При всем различии наших систем мы можем передать друг другу полезный опыт. Мы буквально восхищены той энергичной политикой перемен, которую вы пытаетесь проводить. Здесь у нас общая проблема — как управлять переменами.

Наконец мы перешли к основной теме — контролю над вооружениями. В это время в Женеве проходили советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям. Беседу я провел в наступательном тоне. Прямо поставил перед ней вопрос: “Готов ли Запад к реальному разоружению или же ведет переговоры вынужденно, под давлением общественности в своих странах? Был бы рад, если бы Вы прояснили этот вопрос”.

Маргарет Тэтчер выдвинула свой известный довод: ядерное оружие — самая мощная гарантия мира, другой гарантии в существующих условиях нет.

— Мы, — заявила она, — верим в ядерное сдерживание и считаем устранение ядерного оружия непрактичным.

Отвечая на эти высказывания, я произнес довольно длинную тираду, смысл которой сводился к жесткому выводу: на Западе ищут не выхода, а наоборот, осложнений.

— Сейчас мы, как никогда, близки к тому, чтобы сделать первый шаг к реальному разоружению. Но как только появилась такая возможность, Запад и госпожа Тэтчер сразу же ударились в панику. Неужели смысл политики тори состоит в том, чтобы мешать разоружению, снижению конфронтации в мире? Поразительно, что Англия может чувствовать себя удобно в таком положении.

Кажется, это несколько смутило госпожу Тэтчер.

— Вот это была речь! — воскликнула она. — Я даже не знаю, с чего начать.

Она стала уверять меня, что Запад вовсе не хочет создавать нам трудности и осложнять перемены внутри страны путем отказа от разоружения.

Тэтчер вновь и вновь повторяла свой главный аргумент: для Англии ядерное оружие — это единственный способ обеспечить свою безопасность в случае обычной войны в Европе. Поэтому Англия не намерена брать на себя каких-либо обязательств по ограничению своего ядерного потенциала.

В общем, беседа уже вращалась по кругу. Стремясь разрядить ситуацию, Тэтчер (надо отдать должное ее самоиронии) поведала, как она сказала, о забавном случае в беседе с Хуа Гофеном. На их встречу был отведен один час, Хуа Гофен проговорил 45 минут, Тэтчер задала вопрос, и он говорил еще 20 минут. И тогда Каррингтон (британский министр иностранных дел) подал своему премьеру записку: “Вы, мадам, слишком много говорите...”

В июне 1990 года Тэтчер приехала в Москву с рабочим визитом. Прошло всего несколько дней, как я вернулся (5 июня) из поездки в Соединенные Штаты и Канаду. Итоги визита явно произвели на нее большое впечатление: она и начала с того, что поздравили меня по поводу “чрезвычайно успешной встречи” с Джорджем Бушем. Действительно, переговоры с Президентом США сняли ряд взаимных озабоченностей, в том числе и тех, которые мы не раз обсуждали с Тэтчер.

Моя последняя встреча с Тэтчер в бытность ее еще премьер-министром состоялась в Париже в моей резиденции 20 ноября, во время общеевропейского совещания. Мы много говорили о

ситуации в Персидском заливе. Накануне я обсуждал эту тему с господином Бушем, и Маргарет Тэтчер одобрила наши размышления. Отвечая на мой прямой вопрос, призналась, однако, что не верит в возможность политического решения и считает применение военной силы неизбежным. Поэтому она высказалась за то, чтобы новая резолюция Совета Безопасности (о чем у нас был разговор с Бушем) была сформулирована возможно более жестко. Даже посетовала, что американцы “несколько осторожничают”. Конечно, говорили, как всегда, о положении в Советском Союзе. Тэтчер не скрывала своей обеспокоенности: как опытный политик она видела подстерегающие нас опасности. Прощаясь на ступеньках у выхода из моей резиденции, тихо произнесла: “Благослови вас Господь!”

В отсутствие Тэтчер проводились перевыборы лидера консервативной партии, и Тэтчер не получила в первом туре необходимого большинства. Она говорила мне, что у нее есть враги. За одиннадцать с половиной лет у власти нельзя, мол, не нажить врагов. Но, похоже, не собиралась сдаваться. Получив в Париже сообщение о результатах голосования, заявила журналистам: вот, мол, вернусь и покажу им! Но вернувшись в Лондон, объявила о своей отставке. Это был благородный шаг. Тем не менее я воспринял его с огорчением.

На посту лидера консервативной партии и премьер-министра Великобритании проявился большой политический талант Тэтчер. Более того — в масштабах своей страны ей было “тесновато”. Стремясь утвердить свою роль в мировой политике, она, надо сказать, сделала много полезного в поддержку нашей перестройки. Конечно, она понимала ее по-своему. Как перетягивание Советского Союза на западные позиции, как советский вариант “тэтчеризма”. Но искренне хотела нам помочь, мобилизовать усилия Запада для содействия перестройке. А в дни августовского путча подняла голос в защиту демократии и Президента СССР, его семьи.

Нельзя отрицать ее заслуг перед своей страной. Она застала ее в ситуации перманентного отставания от других в западном мире государств. И сумела существенным образом изменить положение Великобритании внутри и вовне. Однако жесткие мето-

ды Тэтчер, свойственный ей авторитаризм раздражали даже ее окружение, не говоря уже об оппозиции, приводили к конфликтам. Мне казалось, что с нею могли работать лишь те, кто готов был безропотно мириться с ее стилем и характером. Ее авторитарность проявлялась и во внешней политике, в ее склонности к силовым методам. В кризисных ситуациях она выступала за военные санкции. Даже после ее ухода из правительства иногда вдруг доходила информация, что она выдвигает идею бомбовых ударов. Эта жесткость проявилась особенно рельефно в ее подходе к кризису в Персидском заливе, о чем я уже упоминал.

Так что для нас Маргарет Тэтчер была непростым партнером, особенно принимая во внимание ее яростный антикоммунизм, который иногда мешал ей смотреть на вещи более реалистично. Хотя во многих случаях она могла иллюстрировать свои обвинения фактами, которые мы потом сами стали подвергать переоценке и серьезной критике. В общем, интересы Запада, его ценности нашли в ее лице сильного адвоката.

В ней много сохранилось от старой Англии, как мы, русские, привыкли это себе представлять, — приверженность традициям, прочным, испытанным ценностям. Во время официальных встреч она была очень внимательна, вежлива. А когда мы узнали друг друга ближе, то, несмотря на различия во взглядах и политические споры, в ее отношении ко мне, Раисе Максимовне проявлялась настоящая человеческая теплота.

ГАРВИ ТОМАС

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ ПО СВЯЗЯМ
С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Гарви Томас был директором отдела по связям с прессой в центральном офисе Консервативной партии с 1985 по 1987 г. Он продолжал работать на посту директора по связям Консервативной партии до 1991 г.

Рекламируя Мэгги

Полагаю, что я был одним из тех, кого первым обвинили в “препарировании”. Я не перестаю удивляться тому, как мало нам приходилось прибегать к “препарированию”, когда я работал с госпожой Т., по сравнению с сегодняшним днем, когда приходится заниматься “препарированием” всех и вся в политике в явно безнадежной попытке сделать так, чтобы создавалось впечатление, что они знают, куда идут.

Поддерживаете вы ее или нет, но Маргарет знала, куда идет, и по большей части средства массовой информации так старались быть в курсе, что “управление новостями” было довольно прямым делом.

Но это на самом деле никогда не касалось личной стороны. Дэнис и Маргарет Тэтчер были не только, что неизбежно, “публичными персонами”, но и приятными в частном общении людьми. Поэтому, вероятно, наиболее подходящими для меня будут воспоминания, которые показывают ее характерные черты: как она заботилась о друзьях и каким настоящим другом она была.

Фразой, которая, как я помню, звучала чаще всего, была фраза “потому что это правильно”. Люди предлагали то или иное политическое направление, акцию, а госпожа Тэтчер снова и снова говорила: “Нет, мы поступим по-другому, потому что это *правильно!*”

Во многих отношениях ее мышление было довольно-таки упрощенным, несмотря даже на то, что у нее были значительные возможности ознакомиться с деталями. Но “так как это правильно” всегда было движущей силой в ее личной и публичной жизни.

В 1985 году я поехал в Нью-Йорк, чтобы подготовить ее речь на праздновании 40-летнего юбилея образования ООН.

Маргарет уже в течение более двух недель не было в стране; кажется, она была на встрече глав правительств стран — членов Содружества на Багамах. В ее отсутствие в ежедневном выпуске “Таймс”, в колонке “Телеграф”, которую вел Питерборо, и в паре колонок других газет, где печатают политические сплетни, появились критические замечания в мой адрес. В основных новостях, которые могли бы быть переданы Премьер-министру на Багамы, ничего такого не было, но все же этого было достаточно, чтобы эти публикации ранили меня.

Когда Премьер-министр появилась в гостинице в Нью-Йорке, она на всех парах влетела в номер и первое, что сказала, было: “Я слышала, что в газетах появились какие-то грязные комментарии, Гарви, не беспокойтесь об этом. Я знаю, откуда они исходят и позабочусь о том, чтобы это прекратилось”. Я бы никогда не поднял эту тему, и у меня нет ни малейшего представления о том, кто ей об этом сказал, но она, безусловно, вернула меня к жизни!

А в личной жизни у нее с чувством юмора не очень-то сложилось. Как-то мы вчетвером сидели за ленчем, состоявшим из сэндвичей, в офисе округа Финчли во время выборов 1987 году. Это было безумное утро, а после обеда и вечером нас ждало еще много встреч. После двухнедельного участия в кампании мы все старались не расслабляться. И вот, только мы умяли сэндвичи, как я сказал: “Ох, вздремнуть бы сейчас часок”. Остальные двое согласно кивнули, и я, взглянув на госпожу Тэтчер на другом конце стола, сказал без особой надежды: “Ну вот, почти единогласно”. “Вовсе не единогласно, — отрезала она, — а большинство при одном против!”

Я не уверен, понимала ли Мэгги, что именно благодаря своей простоте и прямоте она снискала такую значительную поддержку, в особенности внутри Консервативной партии.

Средства массовой информации постоянно строили догадки относительно того, умышленно ли мы постоянно добивались продолжительных аплодисментов во время встреч с избирателями в 80-е годы. И если это так, то как мы этого достигали? Да, мы добивались этого сознательно, и было это нетрудно. Я велел, чтобы камеры проецировали ее лицо крупным планом на “гигантские экраны”.

Впервые я воспользовался этим приемом с Билли Грехемом пятнадцатью годами ранее. Когда аудитория видит лицо говорящего, занимающее 20-футовый экран, глаза получают шириной около двух футов — они демонстрируют все эмоции говорящего.

Они светятся простотой, и, возможно, к удивлению некоторых, глаза госпожи Тэтчер в конце всегда выражали: “О, Вы чересчур добры — такие аплодисменты, впрочем, спасибо Вам!”

Было так, будто бы эти слова написаны через весь экран, и сколько бы мы ни держали крупный план, столько же продолжались аплодисменты, время от времени подогревающиеся еще и шестидюймовой слезой, показавшейся в уголке глаза!

Для нее это значило просто “говорить то, что есть”, а нам, которые видели себя в роли “министерства по помощи”, это просто помогало добиться того, чтобы людям было легко получить “послание от Мэгги”.

СЭР РЕКС ХАНТ

ГУБЕРНАТОР ФОЛКЛЕНДСКИХ ОСТРОВОВ с 1980 по 1985 г.

После полной событиями колониальной и дипломатической карьеры сэр Рекс Хант стал губернатором Фолклендских островов. Он присутствовал при вторжении Аргентины в 1982 г., был свергнут и затем вернулся после освобождения. Предлагаемый отрывок взят из его книги "Мои дни на Фолклендах", опубликованной издательством "Дэвид энд Чарльз" в 1992 г.

Желанный визит

Последним из командующих родов войск, который посетил нас в 1982 году, был Командующий воздушными силами, Главный маршал авиации сэр Кит Уильямсон. Он остановился в Правительственном доме и в первое же утро попросил у меня аудиенции в моем кабинете. На ней он сообщил мне, что с 8 по 12 января Острова планирует посетить Премьер-министр, и вручил письмо от сэра Роберта Армстронга, тогдашнего секретаря Кабинета и начальника Государственной гражданской службы. В письме, написанном им собственноручно с тщательно пронумерованными строками и абзацами для удобства ответа, сэр Роберт подчеркивал необходимость соблюдения безопасности. "Единственным человеком, с которым я должен обсудить программу, — значилось в письме, — является военный комиссар генерал-майор Дэвид Торн. Если известие просочится наружу, визит будет отменен". Он набросал возможный план четырех-

дневного визита и закончил письмо постскриптумом такого содержания: “Премьер-министр не очень любит тратить время на такие визиты”. Дэвид и я составили проект программы визита и отправили его в написанном от руки письме на имя сэра Роберта. Он написал снова, сделав несколько замечаний, и попросил меня ответить только в случае, если мы не согласны. Вот и все. Это была самая простая программа визита высокопоставленного лица, которую мне когда-либо приходилось организовывать. Как правило, а в особенности когда в этом замешаны военные, такие визиты требовали многих недель подготовки и обсуждения, сопровождавшихся составлением объемистых программ, которые много раз перепечатывались. Для Премьер-министра достаточно было трех написанных от руки писем.

Для Дэвида, конечно, все было не так просто, так как он отвечал за безопасность Премьер-министра. Строго соблюдая “принцип необходимого знания”, он и его персонал готовили план на случай непредвиденных “для визита высокопоставленного лица на Фолклендские острова” обстоятельств. Никаких имен или дат, но в плане было предусмотрено прибытие в субботу и отправление в среду. Кроме того, тайну плана можно было разгадать по тому, что один из участников визита был обозначен как “жена/муж высокопоставленного лица”.

Поскольку никаких сообщений о визите заранее делать было нельзя, журналисты, которые в других обстоятельствах сопровождали бы Премьер-министра, могли бы прилететь только спустя двадцать четыре часа. На Островах была телевизионная команда “Би-Би-Си”, возглавляемая Николасом Уитчеллем, которая там находилась еще с Рождества и должна была улетать 5 января, за три дня до прибытия Премьер-министра. В то утро мне позвонил Бернارد Ингхем, пресс-секретарь Премьер-министра и попросил задержать телевизионщиков на Островах, не раскрывая им причины. Я позвонил Николасу в “Аплэнд-Гуз”, где он и его коллеги радостно паковались, и попросил приехать в мой офис. Там я объяснил, что кое-что может произойти в течение недели, ради чего он, не исключено, хотел бы остаться, и я советую ему отложить отъезд. Он сказал, что это, должно быть, означает, что мы ждем кого-то, кого мы желаем видеть, или кого-

то, кого мы видеть не хотим; в любом случае он остается (в то время ходили слухи, что аргентинцы собираются привезти на Острова близких родственников погибших для посещения могил). Полагаю, он сообразил, что приезжает Премьер-министр, но, к его чести, оставил эту догадку при себе.

Конечно же, я сказал Мэвис о предстоящем приезде гостей, но перед нашим персоналом мы должны были делать вид, что нужно готовиться к приему журналистов, которые не могут быть размещены в "Аплэнд-Гуз". В сельской атмосфере Фолклендов малейший намек на предстоящий визит Премьер-министра облетел бы Острова по "сорочьему радио" за считанные минуты, и Дон, при всех его великолепных заслугах, первым бы понес слух. Я надеюсь, что он простит мне ущерб, нанесенный его репутации надежного сплетника. Я предупредил Патрика Уаттса и других местных журналистов, что им нужно быть в аэропорту в 4:30 пополудни в субботу, 8 января, но не сказал, кто приезжает.

Как только госпожа Тэтчер вышла из "Геркулеса", Патрик позвонил в студию "Эф-Ай-Би-Эс", которая прервала обычную программу, чтобы сообщить о ее прибытии. За двадцать минут, которые потребовались Дону, чтобы проехать четыре мили по испещренной выбоинами дороге из аэропорта, горожане Стенли вывалили из своих домов и собрались вдоль дороги, чтобы приветствовать Премьер-министра. По ее просьбе Дон останавливался в различных местах и она и господин Тэтчер выходили из машины, чтобы пожать руки множеству людей. Маргарет Тэтчер сказала одной группе: "Вы все были замечательными". На что Майк Блиней, который стоял с маленьким Дэниелем на плечах, ответил: "Вы тоже неплохо себя показали, мадам!" Когда мы проезжали мимо дома Харольда Беннета, он подошел к окну такси и вручил госпоже Тэтчер одну розу. Его глаза были влажными, и он был слишком взволнован, чтобы говорить. Он отвернулся, но Премьер-министр попросила Дона остановиться, вышла из такси и поспешила к нему. Я тоже подошел и представил его. Он все еще не мог говорить, и я видел, что госпожа Тэтчер тоже была глубоко растрогана, когда благодарила его за розу. Вдоль всего пути собирались толпы людей. Казалось, весь Стэнли вышел, чтобы приветствовать ее. Для обычно сдержанной общины

это была поразительная демонстрация любви — спонтанная, искренняя и от всего сердца.

Премьер-министра сопровождали главнокомандующий флотом адмирал сэр Джон Филдхауз, который с апреля по июнь 1982 года командовал экспедиционным корпусом с базой в Нортвуде, ее главный личный секретарь Робин Батлер, впоследствии сменивший сэра Роберта Армстронга на посту секретаря Кабинета и главы государственной службы метрополии, личный секретарь Джон Коулс, откомандированный дипломатической службой, пресс-секретарь Бернард Ингхем и дежурный секретарь Алан Логан. В состав делегации не входил ни один офицер безопасности или персональный детектив. Я показал господину и госпоже Тэтчер их комнаты и указал на отверстия от аргентинских пуль на потолке. Премьер-министр выбрала себе место для сна под ними. Пока она приводила себя в порядок с дороги, господин Тэтчер спустился в маленькую гостиную и, стоя, грелся у торфяного огня. Первым пунктом в нашей программе стоял брифинг в штаб-квартире ВФФГ, и я был удивлен, что он ничего не предпринимает, чтобы подготовиться. “О, я не могу идти, — сказал он. — У меня нет допуска”.

Я прошелся по программе с ним и с присоединившимися к нам секретарями, и указал на один-два пункта, которые можно было опустить, если им покажется, что мы дали Премьер-министру слишком много работы. Ответом мне послужили печальные улыбки и заверения, что она выполнит каждый пункт программы, а возможно и перевыполнит ее. На брифинге было интересно наблюдать за тем, в каком тесном контакте Премьер-министр работает с сэром Джоном Филдхаузом и убедиться в том, как хорошо она разбирается в военных делах. После этого у нас был небольшой прием в Правительственном доме, на который были приглашены несколько уважаемых островитян. В общей сложности было всего только семнадцать человек, но даже это было много для маленькой гостиной. Тем не менее, мы оставались именно там, поскольку Премьер-министр (как и мы) предпочла ее главной гостиной. После того, как гости разошлись, она естественным движением приземлилась на любимый стул Мэвис около огня, сбросила свои туфли и расслабилась с виски с содовой — этой привычке она следовала каждый вечер.

Воскресенье началось с посещения аэропорта Стенли для встречи с представителями соединений Королевских воздушных сил и завода в расположенной неподалеку каменоломне. Королевские инженеры вырабатывали тысячи тонн дробленого камня для строительства дороги от аэропорта до береговых сооружений вдоль Канаша. Первое судно береговой охраны прибыло из Швеции в декабре на "Фернкерриере", пригодном для некоторых действий под водой судне большой грузоподъемности, и мы надеялись, что сможем подготовить его к пуску как раз вовремя, чтобы это сделала Премьер-министр, но для пуска требовались строго определенные ветер и высота воды, и подходящая комбинация сложилась только в тот вечер, когда Премьер-министр уезжала.

Во второй половине утра Премьер-министр посетила совместное заседание Исполнительного и Законодательного советов, после чего был ленч для членов советов в Правительственном доме. Каждый из них выразил огромную благодарность за то, что госпожа Тэтчер прислала экспедиционный корпус и еще раз заверил в своей преданности королеве. Говоря о будущем, они подчеркнули, что жители Островов не хотят возобновлять переговоры с Аргентиной до тех пор, пока Аргентина не перестанет увязывать их с требованием о переходе суверенитета. Они были благодарны Британии за обеспечение необходимой безопасности и за великодушное принятие рекомендаций лорда Шаклтона: они признавали, что теперь от жителей Островов зависит то, как они воспользуются условиями, созданными таким образом. Член Совета Тони Блейк настаивал на делении множества больших ферм, а член Совета Тим Блейк — на развитии глубоководных рыбных промыслов в 150-мильной защитной зоне, рыболовство в которой должно лицензироваться. Тим сообщил также о работе возглавляемого им Отборочного комитета, который занимается разработкой поправок к конституции и процедуре выборов, высказав надежду, что соответствующие предложения будут направлены правительству Ее Величества не позднее июля.

После ленча Премьер-министр посетила минное поле в Рукерри-Бей и Кембер, где базируются инженеры Гуха, поисково-спасательная служба Королевских воздушных сил, а также несколько отделений Королевского флота, а затем полетела назад через

гавань, чтобы посмотреть Портовый эскадрон Королевского транспортного корпуса, закончив насыщенный событиями день посещением полевой почты и пекарни. Последняя была, по сути, музеем. Она использовалась во время первой мировой войны, а затем была взята из армейского музея и перевезена на Фолкленды, где замечательно работала до тех пор, пока войска не перешли в Канаш, после чего была снова обращена в музей. Помещенная под навесом и расположенная между двумя складами, она была очень популярным местом не только из-за аппетитного запаха свежеспеченного хлеба, но и поскольку это было самое теплое место в городе.

Перед посещением вечерней службы в соборе Премьер-министр возложила венок к кресту, посвященному памяти жителей Фолклендских островов, сложивших свои головы в двух мировых войнах. Она привезла из Англии много венков, очень искусно сделанных и украшенных цветами, которые редко можно увидеть на Фолклендах. На обеде, состоявшемся в тот вечер в "Британия-Хауз", хозяином был Дэвид.

Понедельник был, пожалуй, еще более насыщен, чем воскресенье. Мы посетили четыре селения на Восточном Фолкленде и два — на Западном. Везде, где мы останавливались, Премьер-министр выступала с речью перед жителями и военнослужащими, а со многими общалась персонально. Чтобы она могла встретиться с как можно большим количеством жителей Островов, Дэвид любезно устроил так, что они прилетали на вертолетах из отдаленных селений, поэтому, куда бы мы ни шли, собирались, по фолклендским меркам, толпы людей. К местным журналистам и команде с "Би-Би-Си" присоединились их коллеги, прилетевшие из Британии в воскресенье. Микрофоны и камеры вырастали перед Премьер-министром повсюду, и она преодолевала эти баррикады с неизменным благодушием и терпением. Для перелетов мы пользовались вертолетом "Си-Кинг" с "Чинуком" для прессы и эскортом из пехотинцев. Госпожу Тэтчер приветствовали с огромной теплотой, куда бы она ни приезжала, но более всего в Гуз-Грин, где мужчины, женщины и дети, собравшиеся в мэрии общины, трижды прокричали оглушительное "ура" и обступили ее, чтобы пожать руку и высказать личную благодарность.

Брук Хардкасл и Эрик Госс повели нас к могиле лейтенанта Королевского флота Ника Тейлора, где госпожа Тэтчер возложила один из своих венков, и Эрик заверил ее, что жители селения будут ухаживать за могилой с большой любовью и заботой. После этого мы в сопровождении командира батальона лейтенант-полковника Гастингса Невилла посетили экипаж “У” 1-го батальона Королевского гемпширского полка, расквартированный в развалинах старой школы между Гуз-Грин и Дарвином, в этот лагерь в первую очередь завезли сборные домики, и они были уже наполовину готовы. Премьер-министр была обеспокоена ходом благоустройства гарнизона и высказала надежду, что Дэвид справится с поставленной задачей и лагерь переберется в новые помещения до наступления зимы.

Из Гуз-Грина мы полетели в порт Сан-Карлос, где Алан Миллер и его небольшой отряд жили в одном поселке с отделением Королевских воздушных сил “Чинук”, затем посетили базу “Херриер”, а также взвод Королевских гемпширцев, а оттуда отправились в Сан-Карлос для возложения венка на кладбище в Блю-Бич. Пат и Изабель Шот дали ленч для Премьер-министра и сопровождавших ее — после стольких посещений высокопоставленных лиц они сделались уже экспертами по приему гостей. Действительно, я никогда не перестаю восхищаться Изабель и тем, как она с кажущейся легкостью адаптировалась к изменившимся обстоятельствам. До войны она была чрезвычайно застенчива и скромна, но сейчас легко болтала со всем и каждым, включая Премьер-министра. Я заметил, что это — многообещающая черта жителей Островов в целом. Они приспособляются к ситуации, будь-то дома, как в случае с Изабель, в ООН, как произошло с Джоном, или в Лондоне, как в случае Льюиса Клифтона.

Воды Сан-Карлоса все еще защищали “рапьеры”, команды которых жили в блиндажах, напоминающих траншеи первой мировой войны, но их моральное состояние не могло бы быть выше, как отметила Премьер-министр. В Келиз-Гарден, на противоположном от Сан-Карлоса конце бухты, Королевские инженерные войска строили лагерь, предназначенный для расквартирования отделения “Чинук” и штаб-квартиры батареи наземной противо-

воздушной обороны. Подобно многим другим лагерям в стадии сооружения, главным врагом здесь была грязь. Чтобы пройти из бараков к вертолету, мы надевали резиновые сапоги.

Премьер-министр отказалась надевать сапоги в следующем пункте нашего посещения, которым было кладбище в Порт-Говарде. Она была даже возмущена, когда на борту вертолета я предложил ей их надеть. “Я не могу идти на могилу капитана Гамильтона в резиновых сапогах”, — сказала она твердо и мигом обула свои лучшие туфли. Почетный караул Гурха салютовал ей оружием, когда она шла по грязи, чтобы возложить венок на могилу капитана Гамильтона. Я шел следом в своих сапогах, размышляя, был ли бы столь щепетильным Премьер-министр — мужчина?

Поговорив с людьми в селении, мы полетели из Порт-Говарда в Фокс-Бей-Ист, где собрались жители Островов, проживающие в Фокс-Бей-Уест, Порт-Стивенсе и Чартесе. Там также располагалась база экипажа “А” Королевских гемпширцев, лагерь которых находился несколько выше по течению в Докторс-Крике. Возвращаясь после стольких взлетов, посадок и длительного пребывания в шумном вертолете, я думал, что все мы устали, но уже через полчаса мы переоделись и отправились на публичный прием в мэрию. Во время недолгого пути от Правительственного дома до мэрии я предупредил Премьер-министра, что у нас припасен сюрприз. Члены Совета решили дать ей титул почетного гражданина Фолклендских островов, что является редкой честью, поскольку до сих присуждался только титул почетного гражданина Стенли, и был он дан только Королевским морским пехотинцам и Западнооркширскому полку, которые базировались там во время второй мировой войны. Гарольд Роулэндс как старейшина Фолклендов был выбран для вручения свитка; я представляю его, и оба мы будем говорить не более двух минут. Ожидается, что Маргарет Тэтчер также скажет пару слов в ответ, но не будет держать длинную речь.

Зал мэрии был полон. Там было не мене 600 человек, причем обычно зал считался переполненным, когда в нем находилось 200 человек (директор гражданского строительства даже беспокоился, выдержит ли такой вес пол). Атмосфера была наэлектри-

зована, и Премьер-министр, едва войдя, оживилась. Ее поглотило море преисполненных благодарности доброжелателей, и на то, чтобы провести ее сквозь толпу к сцене на другом конце зала, ушло добрых полчаса. Я представил Гарольда, уложившись в свои две минуты. Гарольд был столь же краток: он сказал, что это величайший момент в его жизни и что он испытывает те же чувства, что и все жители Фолклендов — удовольствие от того, что у них есть возможность лично выразить благодарность госпоже Тэтчер за свое освобождение и предоставление жителям Островов возможности строить лучшую жизнь, которая станет залогом того, что война была не напрасной и что британцы отдали свои жизни не зря. Он зачитал формальную прокламацию, вручил свиток, а затем вызвал шквал аплодисментов, поцеловав Премьер-министра. Явно в приподнятом настроении, госпожа Тэтчер произнесла речь, о которой многие из присутствовавших сказали мне позднее, что это была лучшая речь, какую они когда-либо слышали. Она продолжалась двадцать минут, без бумажки и без проработки каких-либо материалов (никто из нас никаких материалов для нее не готовил). И речь эта затронула именно нужные струны. Ее приняли с невиданным на Фолклендах энтузиазмом. Самыми громкими аплодисментами были встречены слова: “Сегодня государственный флаг Соединенного Королевства развивается над Порт-Стенли, и да будет так всегда”. Для меня это, конечно, было особенно важно, поскольку именно в этом зале мэрии генерал Гарсия сказал мне, что аргентинцы останутся “навсегда”. Это был очень трогательный момент для всех нас, включая сопровождавших Премьер-министра лиц. Бернард Ингхем подошел ко мне и заключил меня в медвежьи объятия. Обед в тот день прошел очень живо, вся накопившаяся за день усталость развеялась. И хотя уже было далеко за полночь, господину Тэтчеру стоило больших трудов убедить госпожу Премьер-министра отправиться спать.

Вторник был проведен, в основном, в море, но прежде, чем отправиться на корабль Ее Величества “Антрим”, Премьер-министр посетила младшую и среднюю школу, госпиталь, почтовое отделение, электростанцию, водонапорную станцию, дома Брюстера и ангар “FIGAS”, где был заново собран “Бивер”. В море она перешла с корабля Ее Величества “Антрим” на “Форт Гранж”,

“Стена Инспектор”, а затем на корабль Ее Величества “Чарибдис” и вернулась вечером, чтобы дать интервью “Пингвин Ньюс” и местному радио. Дэвид был хозяином на данном в тот вечер обеде из трех смен блюд, который закончился за полночь. Отдыхая у огня перед отходом ко сну, Премьер-министр неожиданно сказала: “Я еще ни разу не видела пингвина! Я должна увидеть пингвина, прежде чем уехать”. Поскольку ее отлет был назначен на 8 часов следующего утра, то времени на организацию поездки в колонию пингвинов практически не оставалось. Потом она добавила: “И я должна посетить Руины”. Я застонал в душе. “Это значит, что Вам придется встать в пять, госпожа Премьер-министр”, — сказал я. “Идет”, — отозвалась она. После того, как она и господин Тэтчер отправились спать, Дэвид организовал вертолет, и я сумел застать Айэна Стренджа. Было решено, что мы должны успеть и на Руины, и в Сил-Пойнт, и на завтрак.

В то утро стояла плохая погода: было ветрено, шел дождь. Но это не испугало Премьер-министра. Она забралась в “Си-Кинг”, и мы приземлились в покрытых лужами Руинах. Господин Тэтчер настаивал, чтобы она закутала голову в шарф, но она не хотела. Хотя опасные артиллерийские орудия уже убрали, там все еще оставалось множество следов битвы: брустверы и окопы, “украшенные” тесьмой, лохмотьями и неизменными тюбиками от зубной пасты. Обследуя труднопроходимую территорию в ветер и дождь, Премьер-министр изумлялась, как шотландские гвардейцы сумели взять штурмом аргентинские позиции. С Руин мы полетели на Сил-Пойнт, на окраину Порт-Харриета, и пингвины были так любезны по отношению к госпоже Премьер-министру, что вышли из своих обиталищ и с любопытством глазели на нее. Благодаря вертолету мы вернулись в Правительственный дом и позавтракали в 7:15.

До сих пор все шло гладко; мы даже смогли удержать в секрете отъезд Премьер-министра. Чтобы убедить прессу, что она уедет только на следующий день, одному из членов экипажа “Геркулеса” было велено оставаться до поздней ночи в компании журналистов и пить с ними вместе (журналисты жили в “Аплэнд-Гуз” вместе с экипажем “Геркулеса”). Он сыграл свою роль так хорошо, что, когда остальные члены команды покинули свои спальни

в 4:30 утра, он не смог проснуться, и коллеги вынуждены были тайно похитить его. Большинство журналистов приняли приглашение полететь на день понаблюдать за дикой природой и, когда мы сопровождали Премьер-министра в аэропорт, они как раз были на пути к колонии пингвинов. Мы простились, и дверь “Геркулеса” закрылась ровно в 8 часов. Поскольку шел сильный дождь, мы с Дэвидом укрылись в вертолете и там ждали взлета “Геркулеса”. Мы поздравляли друг друга, что все прошло хорошо, когда раздался треск в системе двусторонней связи, и пилот доложил, что “Геркулес” возвращается. Очевидно, все четыре двигателя потеряли мощность, поскольку пилот открыл дроссели. Опасности никакой не было, так как он только-только начал разгоняться по взлетной полосе, но все же было от чего заволноваться. Мы с Дэвидом бросились из вертолета и быстро пересекли бетонированную площадку, чтобы оказаться у подножия трапа, когда будут выходить Премьер-министр и сопровождающие ее лица. Мы ждали в будке командира станции, пока представители Королевских воздушных сил решали, что делать. Премьер-министр естественно беспокоилась из-за потери ценного времени; ее программа была, как всегда, очень насыщенной, запланирован большой прием на острове Вознесения по пути домой (сюда она добралась незамеченной) и она хотела быть в Лондоне вовремя, чтобы успеть на День правительства в Палате общин на следующий день пополудни. Нужно было выбрать один из трех вариантов: проверить неисправные двигатели, что могло занять несколько часов, либо перенести специальный встраиваемый рабочий кабинет, установленный в самолете Премьер-министра, в “Геркулес” прессы, либо взять самолет прессы, как он есть. Поскольку перенос встраиваемого кабинета также занял бы несколько часов, Премьер-министр решила пройти в “Геркулес” прессы без переделок. После почти часовой задержки мы во второй раз попрощались и облегченно перевели дух, когда тяжело груженный “Геркулес” неуклюже поднялся со взлетной полосы и исчез в затянутом облаками небе. Мы получили большое удовольствие от визита, но еще один день в таком темпе вынести было бы тяжело. “Сегодня ляжем пораньше, Дэвид”, — сказал я, когда мы летели, с чем он сердечно согласился.

Прежде чем уехать, госпожа Тэтчер сказала, что она глубоко тронута тем, с какой теплотой и добротой ее встречали везде, куда бы она ни шла, все, с кем она встречалась. Она знала, что те чувства, которые были продемонстрированы в ее адрес, отражают лояльность жителей Фолклендских островов к Британии и их благодарность за профессионализм и мужество, проявленные экспедиционным корпусом при освобождении их от владычества иностранного захватчика. Но это еще не все. На самом деле жители Островов выражали свою благодарность госпоже Тэтчер за то, что она послала экспедиционный корпус и никогда не колебалась в своей решимости освободить Острова. Они верили в то, что если бы она не была в то время Премьер-министром, экспедиционный корпус никогда бы не отправился в путь, и они остались бы под аргентинским владычеством “навсегда”.

Приехав за 8 тысяч миль, чтобы повидаться с жителями Островов, Премьер-министр подняла их моральный дух так, как ничто бы не могло его поднять. Жители разрушенного, искалеченного войной Стенли нуждались в тонизирующем средстве, и визит Премьер-министра был превосходным лекарством. Удачно сложилось, что она приехала в месяц, когда отмечалась 150-летняя годовщина постоянного поселения британцев — дата, к которой аргентинцы намечали обрести суверенитет над Островами. Ее ясная, недвусмысленная благосклонность к жителям Островов не только успокоила их, но и вселила уверенность в будущем. Что бы ни делали и ни говорили другие политики или Министерство иностранных дел, жители Островов знали, что у них есть верный защитник у руля в Лондоне.

ЭЛИНОР ЛЕЙНГ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ЭППИНГ-ФОРЕСТ

Элинор Лейнг была избрана депутатом парламента от Эппинг-Форест в 1997 г. До этого она работала специальным советником Джона Макгрегора.

Большой комплимент

Когда я присутствовала на Конференции женщин-консерваторов как раз перед тем, как впервые вступила в борьбу за место в парламенте, которое выиграть было невозможно, будучи юным, неопытным, робким кандидатом, я была представлена Маргарет Тэтчер и осмелилась высказаться по поводу одного конкретного аспекта политики правительства. Выслушав мой комментарий, Премьер-министр неожиданно повернулась, поймала меня своим пристальным взглядом и сказала с непревзойденной авторитетностью в голосе: “Вы абсолютно правы”. В то время это был самый большой комплимент из всех, которые я когда-либо получала — и я до сих пор так считаю.

СЭР НОРМАН ФОУЛЕР

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1979 по 1990 г.

Сделав карьеру журналиста, Норман Фоулер был избран в парламент от Саттон-Конфильд в феврале 1974 г. Он занимал посты в Кабинете Маргарет Тэтчер с 1979 г. — вначале пост министра транспорта, потом министра социального обеспечения, а затем министра труда. Он был председателем Консервативной партии при Джоне Мейджоре с 1992 по 1994 г., а также членом Теневого кабинета Уильяма Хага с 1997 по 1999 г. Предлагаемый отрывок взят из его книги “Министры принимают решение”, опубликованной издательством “Чепманс” в 1991 г.

Министры принимают решение

В 1975 году я сомневался в том, может ли Маргарет Тетчер быть избрана. Это не было связано с тем, что она женщина. Я никогда не считал, что это имеет какое-либо значение в плане выборов. Это было связано с тем, что в середине 70-х всякий раз, когда она появлялась перед публикой, то казалась отчужденной и уж во всяком случае не выглядела “одной из них”. Хотя она прошла трудный путь, но создавала впечатление женщины, рожденной для жизни в помещичьей усадьбе. На самом деле это впечатление не соответствовало действительности, но выглядела она именно так. За годы после ее избрания средства массовой информации дали ей совет, и она была достаточно мудра, чтобы воспользоваться им, но главное, она начала разрабаты-

вать свою настоящую индивидуальность. И появилась Маргарет с гораздо более стойким характером.

В чем же секрет лидера, победившего на трех выборах и пережившего кризисы, которые опрокинули бы менее стойкого человека? Конечно же не последнюю роль сыграл запас жизненных сил, но если бы мне нужно было выбрать один какой-нибудь фактор, то я назвал бы профессионализм. В качестве примера можно вспомнить ее отношение к телевизионной трансляции заседаний парламента. Она опасалась, что это изменит характер Вестминстера и, я подозреваю, боялась, что эти трансляции дадут больше власти в руки средств массовой информации, включая проклятье ее жизни — “Би-Би-Си”. Иногда мне казалось, что она считает меня — сторонника телевидения и бывшего журналиста — лично ответственным за это вторжение. Но коль скоро решение было принято, и большинство, включая половину Кабинета, проголосовало за телевидение, она успокоилась и принялась за работу. Многие из нас считали, что сделать ничего нельзя — либо вы будете смотреться хорошо, либо нет. Маргарет Тэтчер исследовала, под каким углом стоят камеры, прикинула, что будут видеть телезрители по всей стране, сидя в своих гостиных, и появилась как несомненная звезда Вестминстера. На какие бы результаты этой новой возможности ни рассчитывал Нил Киннок — а не забывайте, что Киннок заработал свою первую репутацию именно на телевидении, — он проиграл. Именно этот профессионализм превратил Маргарет Тэтчер из лидера оппозиции без опыта в международных делах в одного из самых известных в мире и наиболее уважаемых государственных деятелей. Именно этот профессионализм побуждал ее в ранние утренние часы работать с многочисленными “красными шкатулками”¹. То же самое качество вело ее в чайные комнаты и кафе Палаты общин, вместо того чтобы доставить себе ночь отдыха; и на партийных конференциях она была совершенно неутомима, когда переходила от одного вопроса к другому. Она не очень любила ежегодные репетиции своей речи на конференции Консервативной партии. Ей доводилось сидеть там целую неделю, ловя свои собственные луч-

¹ Красные кожаные шкатулки используются для хранения официальных бумаг членов английского правительства (прим. переводчика).

шие строки из уст других докладчиков и при этом зная, что делегаты ожидают блестящего представления в конце. Со своими спичрайтерами она, бывало, проводила полночи, готовя свой текст. Это была та цена, которую лидер партии должен был заплатить, и она платила ее охотно. И это был тот профессионализм, который выделял ее из общей массы.

Семья Маргарет была несокрушимой стеной поддержки, а ясная простая интуиция, подсказывавшая, что правильно, а что неправильно, обеспечивала уверенность курса. У нее было сильно развито чувство понимания, что честно, а что нет. Она была очень лояльна по отношению к должностным лицам, работающим с ней в тесном контакте. Если она когда-либо и теряла самообладание, то это было связано с нападками на советников типа Бернарда Ингхема или Чарльза Поуэлла. Она считала нападки на должностных лиц, которые не могли лично дать отпор, трусостью. Критики старались достать ее через ее советников. С ее точки зрения это было особенно недостойным примером нечестного поведения.

Ее точка зрения в отношении министров была сложной. Она была лояльна к ним в разгар диспута и в случае нападков, но она также полагала, что они должны сами за себя постоять. Какими бы близкими ни были ее отношения с тем или иным министром (например, Николасом Ридлеем), если министр упорствовал, роя сам себе яму, то он должен был считаться с последствиями. Цели правительства были для нее важнее интересов конкретного министра. То же самое можно сказать и о довольно частых ротациях. Министров лишали их постов ради сохранения лица правительства. При этом с немалым числом министров обошлись грубо. Леона Бриттана не следовало убирать из Министерства внутренних дел; Патрика Дженкина надлежало перевести из Министерства окружающей среды, а не увольнять; Питера Риса нельзя было заставлять страдать (чего вполне можно было избежать), читая в газетах о своем увольнении в течение целой недели до того, как оно произошло в действительности. Все правительства Маргарет Тэтчер только выиграли бы, если бы министры работали продолжительнее и дольше оставались бы на своих постах.

В конечном итоге, однако, успех политического лидера определяется не сноровкой, проявленной в телевизионной студии, или

тем, какое впечатление вы производите на коллег. Он определяется вашими достижениями. Политические лидеры должны выигрывать на выборах, но гораздо важнее для них заслужить уважение тем, что они делают правильные вещи, чем завоевать дешевую репутацию добросердечностью. Достижение Маргарет Тэтчер состояло в том, что она возглавила страну, которая по всем признакам катилась вниз и вот-вот должна была сойти с дистанции, и повернула это движение вспять. Перемены были медленными и порою болезненными, но есть большая вероятность того, что во многом необратимыми. Она возглавила страну, поставленную на колени неконтролируемой властью профсоюзов, и возглавляла ее в течение десятилетия реформ. Любая партия, которая серьезно добивается такого, делает это с риском для своего электората. Она возглавила страну, в которой слишком большая часть промышленности и слишком многие виды деятельности контролировались — не очень успешно — государством. Практически никто сегодня не верит в возможность широкомасштабной ренационализации и возобновления государственного контроля. Она возглавила страну, где миллионы людей были отлучены от собственности. С продажей муниципального жилья и увеличением акционерной собственности сделаны важные шаги к достижению традиционных целей консерваторов — единой нации и демократии собственников. И она также возглавила страну, где десятилетиями налоговые ставки были слишком высоки, но существовало мнение, что это неизбежный ход событий. Налоговые ставки сократились, и, как мне кажется, большинство людей, населяющих Британию, предпочитают, чтобы они оставались такими же. Это были реальные и значительные реформы, которые выделяют Маргарет Тэтчер как одного из наиболее успешных политических лидеров своего столетия.

ЛОРД УОДДИНГТОН

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1987 по 1992 г.

Возведенный в пэры в 1990 г., Дэвид Уоддингтон занимал в Кабинете Маргарет Тэтчер пост главного парламентского партийного организатора, а затем министра внутренних дел. В 1990 г. Джон Мейджор назначил его лордом-хранителем Малой государственной печати. Он был губернатором Бермудских островов с 1992 по 1997 г.

Она была права

В октябре 1984 году бомба, взорванная боевиками ИРА в брайтонском “Гранд-отеле”, чуть было не оборвала жизни Маргарет Тэтчер и половины ее Кабинета. На следующее утро по ее настоянию конференция Консервативной партии продолжила свою работу, и во время ленча я стоял с нею за кулисами, когда она ждала своего выхода, чтобы выступить со своей программной речью. Она сказала, что только что приходили три епископа, чтобы помолиться за нее и заставили ее встать на колени, но когда она добавила раздраженно “как будто мне больше нечего делать”, я понял, что к ней вернулось самообладание и она выступит блестяще. Так и случилось.

Через несколько минут после того, как я вошел в свой кабинет в Министерстве внутренних дел утром 30 июля 1990 года, мне позвонили из полиции и сообщили, что Айэна Гоу, который был личным парламентским секретарем Маргарет, когда она впервые стала Премьер-министром, взорвали в его машине. Она очень

любила Айэна и он любил ее, но когда я несколькими минутами позже прибыл на Даунинг-стрит, 10, Маргарет велела своему персоналу: “Загрузите меня работой. Не отменяйте ничего из запланированного. Я должна быть все время занята”. И она заставила себя выполнять свою обычную программу.

Утром 22 ноября 1990 года Премьер-министр, явно глубоко страдающая, сообщила своему Кабинету, что потерпев неудачу после четырехкратного голосования на выборах лидера партии, намеревается подать в отставку. Но в тот же день после обеда она была в Палате общин, где принимала участие в дебатах по вопросу о недоверии, и по всему было видно, что она получает огромное удовольствие от того, что наносит удары направо и налево, круша оппозицию. Слова, казалось, лились без особого труда, хотя она просидела полночи, готовясь к этому последнему важному событию.

Маргарет Тэтчер, будучи в то время еще лидером оппозиции, пришла мне на помощь, когда я баллотировался на дополнительных выборах в округе Клитероу в феврале 1979 года, и за ленчем мой взвинченный председатель начал разговор с предположения, что стране пора уже переходить на пропорциональную избирательную систему. “Ну, — сказала Маргарет, — я полагаю, что это прекрасная идея, если (пауза и сопение носом) Вы не хотите, чтобы Консервативная партия еще когда-либо выиграла выборы”. После этого мой председатель открывал рот исключительно для того, чтобы есть.

Она могла внушать страх — у нее никогда не было времени для тех, кто не мог с ней тягаться, и она не переносила дураков. Но она любила спор, который, как правило, велся так, что она старалась проверить на прочность каждое предложение, выдвинутое другими. В большинстве случаев она была уверена в своей правоте, но кто ее осудит? Она чаще всего и была права. Две тысячи восемьдесят четыре экономиста писали в “Таймс”, утверждая, что ее политика не будет работать. Да, они это сделали, но Британия и по сей день пользуется плодами ее политики. Многие сомневались в возможности возвратить Фолклендские острова. Она сказала, что их нужно вернуть, и их вернули. Все говорили, что правительство не может победить Национальный союз шахтеров, а Маргарет Тэтчер знала, что может. Казначейство утвер-

ждало, что Британия должна присоединиться к странам, применяющим механизм контроля курса валют Европейского экономического сообщества. Она всеми фибрами чувствовала, что это приведет к катастрофе, и так оно и вышло. Маргарет осознавала, что те, кто противостоит ей в ее правительстве и в ее партии, рискуют Британией как независимым национальным государством. Были вещи, которые она не хотела поддерживать, и она в праве гордиться тем, что это было основной причиной ее свержения.

Маргарет Тэтчер обладала чертами лидера, который помог стране преодолеть все трудности; и она была гигантом на мировой арене. В те дни ей больше всего подходили эпитеты, знакомые читателю “Сражающихся кораблей Джейн”, — Неутомимая, Неукротимая, Неустрашимая, Отважная.

Ее решимость противостоять каждой угрозе миру, исходящей от советского блока, ее готовность рискнуть своей популярностью внутри страны, если это было необходимо для того, чтобы страна была надежно защищена, и для безопасности Запада, привели к развертыванию крылатых ракет в Британии. Это, в свою очередь, дало ей моральное право говорить от имени Запада и заставило Советы с их ограниченными ресурсами осознать, что у них нет никакой надежды вечно препятствовать развитию демократии в Восточной Европе, не говоря уже о том, чтобы продвигать присущую им тиранию особого сорта дальше на Запад. Маргарет Тэтчер заслуживает огромной благодарности от британского народа и всех, кто любит свободу.

Было бы неправильно в заключение не сказать ни слова о ее семье и в особенности о Дэнисе. Кажется, это было летом 1988 года, когда я как главный парламентский организатор партии от правительства и Питер Брук как председатель партии ужинали с Премьер-министром на Даунинг-стрит, 10, обсуждая возможные изменения в персональном составе министров. Только мы присели, как Маргарет сказала: “Бедняжка Дэнис наверху в квартире ужинает совсем один. Он, должно быть, чувствует себя очень одиноко, а ему это уже страшно надоело”. “О! — сказал я, глядя на Питера и хорошо понимая, в какую сторону дует ветер, — мы не можем допустить этого. Он должен спуститься. Мы хотим его видеть, не так ли, Питер?” “Правда? — сказала Премьер-ми-

нистр. — Обещаю, что он не проронит ни слова”. Ну, положим, не все получилось так, как обещала Премьер-министр, но этот эпизод показал мне, какие у нее с Дэнисом были изумительные отношения и как сильно она в нем нуждалась. Полагаю, что он был ее большой опорой в минуты страшной нагрузки. Мы многим обязаны и ему.

ВИКОНТ ТОНИПЕНДИЙСКИЙ

СПИКЕР ПАЛАТЫ ОБЩИН с 1976 по 1983 г.

Министр по делам Уэльса при Гарольде Уильсоне, выдающийся парламентарий, Джордж Томас был избран спикером Палаты общин в 1976 г. После своей отставки в 1983 г. он получил титул первого виконта Тонипендийского и заседал в Палате лордов до самой своей смерти в 1997 г. Предлагаемый отрывок взят из его мемуаров "Господин Спикер", опубликованных издательством "Сенчюри" в 1985 г.

Испытания ее характера

В середине 1982 года Королева давала государственный банкет в честь четы Рейганов в Виндзорской крепости, на котором я возобновил свое знакомство с госпожой Рейган; впервые я повстречался с ней годом ранее, на венчании принца Чарльза с леди Дианой.

Сам по себе банкет был большим напряжением для госпожи Тэтчер и тех из нас, кто знал о больших потерях на Блафф-Коув, где валлийские гвардейцы высадились перед взятием Порт-Стенли на Фолклендах. Это известие не стало достоянием общественности, и это был единственный за всю фолклендскую кампанию раз, когда я заметил в госпоже Тэтчер признаки настоящего напряжения.

Я полагаю, что если бы Премьер-министром был мужчина, он утратил бы самообладание гораздо раньше. Любой мужчина на ее месте вернулся бы в ООН, чтобы удостовериться, что мировое сообщество не поддаст его остракизму, точно так же, как и оппо-

зияция сделала бы все, чтобы остаться незапятнанной, если дела пойдут плохо. Британия утратила бы все влияние на международной арене, если бы госпожа Тэтчер поддалась на уговоры и вернулась в ООН. Это означало бы, что Британия никогда больше не посмеет предпринимать решительные меры, чтобы защитить свой народ. Премьер-министр демонстрировала замечательную храбрость и решимость в течение всей трагедии, а то, что трагедия неизбежна, она знала с того момента, когда на острова вторглась Аргентина. И своими действиями она отстояла доброе имя Британии.

Опыт показал, что британская молодежь, которая никогда не думала, что ей придется когда-либо еще делать что-либо подобное, смогла достойно ответить на вызов. Фолклендские события укрепили мою веру в то, что британский характер на самом деле остался прежним, несмотря на все беды, на которые мы отвечаем насилием, а иногда ужасно эгоистичным поведением. Мы остаемся сильным маленьким народом, и теперь весь мир знает об этом.

БАРОНЕССА КОКС

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СПИКЕРА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ

Каролина Кокс работала социологом и занималась подготовкой медсестер до того, как была возведена в пэры в 1983 г. как баронесса Квинсберская Кокс. Она занимает пост заместителя спикера Палаты лордов с 1986 г.

Неожиданный звонок

В декабре 1982 года мне позвонили по телефону от “голубых”¹ и спросили, есть ли у меня свободное время, чтобы прийти на Даунинг-стрит и встретиться с Премьер-министром. Со смешанным чувством волнения и страха я спросила, можно ли мне хотя бы в общих чертах узнать о цели встречи. Столкнувшись с перспективой встретиться с этой пугающей женщиной, я сказала, что хотела бы прийти с головой, готовой к восприятию, и предпочла бы не приходиться с пустой головой! Мне сказали, что назвать причину встречи нельзя, и попросили подойти на Даунинг-стрит к 4:45 следующего дня. Когда я стучала в черную дверь с золотыми цифрами “10”, мои колени дрожали; ко времени, когда я оказалась в приемной, голова моя была совершенно “опустошена”. Единственная возможная причина для этого приглашения, которую я могла себе представить была связана с сердитым письмом, которое я написала своему депутату по поводу зарплаты медсестер. Но в ту минуту я не могла даже припомнить, сумму годового жалования больничной сестры!

¹ Голубой — цвет партии тори (прим. переводчика).

Неожиданно двери распахнулись, и очаровательный мужчина сказал: “Сейчас Премьер-министр встретится с Вами”. Я проследовала через двери в “присутствие”! Маргарет Тэтчер приветствовала меня любезно. Затем она сказала: “Садитесь, пожалуйста. Я перейду сразу же к делу, поскольку полагаю, что так будет лучше всего”. Я сжалась, а она сказала: “Я составляю для Ее Величества Королевы список лиц, рекомендуемых для возведения в пожизненные пэры. Не возражаете, если я включу в этот список Вас?” Хорошо, что в ту минуту я сидела, иначе упала бы навзничь от изумления.

После этого она заметила: “Я надеюсь, что став членом Палаты лордов, Вы будете поддерживать нас по вопросам образования; по вопросам здравоохранения, как я знаю, Вы не всегда разделяете наши взгляды... Однако Вы всегда вольны выступать и голосовать, как Вам подсказывает совесть”.

Затем она продолжила: “Я должна просить Вас сохранить этот разговор в тайне до того, как на следующей неделе будет опубликован пресс-релиз. Однако, как я понимаю, Вашей семье известно, что Вы здесь. Вам следует обдумать, что им сказать. Почему бы Вам просто не сообщить им, что мы немного побеседовали об образовании?” И она добавила: “Но Вы можете сказать своему мужу о пэрстве, поскольку супруг — это совсем другое дело!”

Я была очень признательна ей за ее чуткость, думая о “комиссии по приему”, которая ждала меня дома. Мои дети, их друзья, соседи — все знали, что я отправилась на Даунинг-стрит, и все с нетерпением ждали моего возвращения.

Благодаря тому, что госпожа Тэтчер предвидела эту ситуацию, я смогла принять меры, чтобы предупредить настойчивые расспросы со стороны моей семьи. И к тому моменту, когда я рассказала своему мужу обо всем, я уже смогла справиться с шоком, вызванным этим предложением, перевернувшим всю мою жизнь.

Я всегда отдавала должное примененному Маргарет Тэтчер принципу, которым она предоставила мне свободу выступать и голосовать в соответствии с моей совестью. Впоследствии я исходила из ее слов и нередко выступала и голосовала наперекор

политике правительства. Я считаю, что этот принцип является существенным для эффективного исполнения Палатой лордов своей роли и обязанностей как Палаты, призванной способствовать совершенствованию законопроектов и устранению недостатков. Без этого она становится просто политизированным органом, который только утверждает решения Палаты общин.

Надеюсь, что настоящие и будущие премьер-министры будут следовать примеру леди Тэтчер и уважать принцип духа независимого мышления и голосования, поскольку без этого важность и фундаментальное значение второй Палаты так сильно умаляется, что весь смысл ее существования ставится под сомнение!

ЛОРД ГРЕФФХЕМСКИЙ ЯНГ

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1984 по 1989 г.

Дэвид Янг занимал в Кабинете Маргарет Тэтчер пост министра без портфеля, после чего стал министром труда, а затем до выхода на пенсию в 1989 г. был министром торговли и промышленности.

Как я убеждал Премьер-министра

Впервые я встретил Маргарет Тэтчер в конце 70-х. Тогда она выступала на ленче, на котором я был председателем. Многие гости позднее подходили ко мне и говорили: “Если только...”. Никто не думал, что у нее есть реальные шансы победить на следующих выборах.

В то время я уже работал с Китом Джозефом, и больше не встречался с ней до того времени, когда после выборов 1979 года я в качестве специального советника Министерства промышленности сопровождал Кита на встречах по тому или другому поводу на Даунинг-стрит, 10. Однако, наблюдать за Маргарет за работой с дальнего конца стола — это одно, а общаться с ней непосредственно, когда она имела по какому-то вопросу твердое мнение — это совсем другое дело.

Кит перешел из Министерства промышленности в Министерство образования, а через некоторое время я стал работать в Комиссии по труду. В конце концов осенью 1984 года она пригласила меня в свой Кабинет в качестве министра без портфеля по вопросам занятости.

Я председательствовал в нескольких подкомитетах, один из которых занимался разработкой двухгодичной программы обучения молодежи, и в данное время мы обсуждали условия новой схемы. Одним из вопросов было выделение пособий в размере 16 фунтов стерлингов в неделю как выплаты безработным выпускникам школ, и многие из моих коллег, включая меня самого, считали, что столь раннее приобщение к государственным пособиям — большая ошибка. Я убедил членов своего комитета, что мы должны отменить это пособие, но дать участникам программы возможность зарабатывать 25 фунтов стерлингов в неделю.

Наша “белая книга”¹ была готова к публикации как раз перед пасхальными каникулами. Когда Премьер-министр была в Пекине в прошлом декабре на подписании Соглашения по Гонконгу, она объявила, что в начале марта я привезу торговую делегацию из представителей нескольких ведущих британских компаний.

Я занимался отбором и приглашением участников моей делегации, когда разорвалась бомба. Я получил приглашение зайти к главному секретарю, который передал мне простое сообщение. Поскольку Казначейство полагало, что наша новая схема привлечет больше молодых людей, чем соберет денег, а стоит она будет на 200 миллионов фунтов стерлингов государственных средств больше, то откуда брать дополнительные средства? Теперь у меня не было министерства, а значит и бюджета, который я мог бы урезать, так что мне было сказано, что если я хочу сохранить эту схему, то должен убедить своих коллег, чтобы они нашли для меня деньги. Никто не проявил такого желания, поэтому я вернулся назад в комитет и убедил их восстановить положение о пособиях для безработных.

И вот наступил день, когда я должен был получить согласие Премьер-министра на предложения, выдвинутые в нашей “белой книге”. Стоило совещанию начаться, как я уже ощутил, что у меня проблемы. Она категорически настаивала на том, что мы должны прекратить платить выпускникам школ пособие, если они не подключаются к программе, никакие мои доводы не могли заставить ее передумать. Вся схема целиком или ничего.

¹ Белая книга — род официальных документов, которые готовят комитеты (прим. переводчика).

Следующий день был моим последним днем перед отлетом в Китай. Я попросил созвать совещание, чтобы обсудить этот вопрос еще раз, и она встретила со мной в то утро в присутствии небольшого количества коллег. И снова я не мог сказать ничего, что бы изменило ее мнение. Выплачивать пособие выпускникам школ ошибочно, если они могут получить больше, приняв участие в программе, и все тут. Я редко видел ее столь категоричной.

Моя самая первая "белая книга" висела на волоске. Я попросил ее принять меня наедине, и она предоставила мне такую возможность после обеда. Но какие бы аргументы я ни выдвигал, она стояла на своем. Ведь ужас состоял в том, что я понимал, что она права, но знал также, что без моей "белой книги" двухгодичная программа теряла шансы, возможно навсегда.

В тот вечер я должен был пройти комитетскую стадию рассмотрения законопроекта в Палате лордов, и во время обсуждения в Палате я пребывал в глубокой депрессии. Около восьми часов я черкнул записку своему личному секретарю с просьбой узнать, не может ли Премьер-министр встретиться со мной вечером. Она согласилась, и в одиннадцать часов вечера, после завершения работы в Палате, я явился на Даунинг-стрит, 10.

В течение часа обсуждение то шло вперед, то откатывалось назад, и я, казалось, не достиг ничего. Часы пробили, и я сообщил Премьер-министру, что сегодня день моего рождения. И тут она вдруг передумала и, хоть с неохотой, но благосклонно согласилась на изменение схемы. Я ушел как можно быстрее, чтобы она не успела передумать. Мне еще предстояло закончить работу, собраться, ведь я улетал на заре, но я был счастлив.

Мы запустили двухгодичную схему обучения молодежи, а через год смогли отменить пособие для выпускников школ.

БАРОНЕССА СЕККОМБ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ЖЕНЩИН-КОНСЕРВАТОРОВ с 1981 по 1984 г.

Баронесса Секкомб была возведена в пэры в 1991 г. после многих лет работы в Консервативной партии на разнообразных постах, включая пост председателя Национального комитета женщин-консерваторов и пост вице-председателя Партии по работе с женщинами.

Чуткость и сострадание

В 1982 году я была председателем Национального комитета женщин-консерваторов. Существовала традиция, согласно которой лидер нашей партии должен был выступать на последней сессии. Заняв пост Премьер-министра, Маргарет Тэтчер продолжала эту практику к большому удовольствию членов нашей организации.

В то время страна была ввергнута в борьбу за возвращение Фолклендских островов после аргентинского вторжения. Это был особенно сложный момент, поскольку в тот день погибли люди и два британских корабля потонули. Все очень волновались, новости с места событий передавали постоянно. В связи с этим собралось огромное количество представителей средств массовой информации, чтобы послушать сообщение британского Премьер-министра о последних событиях.

Мы с баронессой Янг, в то время вице-председателем партии по работе с женщинами, вышли, чтобы приветствовать Маргарет

у входа в конференц-зал. Бросалось в глаза, что она очень взволнована событиями, происходящими за 8 тысяч миль. Она говорила о семьях наших военнослужащих и о том, как она скорбит о погибших. В то же время она знала, что в зале собрались не только делегаты конференции, готовые ловить каждое слово. Там были также представители британских и международных средств массовой информации, которые разнесут ее слова по всему миру.

Когда наступило время ей входить в зал, я точно знала о том, какие требования она предъявляла к себе, готовясь выступить со своим с нетерпением ожидаемым мощным посланием. Когда она говорила, я изумлялась ее замечательной способности говорить с такой мужественной решимостью.

В частной беседе она открыла глубину своих чувств, сострадание, боль и ранимость, но затем, собрав внутренние силы, заговорила на удивление авторитетно и твердо.

В тот день я видела две стороны Маргарет Тэтчер — мягкую, заботливую и чувствительную женщину и международного государственного деятеля. Это была честь, которую я никогда не забуду.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ДЖУЛИАН ТОМПСОН

КОМАНДУЮЩИЙ БРИГАДОЙ ВО ВРЕМЯ
ФОЛКЛЕНДСКОГО КОНФЛИКТА

Джулиан Томпсон отлично служил в Королевских морских коммандос в течение многих лет, дослужившись до звания генерал-майора. В настоящее время он является внештатным профессором и читает лекции по военной науке в "Кингс-Колледж".

А леди любит...

После прохождения торжественным маршем представителей Фолклендского экспедиционного корпуса в Меншн-Хауз в лондонском Сити осенью 1982 года Лорд-мэр Лондона дал ленч в "Гилдхолле", на котором присутствовали моряки, морские пехотинцы, солдаты и летчики всех рангов. После ленча Маргарет Тэтчер, которая в то время была Премьер-министром, поднялась, чтобы произнести речь. Она была встречена продолжительной овацией — ее приветствовали и аплодировали ей. Овацию начали младшие чины из собравшихся в "Гилдхолле" без какого-либо побуждения или приказа со стороны присутствовавших офицеров. Вскоре однако овацию с огромным энтузиазмом подхватили все собравшиеся. Мы хотели продемонстрировать ей свою любовь. Я сидел напротив некоторых членов ее кабинета, которые раскрыли рты от изумления. Мы обожали ее и сделали бы для нее все что угодно. За все годы своей службы я не наблюдал ничего подобного. За последние сто лет я не могу назвать ни одного политика, кроме Уинстона Черчилля, который бы

так задел струны военных, у которых, как правило, нет времени на политиков.

Несколько лет спустя Маргарет Тэтчер, все еще Премьер-министр, посетила учения, на которых отряд спецназа должен был брать на бордаж корабль-“мишень”. В то время постоянно шла реклама, герой которой преодолевал множество препятствий с единственной целью доставить своей любимой коробку молочного шоколада “Кэдбери”. Я решил, что наш отряд должен последовать его примеру, и экипаж с энтузиазмом поддержал эту идею. Штурм “мишени” прошел очень успешно, и кульминацией его было когда оператор отряда вышел вперед, расстегнул молнию на своем промокшем костюме и преподнес Премьер-министру коробку молочного шоколада “Кэдбери”. Она было приятно удивлена, и когда один из ее помощников попытался забрать его у нее, она категорически отказалась, сказав, что шоколад предназначен ей и никому больше. Мы все любили ее за хладнокровие, которое она продемонстрировала в потенциально опасные моменты этих учений, энтузиазм и, осмелюсь сказать, за то, что она чрезвычайно красивая женщина. Мы высоко ценим и это тоже.

ДЖОН БЛАНДЕЛЛ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕЛ (ИЭД)

Джон Бланделл принадлежит к числу наиболее выдающихся и влиятельных теоретиков современной экономики последних лет. Он принимал участие в работе многочисленных "мозговых центров" как в Британии, так и в США, и внес большой вклад в их работу.

В архивах ИЭД имеется интересный обмен письмами. 24 октября 1969 года редактор-директор ИЭД Артур Селдон написал Джеффри Хоу следующее: "Можно ли ожидать лучшего от Маргарет?"

Джеффри Хоу ответил: "Я не уверен насчет Маргарет. Во многих случаях ее взгляды по экономическим вопросам действительно разумны. Но она склонна проявлять догматизм, излишний, как на мой взгляд, в таких важных и сложных вопросах, как образование, и фактически тормозить дело, чересчур его упрощая. Мы, безусловно, должны стараться получить от нее лучшее. Но я считаю, что ее необходимо подвергнуть гуманизирующему воздействию вашего характера в той же степени, в какой и воздействию рыночников социального обеспечения. Она может поддаваться самым различным влияниям, и в зависимости от этого ее ждет либо триумф, либо катастрофа!"

Наркотики

Однажды вечером в конце 70-х группа молодых членов Консервативной партии пригласили леди Тэтчер на обед в отдельный кабинет в “Кафе Рояль”, чтобы провести мозговой штурм некоторых политических идей. На двоих из нас оказывалось очень большое давление.

Сначала я предложил, что все муниципальное жилье должно быть отдано тем, кто в нем живет. Я был новоизбранным членом совета Ламберт-Боро, и у меня были цифры, которые показывали, что будет гораздо лучше для нас, если мы просто скажем нашему директору по административным и юридическим вопросам, чтобы он выслал по почте каждому квартиросъемщику документ о том, что он отныне является собственником жилья. Просто разослать и избавиться от них, убеждал я.

“Люди не будут ценить свое жилье надлежащим образом, если они не заплатят за него хоть что-то”, — быстро парировала леди Тэтчер.

Следующим слово взял коллега, кандидатура которого была выдвинута для работы в Кабинете. Он сказал, что она придает слишком большое значение экономической свободе, оставляя без внимания свободу личную.

“Возьмите, к примеру, коноплю, — сказал он. — Ее можно свободно взять где угодно. Почему бы не признать реальность и не легализовать ее?”

“Что Вы имеете в виду, когда говорите, что ее можно достать где угодно?” — спросила она тоном, который должен был подсказать ему, что следует ретироваться.

“Ну, например, — продолжал он, — у моего соседа по квартире всегда есть немного, и он знает множество мест, где можно ее достать!”

Она повернулась и уставилась на него.

“Питер (на самом деле его звали не так), — сказала она. — Мой детектив стоит за дверью. Я хотела бы, чтобы Вы позвали его сейчас и дали координаты Вашего друга”.

Я забыл, как Питер справился с этим, но он уклонялся и юлил, плел что-то и выкручивался, и она позволила ему сорваться с крючка.

Нет, Премьер-министр

В 1990 году я жил под Вашингтоном, округ Колумбия. Было начало лета, и я планировал в первых числах сентября поехать в Мюнхен и Москву. Как-то мне принесли с почтой приглашение на 10-летний юбилей Бюро общественных дел в Клубе реформ. Я хотел было отказаться, но сообразил, что могу лететь из Москвы в Лондон через Вену, а на следующий день вылететь обратно в Колумбию и вернуться вовремя.

Когда я в пиджачном костюме поднимался по лестнице, то заметил сэра Энтони Джея, соавтора книг “Да, министр” и “Да, Премьер-министр”, шагающего рядом в строгом вечернем костюме. Разговаривая, мы вошли в зал. Часом позже мы опять оказались рядом, когда Маргарет Тэтчер обходила комнату. Отойдя от группы, расположившейся рядом с нами, она обнаружила Тони в его смокинге — единственном на весь зал.

“Ах, Тони, — сказала она, — Вы, должно быть, собираетесь потом посетить какое-то важное событие!”

“Нет, Премьер-министр, — ответил он сокрушенно. — Я неверно истолковал приглашение!”

Таким образом, я услышал, как автор книги “Да, Премьер-министр” говорит тогдашнему Премьер-министру “Нет, Премьер-министр”.

Когда я стал генеральным директором ИЭД, то обнаружил, что мы уже опубликовали сборник речей моего предшественника лорда Харриса под названием “Нет, министр”. Поэтому когда Ральфу исполнилось 70 и я публиковал его избранные статьи, то без малейших сомнений назвал книгу “Нет, Премьер-министр”.

Пятьдесят роз на день рождения

Когда Майкл Форсайт был всебританским председателем Федерации студентов-консерваторов, я был вице-председателем по связям с общественностью. Приближающийся день рождения Маргарет Тэтчер показался мне подходящей okazji.

Примерно за неделю до большого дня (13 октября 1976 года) мы начали мозговой штурм в “Маркиз-Гренби”, неподалеку от

Смит-сквеа, пытаясь определить, что мы можем или должны сделать. В конце концов мы остановились на идее внезапно появиться возле ее дома на Флуд-стрит с очень-очень большим букетом из 50 роз примерно в половине восьмого утра. Майкл поднесет их ей, а фон составят преисполненные восторга студенты, которых я соберу.

Все было организовано быстро, и средства массовой информации оповещены. В утро большого дня я сначала заехал за Майклом, а потом за этим огромным букетом роз в цветочный магазин на Беркли-сквеа. Композиция с трудом поместилась в такси, лишившись нескольких головок роз.

Когда мы остановились, там было огромное количество камер и одинокий полицейский, но ни одного студента. “Подожди здесь”, — сказал я Форсайту. Я выскочил из машины, прочесал улицу, и под конец подошел к полицейскому.

“Скажите, не видели ли Вы здесь каких-либо студентов?” — спросил я.

“О да, сэр, — ответил он. — Госпожа Тэтчер увидела их здесь двадцать минут назад и пригласила зайти на чашечку чаю!” “Мне сказать, что Вы готовы, сэр?” — закончил он.

Студенты, как положено, появились и построились стеной. Майкл подарил розы, и фотографии обошли весь мир.

Говорите громче, молодой человек

Несколько лет назад я присутствовал на обеде за круглым столом на 40 человек при участии леди Тэтчер. После обеда мы наслаждались выступлением высокого гостя. Потом пришел черед вопросов. Большинство из присутствующих были высокопоставленными представителями средств массовой информации, государственной службы, промышленности и политики. Мне было 45 лет, я был довольно молод, но там присутствовал еще более молодой человек, представляющий своего босса. Точнее говоря, этот молодой человек был по сути ведущим экспертом, лучше всех присутствующих разбирающимся в теме, избранной для того вечера.

В вакууме пространства и времени, воцарившемся сразу после выступления леди Тэтчер, молодой человек предложил интересный вопрос.

Но проблема заключалась в том, что никто не расслышал, что он говорит. “Говорите громче, молодой человек”, — приказала леди Тэтчер.

Он попробовал еще раз, однако явно не оправдал надежды.

“ГОВОРИТЕ ГРОМЧЕ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК”, — приказала она еще раз.

Он начал в третий раз. Но все равно недостаточно громко. Она пристально посмотрела на него через стол.

“Молодой человек, — сказала она. — Встаньте и повысьте свой голос. Мы хотим знать, что Вы можете сообщить нам”.

Густо зардевшись, он встал и сказал, повысив голос. Выслушав его, присутствующие начали аплодировать.

Молитва, глупое создание

С марта 1973 по март 1974 года я был председателем Федерации студентов-консерваторов по Лондонскому региону.

Срок моего пребывания на этом посту истек как раз после февральских всеобщих выборов 1974 года, закончившихся обедом в Палате лордов, спонсором которого выступил историк лорд Блейк. Моим почетным гостем была Маргарет Тэтчер. Она была приглашена почти за год до этого в качестве министра образования. Теперь же она предстала перед нами как теневой министр окружающей среды.

Все было тщательно спланировано, и в соответствующий момент вошло девять человек, которые должны были занять центральный стол. Около 200 человек стояли, впившись в меня глазами, а я в этот момент думал: “Мы что-то упустили. Ой, что-то не так. Почему все стоят? Почему не садятся?”

Я уже был близок к панике, когда левая нога леди Тэтчер приподнялась и пнула меня в правую лодыжку.

“Молитва, глупое создание”, — прошипела она.

Никто не выразил готовность произнести текст молитвы!

Я наклонил голову, вознес молитву, и мы сели. Вот так-то!

В ходе обеда она узнала, что как председатель, оставляющий пост, — я лично оплатил выпивку на центральном столе.

“О, я не могу этого принять”, — сказала она и быстро протянула мне под столом несколько сложенных купюр.

Мне никто не сообщил!

Как-то я давал обед в честь одного известного иностранного политика. Офис леди Тэтчер обратился с вопросом, может ли она и сэр Дэнис присутствовать на обеде, я дал положительный ответ.

В тот вечер сэр Дэнис не смог прийти, и получалось, что одно место у меня останется пустым.

Я тотчас пригласил своего друга-тори, депутата парламента. Он был на поколение моложе леди Тэтчер, высокий, стройный и, по словам моей жены, отличался несколько слащавой красотой.

Мы сели обедать. Я наполнил бокал, чтобы привлечь внимание и сделал несколько объявлений.

Закончил я тем, что сказал, что место сэра Дэниса на этот вечер займет господин Х., депутат парламента.

“Правда?”, — сказала леди Тэтчер игриво. “А мне никто не сообщил”, — добавила она.

ДЭВИД ДЭВИС

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ХЕЛТЕМПРАЙС И ХАУДЕН

Дэвид Дэвис был избран депутатом парламента в 1987 г. от Гула, после чего он работал в офисе парламентских партийных организаторов, в качестве парламентского заместителя министра в аппарате Кабинета Министров, а затем занимал пост министра по делам Европы. В настоящее время он является председателем Комитета по государственному бюджету.

Строительство Рима

Вскоре после моего избрания в парламент в 1987 г. я как-то шел по коридору в лобби для депутатов и неожиданно увидел своего давнего друга Майкла Форсайта, известного тэтчериста, который впоследствии возглавил группу под названием “Нет — возврату назад”.

Майкл был избран в парламент в 1983 году и к тому времени уже занимал пост парламентского заместителя министра. Он в буквальном смысле бежал. Его волосы были взъерошены, а в руках он не только нес свою папку, но еще каким-то образом балансировал подносом, полным бумаг.

“Помедленнее!” — крикнул я и, подумав, добавил: “Рим строился не за один день”.

“Да, — прокричал Форсайт, проносясь мимо меня. — Но прорабом на той стройке была не Маргарет”.

АЛАН ДУНКАН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ РУТЛАНДА И МЕЛЬТОНА

Алан Дункан является депутатом парламента от Рутланда и Мельтона с 1992 г. Он стал спикером оппозиции по вопросам здравоохранения в 1998 г., а затем с 1999 г. — “передне-скамеечником”, выступающим по вопросам торговли и промышленности.

Выигравшая войну

В июне 1996 года я давал прием в своем лондонском саду для группы “Нет — возврату назад”, в которую входят депутаты-консерваторы парламента. Госпожа Тэтчер была почетным гостем как президент группы “Нет — возврату назад”, а среди гостей был и Майкл Портилло — в то время министр обороны.

В те дни велись активные дебаты по вопросу пересмотра бюджета Министерства обороны, и госпожа Тэтчер атаковала Майкла Портилло вопросами о том, как сокращение бюджета отразится на нашей обороноспособности.

Надеясь успокоить ее уверением в том, что на будущее у нас припасено адекватное количество оборонительной техники, Майкл сказал: “Не беспокойтесь, Маргарет, у нас множество приглашений на тендеры”.

Она взорвалась: “Приглашения на тендеры, приглашения на тендеры... Вы не можете выиграть войну приглашениями на тендеры”. После паузы она успокоилась и сказала: “Извините, Майкл,

мне не следовало, нет, не следовало...” Потом она отвернулась, как бы для того, чтобы поговорить с кем-то другим, считая разговор оконченным, и когда все уже думали, что воцарился мир, энергично повернулась на пятках назад, скривила губы и, нацелясь пальцем прямо на Майкла Портилло, резко и колко произнесла: “Майкл, Вы когда-либо выигрывали войну? А вот я выигрывала!”

ЭНДРЮ РОУ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ФАВЕРШЕМА И КЕНТА

Эндрю Роу был директором отдела по делам местного самоуправления в центральном офисе Консервативной партии с 1975 по 1979 г. Он был избран депутатом парламента от Среднего Кента в 1983 г. и от Фавершема и Среднего Кента в 1997 г.

Съезд в поддержку Мэгги

Как директор отдела по делам местного самоуправления центрального офиса Консервативной партии в 1975—1979 годах я отвечал за организацию многих ежегодных конференций, которые посещала Маргарет Тэтчер. В то время при Партии работала Федерация студентов-консерваторов, контролирующая более 100 студенческих союзов. Кроме того, при партии действовали активная и результативная организация “Молодые консерваторы” и быстро растущая группа членов профсоюзов.

Отдел по делам местного самоуправления обратился с предложением к председателю партии и госпоже Тэтчер, чтобы при проведении предвыборной кампании на всеобщих выборах 1975 года попробовать разрушить бытующее мнение о том, что наша партия является антипрофсоюзной, для чего провести съезд членов профсоюзов-консерваторов в конференц-центре Уэмбли. У нас было то преимущество, что одним из членов нашей команды был Гарви Томас, который прошел обучение в организации Билли Грехема. Кроме того, в каждом региональном отделении тори у нас были молодые члены команды, занимающейся делами

местного управления, которые под руководством Джона Бовиса в течение нескольких лет налаживали добрые отношения с членами профсоюзов.

Конечно, это был риск, и большая его часть досталась мне: ранним утром того дня, в который поступила новость, что две из запланированных автобусных доставок участников митинга с северо-запада не состоятся из-за забастовки транспортников. В первую секунду я подумал, что это ответ Конгресса профсоюзов на нашу инициативу и что вместо 3500 человек, на которых мы рассчитывали, у нас будет только персонал офиса и 150 человек из Шотландии, прибывшие поездом накануне вечером. В поисках выхода из положения в моей голове созрел сумасшедший план — разбросать их по периметру конференц-центра, делая вид что это пикет боевых профсоюзов.

Все шло, однако, хорошо, и вскоре здание центра заполнилось преисполненными энтузиазма членами профсоюзов. Мы приложили огромные усилия к тому, чтобы все присутствующие имели действительные профсоюзные билеты, поскольку были уверены, что пресса захочет это проверить.

В зале под умелым руководством Дика Трейси динамично разворачивалась программа, и вот, наконец, прибыла сама Мэгги. В этот момент в зал вошла длинная процессия мужчин и женщин, каждый из которых нес плакат “ASTMS за Мэгги”, “TGWLJ за Мэгги” и так далее. Это было впечатляюще, и сама Мэгги была явно довольна. Она произнесла воодушевляющую речь, встреченную с энтузиазмом, а затем продолжила свой путь в приподнятом настроении.

Во многих отношениях это событие явилось поворотным пунктом. Нам не только было обеспечено широкое освещение мероприятия в лучшее время в шестичасовом выпуске новостей, но благодаря его силе и обаянию, это мероприятие явилось прецедентом для последующих политических кампаний. Сама же Мэгги написала мне теплое письмо, в котором в моем лице благодарила всю команду.

Здесь нет необходимости останавливаться на большом вопросе о том, каково было продолжение этого. Наше предложение провести аналогичный митинг под названием “Молодежь за Европу”

в помощь европейским выборам было встречено такой волокитой, прежде чем было принято положительное решение, что у нас оставалось всего лишь три недели на то, чтобы организовать съезд 3000 представителей молодежи, которые должны были приехать в Национальный выставочный центр. Но нам это удалось, и таким образом в Британии утвердилась новая форма предвыборных технологий.

СЭР ДЭВИД МИТЧЕЛЛ

ПРЕЗИДЕНТ КОМПАНИИ “ЭЛЬ ВИНО”

Дэвид Митчелл был депутатом парламента от Бесингстока с 1964 по 1983 г., а затем от Северо-Западного Гемпшира с 1983 по 1997 г. Кроме того, он был министром правительства Маргарет Тэтчер. В настоящее время возглавляет винную компанию “Эль Вино”.

Жест доброты

П рипоминаю пожилого избирателя, который пришел в мой “медпункт”, как депутаты парламента Великобритании любят называть дни приема по личным вопросам в своем избирательном округе. Было субботнее утро, он был последним в очереди и остался, чтобы поделиться воспоминаниями военного времени.

Он был ранен на береговой линии Ла-Манша и получил ожоги рук. В то время основным ожоговым центром на юге Англии был Бесингстоукский госпиталь. После лечения в этом госпитале он был отправлен на поезде в Ньюкасл для прохождения дальнейшего специализированного лечения.

Когда поезд остановился в Гренхеме, включились сирены, сигнализируя о начале воздушного налета. Вскоре после того, как раздался сигнал “Отбой”, было объявлено, что поезд не сможет продолжать движение до следующего утра. Все вышли из поезда и постарались хоть как-то устроиться, чтобы перебыть неудобную ночь.

Дежурный, обязанностью которого было предупреждать о воздушной тревоге, подошел к моему избирателю, который был

весь в бинтах, и спросил, где он ночует, на что тот ответил: “Сомной все в порядке, я получил место на полу в кассовом зале”.

“Нет, — возразил тот, — Вы пойдете ко мне домой”. Этот совершенно незнакомый человек повел его в свой дом и устроил на ночлег в удобной постели.

На следующее утро завтрак ему приготовила дочка хозяина с белокурыми косичками, которая затем взяла свой школьный ранец, поцеловала родителей на прощание и ушла.

Вот как получилось, что он съел завтрак, приготовленный ему будущим Премьер-министром — и это скажет вам кое-что важное о доме, в котором выросла Маргарет Тэтчер.

ЭДВИНА КЕРРИ

РОМАНИСТКА, ТЕЛЕЖУРНАЛИСТКА И БЫВШИЙ ДЕПУТАТ
ПАРЛАМЕНТА

Эдвина Керри была депутатом парламента от Южного Дербишира с 1983 по 1997 г. Она занимала пост парламентского заместителя министра здравоохранения. В настоящее время она пишет романы-бестселлеры и работает на телевидении.

Чудесный опыт

Впервые я увидела Маргарет Тэтчер в 1975 году на партийной конференции, первой после ее победы над Тедом Хитом. Она была новым лидером партии, сравнительно молодой (49 лет) замужней женщиной со взрослыми детьми, образованной и мыслящей личностью. Я же была недавно избранным членом Совета города Бирмингем. Я настойчиво подавала записки, добиваясь возможности выступить, но всякий раз получала отказ. В конце концов мне отрезали: “Вы недостаточно важная персона”. Я отошла в сторону в решимости вернуться тогда, когда я нею стану.

Наши пути были во многом схожи. Некоторые совпадения я эксплуатировала в полной мере, например, то, что дни рождения у нас были в один и тот же день. Использовать другие совпадения не представлялся случай. Мы обе были из провинции, наши отцы занимались малым бизнесом, а матери были тихими домохозяйками — отцы служили им эталоном во всем. Обе мы получили среднее образование в государственных школах, а потом от-

правились в Оксфорд изучать химию. Старые университеты подбирали провинциальных девушек из государственных школ на естественные факультеты. Для амбициозной девушки было значительно легче пройти по конкурсу на естественный факультет, чем на какой-либо другой.

Это означало, что я многое знала о ней и осознавала, что можно перепрыгнуть через все барьеры и стать депутатом парламента, подобно ей. Обе мы были аутсайдерами. И это также значило, что я преклонялась перед ней, как все “младотурки”¹ того времени.

Впервые я столкнулась с ней лицом к лицу на чайном приеме в честь новых депутатов парламента в ее кабинете в Палате общин в 1983 году. Мой коллега Роберт Джексон был в то время еще членом Европарламента и докладчиком от Бюджетного комитета в Брюсселе. Маргарет повернулась к нему и сладким голосом спросила: “Когда мы вернем себе нашу скидку, Роберт?” “Ах, Премьер-министр, это не наши деньги...” — начал объяснять бедняга. “Не НАШИ деньги?” — взвизгнула она и принялась стирать его в порошок, пока на месте, где он сидел, не осталась лишь горстка пепла.

Затем она повернулась ко мне со словами: “Как поживаете, дорогая?”

Я решила выбрать умиротворяющую тему для разговора. “Хорошо, только при том, что избрано 150 новых депутатов, устроиться с жильем стало довольно-таки сложной проблемой”, — начала я (у нас тогда еще не было большого дома для парламентариев).

“Правда? — и ее брови поползли вверх. — У Вас есть письменный стол?”

“Да, я застала письменный стол своего предшественника”.

“Хорошо. А секретарь?”

“Да, я привезла его из Дербишира”.

“А телефон?”

“Да, мы...” — мой голос звучал все менее уверенно.

“А шкаф для документов?”

¹ “Младотурки” — метафора, употребляемая в отношении воинственно настроенных участников какой-либо группы, фракции, партии (по аналогии с названием участников буржуазного революционного движения в начале XX в.) (прим. переводчика).

“Да, Премьер-министр, у меня их два...”

Она откинулась на спинку стула: “Ну что ж, Вы приехали всего лишь шесть недель назад и, должна отметить, у Вас все не так уж плохо. Когда я приехала в 1959 году, прошло шесть месяцев, прежде чем я нашла место, где можно было бы сидеть...”

Важным событием в парламенте того созыва явилась победа над профсоюзами, в особенности над шахтерскими профсоюзом Артура Скаргила. Занимая в парламенте “шахтерское” место (оно ранее принадлежало Джорджу Брауну), я была в какой-то степени причастна к этому. Это была тщательно спланированная операция. Скаргилл привел правительство в негодование, угрожая забастовкой в 1981 году, когда министры не были к ней готовы. Ник Ридлей получил соответствующее задание. Вскоре горы угля начали нагромождаться на электростанциях, что мы имели возможность ежедневно наблюдать, поскольку пять работающих на угле электростанций были видны из моего дома. После выборов 1983 года в течение всей зимы удавалось обходить Скаргила, и забастовку он был вынужден объявить только в начале весны. Это означало, что ему придется дожидаться по крайней мере шесть месяцев, прежде чем он сможет чего-либо добиться.

Мои избиратели-шахтеры приняли участие в голосовании по почте. Проголосовало более 90 процентов, и 85 процентов проголосовало за продолжение работы. Так родился профсоюз “Объединенных демократичных шахтеров”. Что они больше всего ненавидели — это использовать оружие забастовки в борьбе за свержение правительства, как в случае с Джимом Келлегеном в 1979 году — как раз после очередных выборов. Это представлялось им антидемократичным, и это мнение еще больше укреплялось тем, что Скаргилл отказался от баллотирования членов его собственной организации, как требовал регламент. “Что это, Эдвина, откат волны тэтчеризма?” — спросил меня один “шахтер”. “Мы голосовали за тэтчеризм. Вот почему Вы здесь”. Волна повернулась и смыла за собой господина Скаргила и других забастовщиков.

Это была замечательная победа — более выдающаяся и более значимая, чем победа на Фолклендах. С ней рассеялись все надежды профсоюзов вновь поставить страну на колени. Благодаря ей наша международная репутация резко возросла, что оказало

весьма благотворное влияние. Когда компания “Тоёта” задумала прийти в Европу в 1989 г., у нее не возникало никаких вопросов — это должна была быть именно Британия — страна, где нет забастовок. И неслучайно они выбрали место вдали от действующих автозаводов, в центре беззабастовочной страны — и опять же в поле видимости из моего дома в Южном Дербишире.

История последних лет пребывания у власти Маргарет Тэтчер включает и выдающиеся успехи, такие как конец холодной войны и ее дружба с Горбачевым, и позор и неудачи. Я голосовала против нее в 1990 году, понимая, что, останься она лидером партии, мы потеряли бы мое, далеко не центральное место, в парламенте и много других вместе с ним. К тому времени избиратели, за исключением преданных тори, были уже сыты по горло.

Но работа с ней была чудесным опытом, из тех, которые невозможно ничем заменить. Благодаря установленным ею стандартам и ее руководству, мы теперь более сильная, более прекрасная страна.

ЭРИК ФОРТ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА, КОНСЕРВАТОР

Эрик Форт занимал пост младшего министра в правительствах Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора, а закончил свою карьеру в правительстве на посту министра окружающей среды. Он был депутатом парламента от Среднего Вустершира с 1983 по 1997 г., когда был избран депутатом от Бромли и Числхерста.

Дань

Возглавляемая мною организация “Консервативный путь вперед”, цель которой состоит в том, чтобы навсегда сохранить принципы и политику “тэтчеризма”, организовала в 1999 году обед в ознаменование двадцатой годовщины первой большой победы Маргарет на всеобщих выборах.

В течение всего вечера выступающие постоянно поднимались, чтобы воздать дань Маргарет и тэтчеризму. Когда вечер заканчивался, еще раз говорить о ее заслугах казалось уже излишним, и я вместо этого предложил воздать дань сэру Дэнису, “без которого тэтчеризм был бы невозможен”.

По-моему, это порадовало и Маргарет, и Дэниса!

Я горжусь тем, что являюсь членом группы “Нет — возврату назад” — созданной в 1984 году организации депутатов парламента — консерваторов, призванной поддерживать Маргарет Тэтчер в ее решимости бросить вызов бастионам социализма,

государственной собственности и власти профсоюзов в Британии в конце 70-х годов.

Маргарет присутствовала на одном из наших обедов где-то в начале 1986 года. В редкий момент затишья в беседе она спросила меня, не хочу ли я что-либо сказать. К ужасу моих коллег я высказал свое мнение о том, что в ее правительстве слишком мало настоящих “тэтчеристов”, не намного больше их и среди присутствующих членов группы “Нет — возврату назад”!

Наступила оглушительная тишина, и Маргарет без всяких комментариев быстро перешла к другому предмету.

К концу 1986 года по крайней мере трое из присутствовавших тогда членов группы были членами правительства Тэтчер, а к 1990 году членами ее правительства была почти половина группы.

ГОВАРД ФЛАЙТ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА, КОНСЕРВАТОР

Говард Флайт стал депутатом парламента от Арундела и Южного Даунса в 1997 г. Он является председателем компании "Гиннес Флайт", которая занимается управлением финансами.

Привлекательная и полная жизни

В годы великого премьерства Маргарет Тэтчер я фактически занимался одним из тех дел, которые она поддерживала и которыми британцы благодаря ей смогли свободно заниматься, — я был бизнесменом и одним из создателей "Гиннес Флайт" — компании, успешно работающей в сфере управления финансами. Поэтому я не в праве утверждать, что мне повезло хорошо знать великую леди, но я восхищался ею и на расстоянии поддерживал ее в течение двадцати лет.

Впервые я встретился с леди Тэтчер в неофициальной обстановке на приеме на Даунинг-стрит, 10, куда был приглашен в качестве гостя моего друга — депутата парламента. Его жена, представляя нас сэру Дэнису и Мэгги, заметила, что Дэнис выглядит в точности как мой отец — и хотя это было на удивление верно подмечено, Мэгги это не позабавило!

В 1988 году я написал книгу о валютах с довольно претенциозным названием "Все, что вам нужно знать о курсах валют". Я послал экземпляр книги леди Тэтчер, но не получил ответа — полагаю, что мой диагноз относительно целей книги был чересчур клиническим в финансовом плане.

Незадолго до всеобщих выборов 1997 года я был удостоен приглашения от Мэгги на прием, который устраивали для людей, известных своими здравыми взглядами на Европу и евро. Я помню, как Дэнис пытался остановить Мэгги, когда она ораторствовала, будто в суде, об ужасах ЕС и сделала вывод: "Мы должны вырваться из этого ада". Мэгги продолжала, не переводя дыхания. В тот же вечер Ник Гибб фотографировал нас с леди Тэтчер, однако фоном послужила пара занавесок. У меня утвердилось впечатление, что Мэгги не кажется подходящим для себя быть снятой на фоне пары занавесок!

На недавнем и столь же приятном приеме, данном леди Тэтчер, я как раз разговаривал с нею, когда меня поразило сознание того, какая она все еще привлекательная и полная жизни женщина.

ЛОУРЕНС РОБЕРТСОН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА, КОНСЕРВАТОР

Лоренс Робертсон был избран в парламент от Тьюксбери в 1997 г. До этого он был промышленным консультантом и консультантом по вопросам сбора благотворительных средств.

Сердца и мысли

Маргарет Тэтчер изменила взгляды сограждан. Это было величайшим достижением. Без него ни одно из других ее достижений не было бы возможным.

Она изменила сердца и мысли. Когда она заняла свой пост, страна как раз пережила зиму несогласия. На земле лежал глубокий снег; все — от водителей грузовиков до промышленных рабочих и персонала больниц — бастовали; даже мертвых не предавали земле. Производственные конфликты были доминирующим фактором влияния в 70-е годы. Руководство утратило желание и умение руководить.

Но хуже всего было то, что только немногие люди верили, что положение вещей можно изменить или оно может стать другим. Маргарет Тэтчер считала по-другому. Она верила во внутреннюю убежденность и силу духа британского народа, но понимала, что его нужно снова разбудить, так же, как в 1939 году.

Сделать это было непросто, но она этого достигла. У нее хватило смелости ввести жесткие бюджетные ограничения, что помогло оздоровить финансы страны. У нее хватило отваги справиться с профсоюзными баронами и вернуть профсоюзы их чле-

нам. У нее хватило бесстрашия освободить нездоровые национализированные отрасли промышленности. Она доверилась людям и продала им дома, которые они занимают.

Люди вновь поверили в Британию, а все остальное — история. Это звучит упрощенно, но вера в нашу страну, которая у нас сейчас есть, — это ее заслуга. Она добилась этого благодаря своей дальновидности и отваге. В 70-е годы было сложно понять, в чем именно нуждается Британия, но были люди, по крайней мере несколько человек, которые это понимали. Она же была уникальна тем, что была единственным человеком, готовым на практике сделать то, что нужно, могущим это сделать и имеющим отвагу отказаться повернуть вспять.

Сейчас отношение изменилось, и страна снова является одной из ведущих в мире. Какая перемена! Какой Премьер-министр! Я жалею только об одном — что мне не довелось работать под ее руководством!

ЛОРД ДЭНХЕМ

ГЛАВНЫЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОРГАНИЗАТОР ПАРТИИ
В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ с 1979 по 1990 г.

Лорд Дэнхем при Маргарет Тэтчер занимал пост главного парламентского организатора партии в Палате лордов в течение всего ее премьерства. Он достиг успеха также как романист. Последнее его произведение "Черная ветвь" было опубликовано издательством "Белью" в 1997 г.

Победа в Палате лордов

Как и большинство других членов Палаты общин, Маргарет Тэтчер никогда не могла до конца понять, что собой представляет Палата лордов. Я имею в виду, до того как стала членом Палаты лордов. Но, чтобы быть точным, за двенадцать лет ее премьерства, как представляется мне — ее главному парламентскому партийному организатору.

“Почему, — спросила она меня как-то, — мы всегда проигрываем в Палате лордов, в то время как в Палате общин никогда не проигрываем?” Короткий ответ состоит в том, что, хотя Палата лордов является ревизирующей Палатой, без периодических проигрышей правительства той или иной партии система просто не работала бы. Но я дал более практический ответ: “Поскольку, Премьер-министр, у Вас есть преобладающее большинство — свыше 140 членов Вашей Палаты, в то время как в нашей палате вообще нет преобладающего большинства”. Это было чистой правдой, как на бумаге, так и на деле. Даже в то время, если бы и официальная оппозиция, и либералы

проголосовали против нас, нам все равно была бы нужна поддержка большинства независимых пэров, чтобы выиграть при голосовании. Но Маргарет почему-то это совсем не убеждало.

“Почему, — спросила она меня в другой раз, — Вы не пересмотрите регламент в Палате лордов с тем, чтобы можно было работать более гладко?”

“Я не могу этого сделать, Премьер-министр”.

“Отчего же?”

“Потому что в следующий раз придет лейбористское правительство, — сказал я, — и нам нужны неизменные правила, чтобы предотвратить любые гнусности, которым они попытаются подвергнуть нас”.

Наступила жуткая тишина, после чего я не мог отделаться от чувства, что мне очень повезло, что меня не выбросили и не расстреляли как изменника за одну только мысль, что когда-нибудь еще может быть лейбористское правительство.

Одним из больших достоинств Маргарет Тэтчер были ее отличные манеры. Однажды произошел ужасный случай, когда в Палате лордов рассматривался законопроект о жилищном строительстве, а в это время проходила заупокойная служба в память о лорде Дилхорне, очень популярном консерваторе, бывшем лорде-канцлере. Ее посетило большинство пэров-“заднескамеечников” из числа тори. Оппозиции удалось разделить мнения Палаты по одной из предложенных ими ранее поправок, и к своему удивлению они с огромным перевесом выиграли голосование против правительства. Очень довольные, они после этого быстро выставили на голосование одну за другой еще три поправки, прежде чем достаточное количество проправительственных пэров успело просочиться обратно, чтобы остановить вакханалию.

Так случилось, что в этот вечер Премьер-министр давала один из своих регулярных приемов для сотрудников резиденции на Даунинг-стрит, и я как раз поднимался на верхние ступени лестницы, когда ее информировали о четвертом поражении. Я был ее гостем, и она умудрилась галантно превратить это дело в шутку ... но все могли видеть, что на самом деле ей далеко не смешно. Единственное, что могло мне послужить утешением, было то, что сам Регги Дилхорн был бы доволен — и я думаю, что он действительно был доволен всем этим достаточно сильно.

ЛОРД ГАРРИС

ПРЕЗИДЕНТ-ОСНОВАТЕЛЬ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕЛ

Возведенный в пэры в 1979 г., лорд Хайкросский Гаррис был одним из наиболее уважаемых политических и экономических мыслителей нашего времени. Он был членом-основателем Института экономических дел и Бекингемского университета. Опубликовал множество работ по экономической политике и политической экономике.

Нет, Премьер-министр

Я встречался с Маргарет Тэтчер один или два раза раньше, в шестидесятых. Однажды это произошло во время обеда с группой бизнесменов, включавшей Арнольда Уэйнстока, человека с довольно высоким самомнением, которого она буквально растоптала. В другой раз я видел ее за ленчем с разношерстной группой тори-“заднескамеечников”, которые сокрушались по поводу того, как трудно будет добиться поддержки по сложному вопросу о свободных рынках; она его разрешила одним махом, предложив им спросить своих избирателей, где они предпочитают отовариваться: в “Марксе и Спенсере” или в кооперативе!

Но первая наша личная встреча, — я ее хорошо помню — состоялась в мрачные времена, когда Премьер-министром был Тед Хит, в Министерстве образования, где она занимала пост министра. Она согласилась на неофициальную встречу с небольшой делегацией академиков, включая Сиднея Кайна и Макса Белоффа, чтобы выслушать наш план создания независимого уни-

верситета (как только нам удастся собрать первый миллион или около того, необходимый для запуска проекта!).

Из-за неожиданного кризиса в Кабинете, связанного с событиями на Среднем Востоке, она не смогла в назначенное время прийти, но организовала нам встречу со своим младшим коллегой по имени Билл ван Стробензи. Не без оснований он получил прозвище “клубничный чай”¹. Прекрасно одетый в двойку и сочетающийся с ней жилет (возможно, с лацканами) он принял нас в несколько безалаберном кабинете, но с большой помпой и церемонностью, более подходящими при приеме государственной делегации. Он пригласил нас расположиться вокруг него небольшим полукругом и с подчеркнутой торжественностью начал читать нам лекцию про важность высшего образования, периодически вытягивая элегантною ногу, чтобы довольно-таки искусно разглядить складки на своих безукоризненных брюках.

Неожиданно дверь резко распахнулась и поспешно зашла Маргарет Тэтчер, костюм которой дополняли сумочка и замечательная шляпка, модная в то время. Пояснив, что ее могут вызвать снова через несколько минут, она присела на краешек стула и велела парламентскому заместителю министра продолжать. Едва он закончил свою вступительную часть, в которой речь шла о том, что в министерстве “нет враждебности” по отношению к концепции независимого университета, как леди перебила его: “Нет, нет, Уильям, позволь я сформулирую это по-другому”. После этого она продолжила, объявив с нарочитым ударением, что идея конкуренции со стороны независимого от государства института уважаемых академиков была встречена с большим энтузиазмом.

Предоставив поверженному ван Стробензи возможность заняться чем-нибудь более важным, чем созерцание складок на второй его штанине, она подчеркнула с прямотой, новой для меня в политике, что мы не получим — и не должны надеяться получить — никаких субсидий или особых привилегий. Что она может обещать — так это убрать все бюрократические преграды, которые обычно ставят новое предприятие в худшие условия. (Именно такое равное отношение известная женщина-социал-демократ

¹ Фамилия Стробензи созвучна с англ. словом “strawberry” — клубника (прим. переводчика).

Ширли Уильямс отказалась предоставить нам несколькими годами позже, став министром образования. Когда один из первых выпускников Бекингема обратился за присвоением военного звания в рамках специальной системы для выпускников высших учебных заведений, госпожа Уильямс отказалась поддержать Макса Белоффа, нашего первого ректора, просившего о том, чтобы к нашим выпускникам относились так же, как к выпускникам государственных университетов.)

В 1976 году Университетский колледж Бекингема был готов приветствовать свой первый набор из 60 студентов, и как раз Маргарет Тэтчер провела церемонию открытия, а в 1983 году именно ее правительство даровало институту свою королевскую грамоту как Университету Бекингема, номинальным президентом которого она стала в 1992 году.

Мое второе, более личное воспоминание о решительном стиле Мэгги связано с Чекерс и относится к событиям, происшедшим всего за две недели до ее победы на выборах в мае 1979 года. Моя жена и я были поражены, когда нас пригласили на субботний ленч и мы оказались среди гостей семейства Тэтчер: Дэниса, Марка, Кэрол-Дугласа Херда с женой и леди (Джанет) Янг с мужем — все они жили неподалеку.

Еще больше я был поражен, очутившись за столом по правую руку от Премьер-министра, и почти ошеломлен, когда она неожиданно склонилась над столом и сообщила по секрету о своем решении сделать меня членом Палаты лордов. Я сумел выдавить из себя: “Должен ли я сказать что-нибудь по этому поводу?” На что она ответила коротко, я сказал бы почти резко “нет”, и, нетерпеливо пожав плечами, принялась жаловаться на проволочки в официальных процедурах, которые предшествуют утверждению моей кандидатуры и вручению грамоты о присвоении титула.

Я до сих пор помню раздражение, граничащее со злостью, с которым она добавила: “Я иногда думаю, что только я одна и стараюсь что-то сделать”. Я точно запомнил эти слова просто потому, что они приходили мне на ум много раз впоследствии, когда она боролась с коллегами по Кабинету, министерскими комиссиями, государственными служащими, журналистами и, вне всякого сомнения, со многим другим во время своей миссии, кото-

рую она порою выполняла в одиночку, — подчинить профсоюзы, поставить под контроль денежную массу, сократить государственные расходы и противостоять растущей волне зла, исходящего из Брюсселя. Поэтому я несколько не удивился, когда она прогнала аргентинскую хунту и заставила Питера Уолкера месяцами давать жесткий отпор воинственным шахтерам Скаргила. Не могу припомнить ни одного другого британского Премьер-министра в этом столетии (Черчилль, конечно, не в счет), которому бы регулярно приходилось браться за оружие и демонстрировать, по выражению Кита Джозефа, “такую личную моральную отвагу”.

Меня только-только представили как пэра в июле, когда ее несравненный персональный парламентский секретарь, покойный Айэн Гоу, попытался выведать у меня (на праздничном вечере в его округе), не соглашусь ли я оставить ряды независимых лордов и принять министерский пост. Я, не сомневаясь ни секунды, ответил: “Боюсь, что нет, ни при каких обстоятельствах”, и добавил: “Умоляю вас никогда не ставить нашу дружбу под угрозу, даже просто поднимая этот вопрос еще раз”. Это было опасно для меня, поскольку я знал, что если бы я стал политическим “агентом” Мэгги, я бы никогда не смог отказать ей ни в чем, даже если бы думал, что великая леди (теоретически) была бы неправа. Только моя ближайшая семья могла бы рассчитывать на такую абсолютную лояльность!

Более веселое воспоминание, хотя и не из первых рук, было рассказано мне со смешком Джеффри Хоу в то время, когда он еще грелся в лучах милости Мэгги. На утреннем совещании в Кабинете ему сильно захотелось курить. Видя, что больше никто не закуривает, он украдкой достал из кармана пачку сигарет, а потом и коробок спичек и оглянулся по сторонам, не заметил ли кто-нибудь. Премьер-министр наклонилась над столом, улыбаясь, и прошептала: “Ну же! Дэнис тоже курящий!”

ЛОРД ТЕББИТ

БЫВШИЙ МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ

Норман Теббит занимал в Кабинете Маргарет Тэтчер с 1981 по 1987 г. разные посты, но наибольшую известность приобрел как министр труда. В 1985 г. он стал председателем Консервативной партии и оставался на этом посту по 1987 г.

Под давлением

Когда Маргарет Тэтчер возглавляла оппозицию, ее столкновения сначала с Гарольдом Уильсоном, а затем с Джимом Келлеженом, происходившие дважды в неделю на днях Премьер-министра в парламенте, часто определяли политическую повестку дня. В этих столкновениях, в которых на руках у Премьер-министра собирались все самые лучшие карты, включая неоценимое преимущество последнего слова, было важно, чтобы не он, а именно она выходила победителем.

Ее успех в большой степени зависел от того, насколько хорошо она будет подготовлена не только по существу вопроса, но и по тактике в ущерб своему противнику. Я имел честь быть членом команды, которая ее готовила, состоявшей из Эйрея Нива, Майкла Доббса (тогда исследователя центрального офиса), Джорджа Гардинера и время от времени других, например, Найджела Лоусона. Естественно, наша деятельность приобрела известность, и мы получили от одного лейбористски настроенного журналиста прозвище “банда четырех”, которое к нам прилипло.

Именно в те годы я узнал и понял Маргарет Тэтчер. Это была особая привилегия, но порой она имела и обратную сторону.

Я сомневаюсь в том, что написание речей для кого-либо — это один только мед; это относится и к ее случаю. Как и во многом другом, Маргарет Тэтчер довольно большая перфекционистка в вопросах речей, и изрядное количество черновых вариантов речей заканчивают свое существование в мусорной корзине, прежде чем будет создан текст, которым она останется удовлетворена. Я вскоре обнаружил, что если свои любимые фразы или абзацы придерживать, то их шансы пробить себе дорогу в окончательный текст речи, а не оказаться в корзине, повышаются, хотя иногда сеансы написания речей чересчур затягивались, как мне кажется.

Я хорошо помню, как она подошла ко мне в коридоре в 10 часов вечера и спросила: “Я только что получила проект речи — и он ужасен. Вы сможете просмотреть его для меня, Норман?”

“Конечно, на когда?”

“Вот и хорошо, — ответила она, — на завтра к обеду, зайдите ко мне в кабинет”. Чувствуя себя захваченным врасплох, я последовал за ней в кабинет, где мои коллеги-спичрайтеры собрались с блокнотами и ручками в руках. Вскоре мы приступили к работе, но нам никак не удавалось выбрать нужный тон. Около трех часов ночи я уже сильно устал и был застукан за сладким зеванием.

“Вы сегодня не в ударе, Норман”, — прокомментировала она.

“Уже не сегодня, — сказал я довольно раздраженно, — а завтра, ведь уже светает”. Каким-то образом в ту ночь нам удалось написать подходящий текст речи для нее, и я сделал вывод, что, так же как и я, Маргарет Тэтчер лучше всего работает под давлением — давлением, которое вызывает больше дискомфорта у наших помощников, чем у нас самих!

ПАТРИК МИНФОРД

ЭКОНОМИСТ

Профессор экономики в Кардиффской школе бизнеса, Патрик Минфорд принадлежит к числу наиболее уважаемых экономистов последнего времени. Он является автором многих книг и статей, и его работа оказала большое влияние на развитие тэтчеристской экономической политики.

Хорошая политика

Для меня Маргарет Тэтчер была синонимом безукоризненной, кропотливой работы по разработке политики. Допустим, рассматривается важный вопрос (например, монетарная политика и инфляция, безработица и льготы) — предпосылки и предубеждения сформулированы, и начинается напряженная работа. Государственные служащие, конечно же, готовят информацию и отчеты, и это представляет собой начало сплошных опросов мнения тех, кто разделяет с ней ее цели. Но соображения критиков тоже должны быть подвергнуты синтезу и с ними нужно работать осознанно — сколько времени понадобится, чтобы монетарная политика справилась с инфляцией? Будет ли урезание льгот иметь достаточный эффект? Весь процесс нередко достигал кульминации на семинаре в Чекерс, как это было в случае с этими двумя темами, где она председательствовала, забрасывала выступающих вопросами или вмешивалась, чтобы сместить акцент и сделать его более драматичным, заставляя сильных мужчин испуганно замолкнуть. Но целью была проверка стратегий,

которым отдавалось предпочтение, на прочность (иногда в слишком буквальном смысле, поскольку бремя доказательства лежало на эффективности реформы, что было сопряжено с расходом политического капитала и необходимо было продемонстрировать высокую вероятность достижения заметных результатов). Я помню, как однажды кто-то (один из консерваторов с либеральным уклоном или один из ее ближайших советников — я запомнил, но это с одинаковым успехом мог быть как тот, так и другой) сказал что-то слабое и глупое; это спровоцировало одну из тех пугающих диатриб (“пускание в ход сумочки”), которые вошли в легенду. Затем позднее я стал объектом ее ярости — и ответил тем же, что еще сильнее усугубило мое положение. Но факт в том, что ее не заботило, какие чувства были попораны в процессе отыскивания соли хорошей политики. Только те (преимущественно мужчины), у кого было слишком сильно развито чувство собственного величия и значимости, не понимали этой жизненно важной цели; а у нее не хватало терпения на людей, не способных принять это как благое дело. Тем, кто не был знаком с обычными жесткими семинарскими методами поисков истины, это было довольно сложно понять; но я заметил, что среди близких к ней людей выжившие составляли тесный круг интеллектуалов. Когда страна привыкла к провалу одной политической стратегии за другой, было жизненно важно поддавать новые стратегии довольно серьезным испытаниям — им нельзя было позволить терпеть поражение. Семинары в Чекерс заканчивались тем, что она изводила всех требованием хорошо питаться. Складывалось впечатление, что, будь у нее только время, она бы сама готовила еду. В одну минуту она участвует в гекторианско-платоновском диалоге, в следующую уже заботливая хозяйка, приносящая суп. Главное же состояло вот в чем: мы, мужчины, занимали второе, третье и четвертое места в ее стране, а хрупкая женщина собиралась выпроводить нас, ни за что не идя на такой патетический компромисс с посредственностью. Это было потрясающе и прекрасно, и как всем нам этого недоставало, и сколько самоотверженной работы и ущемленного чувства собственного достоинства на это шло.

КВЕНТИН ДЭВИС

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ГРЕНТХЕМА И СТЕМФОРДА

Квентин Дэвис был депутатом парламента от Стемфорда и Спедлинга с 1987 по 1997 г., а затем был избран в парламент от родного округа Маргарет Тэтчер — Грентхема и Стемфорда. Он является “заднескамеечником” и спикером оппозиции по вопросам Казначейства.

Решительный шаг

Мало кто соотносит меня с тэтчеристами, но сам я однозначно относил себя к их числу, когда в 1987 году был впервые избран в парламент. Я считал и продолжаю считать первые два срока Маргарет Тэтчер в правительстве периодом героических достижений: экономический успех, конец “британской болезни”, приватизация, “право покупать”, персональные пенсии, создание наделенной собственностью демократии, противостояние нападкам отовсюду, исторические победы над властью профсоюзов, над аргентинскими захватчиками и в холодной войне. До речи в Брюгге мое отношение к ней было всегда одинаковым — я с энтузиазмом соглашался с ней. Ее личное понимание политики — абсолютная честность, убежденность, безграничная и неутомимая добросовестность, высочайшая планка, которую она ставила для себя и своих министров — я и сейчас считаю образцом для всех времен. И период ее пребывания на посту Премьер-министра, по крайней мере на время, изменил отношение британского электората к самой политике. Оглядываясь назад, можно сказать, что это

был блестящий оазис между цинизмом Уильсона и национальным упадком, предшествовавшими ее правлению, пассивностью и скандалами, которые последовали после ее отставки. Одним из моментов, которые вызывают у меня особенную гордость, был момент, когда в конце первого года моего депутатства я получил назначение личным парламентским секретарем, к сожалению для меня это случилось накануне разрушительной речи в Брюгге!

Вот два воспоминания, которые иллюстрируют как слабые ее места, так и ее чрезвычайно сильные стороны. Через шесть месяцев после своего избрания в парламент я был приглашен в ее кабинет в Палате общин с десятком других новоизбранных депутатов. Мы сели вокруг стола. После нескольких вступительных замечаний она спросила нас, что мы думаем о состоянии дел. Все сказали: “все прекрасно, госпожа Премьер-министр” или что-то в этом духе — действительно, она была в апогее, и критиковать было практически нечего. “Да полно вам, — сказала она, — что-то же должно быть не таким уж совершенным”. Я подумал, что этот подход достоин восхищения. Поэтому я сделал решительный шаг. Я сказал, что, по моему мнению, прежде чем выходить на следующие выборы, мы должны будем доказать, что мы кое-что сделали для пенсионеров по возрасту — это было серьезной проблемой на выборах 1987 года.

Мне не удалось сказать больше ничего. Она забросала меня множеством статистических данных, которые прекрасно помнила. Разве я не знаю, что средние доходы пенсионеров выросли на 50 % с 1979 года, что сейчас уже не одна треть, как раньше, а две трети выходящих на пенсию имеют дополнительные источники доходов, не ограничиваясь пенсией по национальному страхованию и т. д., и т. п.? (На самом деле я знал обо всем этом ничуть не меньше, чем она сама, но это было не совсем то, о чем я хотел сказать.) Монолог продолжался, наверное, минут двадцать, и уже перешел на более общие вопросы, касающиеся контроля со стороны Казначейства и насколько он важен. Мои коллеги сидели неподвижно, как парализованные, а диатриба только прибавляла в силе. Некоторые исподтишка перевели взгляд на меня, хотя и не решались повернуть в мою сторону голову — в их взглядах я читал ужас, ожидание с затаенным дыханием, но не сочувствие.

Было ясно, что я совершил “государственное преступление”, и теперь целиком и полностью заслуживал быть брошенным на растерзание львам. Наконец энергия вулкана, казалось, иссякла. Не оставалось ни времени, ни желания, ни, я подозреваю, сил обсуждать что-либо еще. Мы молча вышли шеренгой — я и, в меньшей степени, подозреваю, все мы чувствовали легкое головокружение.

Конечно, я переоценил приглашение к выражению несогласия, как бы уважительно и осторожно я ни пытался его высказать. Я попался в ловушку, поставленную Мао Цзэдуном, когда он начал свою “кампанию сотни цветов” и просил лояльных членов партии высказывать любые жалобы, какие у них были, и выступать с критикой. Разница состояла в том, что жертвы Мао были вскоре ликвидированы физически, а Маргарет оставалась чрезвычайно дружески настроенной при встречах со мной в коридорах и было ясно, что она не наложила вето на мое назначение личным парламентским секретарем. Кроме того, это был не последний раз, когда я решил выступить с комментариями или предложениями. Но реакция была всегда предсказуемо одной из двух: либо она уже подумала об этом сама, либо это была глупая идея. Возможно, порой это так и было. Но при всем моем огромном уважении к Маргарет и восхищении ею я начал жалеть ее коллег по Кабинету. Кроме того, я начал бояться, что при том, что Маргарет несет такой огромный груз работы и самостоятельно принимает столь многочисленные решения, затрагивающие как близкую, так и отдаленную перспективу, может статься, что в какой-то момент будет допущена какая-нибудь ужасная ошибка.

Мое второе воспоминание связано с окончанием ее пребывания на посту Премьер-министра. В партии все знали, что я поддерживаю Майкла Хезелтайна в его борьбе за лидерство. Я никогда не скрывал своих взглядов от Питера Моррисона, личного секретаря Маргарет, от парламентских партийных организаторов или от кого-либо еще в Палате. Но мне казалось, что будет малодушием оставить все как есть, тем более что я искренне восхищался многим из того, за что она выступала, и сознавал историческое величие ее личности, а также несколько пугающую серьезность того, что мы были готовы вот-вот сделать. Поэтому я написал ей личное письмо, в котором выразил искреннее восхи-

щение ею и объяснил, почему я посчитал нужным голосовать против нее и принимать участие в кампании, поддерживающей другого кандидата. Я написал, что мне кажется, что ее политика по вопросу о Европе привела к непоправимому расколу партии и противоречит ее собственному Закону о единой Европе и что, хотя мы остаемся в Европейском сообществе (как это тогда называли), эта политика мешает нам оказывать реальное влияние внутри него, тем самым неизбежно лишая нас возможности оптимизировать национальные интересы. Кажется, я добавил, что мы утратили историческую возможность стать во главе Европы.

Конечно же, я отнюдь не ожидал никакого ответа. В условиях эмоционального стресса и травмы, которые существовали в тот момент, любой другой политический лидер, я абсолютно уверен, просто швырнул бы письмо в ближайшую корзину для бумаг. Я ни минуты не сомневаюсь в том, что я и сам поступил бы точно так же. Но спустя два дня после второго раунда голосования, когда у нее не могло быть никакого политического или скрытого мотива, чтобы пытаться расположить меня к себе, я получил устное письмо, написанное ею собственноручно. Я хорошо помню, какое удивление испытывал, вскрывая конверт. Мои разноплановые эмоции снова, хотя и по другим причинам, вызвали у меня состояние, близкое к головокружению. Но на этот раз, когда я думал о Маргарет Тэтчер как о личности, за которой стоит ее общественное величие, я мог только изумляться.

СЭР РИЧАРД БОДИ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ БОСТОНА И СКЕГНЕССА

Ветеран-“заднескамеечник”, сэр Ричард Боди является депутатом парламента с 1955 г. Сначала он был избран от Биллерикей (до 1959 г.), затем от Голланда и Бостона (с 1966 по 1997 г.), а с 1997 г. — от Бостона и Скегнесса.

При дворе Маргарет

Впервые я встретился с Маргарет Робертс в 1949 году, в то время она работала в химической компании “Ай-Си-Эс” в Меннингтри, графство Эссекс. Она помогала мне как кандидату-консерватору на выборах в Совет Лондонского графства, на которых я выступал от Дептфорда.

Тогда еще телевидение не играло решающую роль в нашей предвыборной кампании, агитация была ограниченной, а встречи с широкими массами проходили каждый день: по вечерам — в залах, а в дневное время — на улицах.

Маргарет агитировала на улице неподалеку от станции “Нью-Кросс”, выступая в час пик перед десятками жителей пригорода, работающих в городе и едущий на работу поездом, на их пути домой, и я хорошо помню ее стоящей с микрофоном около машины с громкоговорителем.

Воспоминания не стираются из моей памяти. Возможно, это было первое ее уличное выступление, но трудно было заметить, что она волнуется. Она говорила со скромностью и искренностью, и производила на наблюдавших за ней впечатление серьезности и

убежденности. Ее речь была, возможно, слишком интеллектуальна для аудитории проходящих мимо пешеходов, но довольно многие задерживались, чтобы послушать ее убедительные аргументы.

В те дни почти каждая такая встреча с избирателями сопровождалась довольно частыми выкриками из публики, которые перебивали оратора. Во многих отношениях это было гораздо более демократичной формой ведения предвыборной кампании, чем та, что применяется сейчас, поскольку оратор должен был обладать большим мастерством, и если он пасовал перед теми, кто его перебивал, аудитория быстро теряла интерес, а если встреча проходила на улице, то толпа быстро рассеивалась. К ее чести, в тот вечер, когда она выступала около станции “Нью-Кросс”, такого не случилось.

Я очень жалею, что мы не пригласили ее выступить на многочисленных встречах с избирателями в залах, которые тогда проводились по всему округу, поскольку она отлично ориентировалась в том, о чем говорила, и у меня нет ни тени сомнения, что она была бы достойным противником любого выскочки из аудитории.

В те дни я не раз встречался с Маргарет. Мы оба принадлежали к организации молодых консерваторов и были перспективными кандидатами в парламент. Мы регулярно посещали еженедельные заседания Ассоциации кандидатов в парламент. На одном из ужинов, последовавших после такого заседания она сидела за столом рядом с Тедом Хитом. Припоминаю, что он был очень весел, а она молчалива, но внимательно слушала все, о чем говорили за столом.

Было и много других случаев. Я помню, что она была неизменно внимательна к другим людям, кто бы это ни был и каковыми бы ни были обстоятельства.

Позднее мы отправились изучать барристерскую практику, и оба стали учениками мастеров по уголовным делам. В те дни было только пять коллегий судей, где были специалисты по уголовным делам, общей численностью не более шестидесяти. Теперь, следует заметить, их число увеличилось примерно в двадцать раз.

В то время в Оулд Бейли (Центральном уголовном суде в Лондоне) заседало только четыре суда, и молодому барристеру

редко поручали дела, таким образом, путь на лондонские сессии проходил через “Элефант” или “Касл”. Ей не нравилось спускаться в грязные камеры, чтобы оказывать адвокатскую помощь рецидивистам. Еще хуже бывало, когда возникала нужда в защите по назначению. В таких случаях все, кто не смог отвертеться от этого, сидели в первом ряду скамей для барристеров; как правило, там нас было около дюжины, поскольку остальные подающие надежды молодые барристеры толпились внутри, а рецидивисты появлялись из камер и, тяжело ступая, шли по направлению к адвокатским местам, чтобы стать перед барристерами, зажав в руке свои 2 фунта стерлингов, 4 шиллинга и 6 пенсов. После этого клиент устремлял свой взгляд вниз, оцупывая им свежеизготовленные парики, часто ведя пальцем по ряду вслед за своим взглядом, а потом заявлял: “Я беру его”. Или в случае Маргарет: “Я беру ее”.

Поэтому она, что естественно, отвернулась от такой жизни и перешла в более подходящий в интеллектуальном плане мир налоговых палат.

На всеобщих выборах 1955 года мне повезло больше, чем ей, и когда я надумал уступить место депутата от Биллерикея, решив сконцентрироваться на барристерской практике вместо парламента, она подала заявку на участие в конкурсе на мое место в округе, хотя я не советовал ей идти туда. Она была одной из двенадцати отобранных для интервью, но к счастью отказалась. После этого она продолжила борьбу, и была отобрана в кандидаты от Финчли, но если бы ей посчастливилось в Биллерикее, ее будущее могло бы быть совсем другим, потому что грядущее поражение в этом округе было бы неизбежным.

РОБЕРТ КЕЙ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ СЕЛИСБЕРИ

Роберт Кей является депутатом парламента от Селисбери с 1983 г. Он занимал ряд министерских постов в правительствах Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора. Он был членом Специального комитета по обороне, а с 1997 г. является теневым министром обороны.

Кастелянша?

Впервые я встретился с Маргарет Тэтчер, когда работал учителем в школе “Харроу”, а ее сын Марк был в ней учеником. Она была одной из множества политиков-консерваторов, направивших детей учиться в школу, где обучался Уинстон Черчилль. В 70-х, кроме Тэтчеров, учениками школы “Харроу” были молодые люди с фамилиями Макмиллан, Хезелтайн, Модлинг, Черчилль, Оппенгейм и др. Школой заведовали бывший депутат парламента Бобби Аллен (сын которого в течение многих лет служил в персональном офисе на Даунинг-стрит, 10) и Мери Соумс. В разной степени все они поощряли меня и помогали моему становлению в сфере политики.

В качестве учителя-наставника в пансионе при школе я часто контактировал со старшими мальчиками и их родителями. Сын Маргарет Тэтчер Марк был в Брадбисе, и его учитель-наставник Алан Сенкей был милым, усердным и обходительным. Как-то после ленча он шел по направлению к вестибюлю пансиона, и встретил там женщину, ожидавшую встречи с заведующим пан-

сионом. Он спросил, не пришла ли она справиться по поводу вакансии кастелянши. Какая незадача — он не узнал министра просвещения! Эта побасенка может нам кое-что сказать об этом поколении политиков, которые просто доверяли избранным ими школам с их учителями и не рассчитывали ни на какое особое отношение с их стороны.

Моя фамилия была внесена в список кандидатов в 1975 году, и я соперничал на выборах с Френком Добсоном в Холборне и Южном Сейнт-Панкрасе в 1979 году. Наша долгожданная дочка Хелен родилась как раз перед всеобщими выборами того года, и ее второе имя — Маргарет! Впервые Хелен встретилась с Маргарет в день перед голосованием на всеобщих выборах 1983 года. Либералы провозгласили, что Селисбери принадлежит к числу главных десяти округов, на которых они рассчитывают победить (и им до того всегда это удавалось!), а поскольку я был новым кандидатом в своем родном городе, руководство Центрального офиса предложило Премьер-министру приехать с коротким визитом в Селисбери. Ее вертолет приземлился на аэродроме “Олд Сарум”, и она проехала автобусом на площадь Гильдхолл-Сквеа, где ее ожидали больше 10 тысяч людей. В центре площади стоял “ленд-ровер”, предоставленный моим другом — фермером Ричардом Круком. В нем находилось все семейство Кеев, включая четырехлетнюю Хелен. Маргарет триумфально прошла сквозь толпу, и когда она села в автомобиль, один из друзей спросил Хелен, чем этот день был особенным для нее. “После всего я пойду купаться”, — пропищала она. Мы победили в округе со значительным перевесом!

Осенью 1984 года я получил загадочное послание на доске объявлений для депутатов, в котором меня просили срочно связаться с главным парламентским организатором партии. Что я такого сделал? Он объяснил, что в партии тори есть старая традиция предоставления почетного личного парламентского секретаря бывшим премьер-министрам. Не соглашусь ли я занять эту должность при Теде? Я понимал, что это было небезопасно.

Я рискнул. Было бы ошибочно утверждать, что я никогда об этом не пожалел — это было бы неверно истолковано некоторыми представителями прессы и уж наверняка — многими людьми

в Селисбери! Однако так я узнал очень многое не только о Теде Хите и его убеждениях и представлениях, но и о Маргарет Тэтчер. Одной из моих обязанностей было исполнение роли посредника. Однажды лейбористы поставили вопрос о доверии правительству. Тед в то время был в Израиле, и в дополнение к политической программе его поездки согласился дирижировать большим симфоническим оркестром в Иерусалиме. Я получил задание от главного парламентского организатора партии сообщить Теду, что он должен вернуться в Лондон. Сам он не мог с ним связаться.

А я смог! Он был на выезде, в пустыне, но мне все же удалось переговорить с ним. Он сказал, что не приедет. Я спросил, можно ли передать на Даунинг-стрит, 10, что если бы он мог приехать, то поддержал бы правительство при голосовании по вопросу о доверии правительству.

Он согласился и разрешил мне также дать соответствующую информацию в прессу. Я позвонил на Даунинг-стрит, 10 и переговорил с личным парламентским секретарем Маргарет. Он вынужден был признать, что альтернативы тут не было!

Маргарет всегда охотно шла навстречу. Она неизменно выслушивала обоснованные аргументы с замечательным вниманием, полностью сосредоточившись на вопросе и сверля вас своими глазами, как пучком лазерных лучей. Она выслушивала, и если приходила к выводу, что вы правы, то поддерживала вас. Со мной такое случилось дважды.

В первый раз это произошло, когда мы с группой единомышленников были абсолютно уверены в глубокой несправедливости отсутствия финансирования помощи больным гемофилией, инфицированным вирусом иммунодефицита при переливании им зараженной крови в учреждениях Национальной службы здравоохранения. Обезумевшая от горя мать из Селисбери пришла ко мне, чтобы рассказать, что ее маленький сын, младший школьник, был инфицирован таким образом. Другие родители, узнав об этом, возражают против того, чтобы их дети посещали ту же школу, в которую ходит ее больной сын. Это было совершенно ужасно. Я в составе небольшой группы депутатов-консерваторов, обошел всех — от парламентского заместителя министра до госсекретаря по здравоохранению, — но все тщетно. Джон Хеннен убедил

нас, что нам нужно обратиться на самый верх. Мы так и сделали. Маргарет встретила с нами в своем небольшом кабинете на верхнем этаже резиденции на Даунинг-стрит. Она захлопнула свою знаменитую дамскую сумочку, положила ее на пол и полностью сосредоточилась на том, что мы говорили, излагая свое дело. Хотя политический отдел Даунинг-стрит, 10 и Министерство здравоохранения информировали ее по этому вопросу, она никогда не рассматривала его под нашим углом зрения. Она убедилась, что мы правы. На следующий день в Палате общин было распространено заявление, в котором сообщалось о безвозмездном выделении существенной суммы денег для создания трастового фонда, которым будет распоряжаться Общество гемофилии. Многим из нас известно, что в глубине души Маргарет — сострадательная женщина.

Во второй раз, в ходе нескончаемой саги о том, что нам делать с памятником древности “Стоунхендж” (а он расположен на территории моего избирательного округа) — проблемы, которую не смогли разрешить ни Маргарет Тэтчер, ни Джон Мейджор, ни Тони Блэр, — я был уверен, что ее неверно информировали в Министерстве обороны, которому принадлежали большие участки земли вокруг него. Местоположение нынешнего центра “Английского наследия”, который так любят посетители, было неприемлемым для жителей. Я приложил огромные усилия, пройдя сквозь коридоры Уайтхолла, и добился, что Премьер-министр согласилась принять меня. Мы встретились в ее кабинете в Палате общин. Я пришел, вооруженный картами, так что вскоре она уже стояла, упираясь коленями и локтями, на ковре, и слушала из моих уст изложение проблемы. Она согласилась со мной. Вопрос был решен.

Этот уровень доступности, внимания к деталям и сочувствия были составляющими чуда, сделавшего Маргарет великой. Так было, когда она находилась не пике власти. К концу своего срока она стала менее доступна, и я уверен, что это вызвало разочарование ее стилем. Она установила столь высокие стандарты, что выдерживать их целых десять лет было просто невозможно. И ее преемник, Джон Мейджор, так и не смог достичь уровня доступности, присущего ей.

После того, как я проработал четыре года неофициальным личным парламентским секретарем Теда Хита, затем Алика Баченен-Смита, а потом и Криса Паттена, настало мое время. В 1990 году я был членом Совета по медицинским исследованиям. Я исполнял обязанности, работая с Крисом Паттеном (который был госсекретарем по вопросам окружающей среды), и сложилось так, что мне обязательно нужно было поехать на заседание Совета по медицинским исследованиям в Лондон, несмотря на то, что это совпало с разгаром партийной конференции в Бернмауте. Я вскочил в лондонский поезд, но как только прибыл на заседание Совета по медицинским исследованиям в Кресцент-Парке, как регистратор сказал, что меня просили немедленно перезвонить личному секретарю Криса Паттена. Он получил задание привезти меня и уже выехал за мной на правительственной машине. Приехав, личный секретарь спешно усадил меня в машину и повез на вокзал "Ватерлоо", где мне пришлось сесть в поезд и вернуться в Бернмаут. Там меня должен был встретить главный констебль и отвезти прямо к Премьер-министру. Что бы все это могло означать? Личный секретарь хранил молчание. В Бернмауте меня действительно встретил старший констебль, который усадил меня в свой "ягуар" и отвез в гостиницу "Хайклифф". Там меня препроводили наверх, в скромный номер Маргарет Тэтчер, где мне был задан вопрос, готов ли я стать членом ее правительства. Что человек может сказать в ответ? "Да, Премьер-министр. Большое спасибо. Я Вас не подведу". И я действительно не подвел. Через несколько месяцев ее лидерство в партии было оспорено, но я, конечно же, голосовал за Маргарет.

К тому моменту, когда я спустился по гостиничной лестнице, слегка онемевший от мысли о том, что я теперь покорный министр Короны, мир уже знал о моем назначении, и меня окружила пресса. Неожиданно море камер расступилось, и я увидел Теда Хита. Он подошел ко мне и, широко улыбаясь, сказал: "Поздравляю тебя, бедный гомик!" — и пошел прочь.

СЭР ДЖОН СТЕНЛИ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ТОНБРИДЖА И МАЛЛИНГА

Достопочтенный сэръ Джон Стенли, депутат парламента, был парламентским личным секретарем Маргарет Тэтчер с 1976 по 1979 г. После этого он занимал посты министра жилищного фонда и строительства, министра вооруженных сил и государственного министра по делам Северной Ирландии.

Где седьмая страница?

Вопреки своему имиджу дамы, орудующей своей сумочкой, Маргарет была лучшим из всех моих боссов.

Судите о своем боссе по тяжелым для себя дням, а не по хорошим. Самый тяжелый для меня день наступил во время поездки в выходные дни в Восточную Англию, в самый центр района Болот¹. В субботу, в середине дня, Маргарет должна была выступить с речью для воскресных газет в мэрии городка Айл-оф-Эли, в округе, который в то время представлял Клемент Фрейд. Незадолго до полудня мы расположились лагерем в близлежащей гостинице, чтобы Маргарет могла в последний раз перед выступлением пройтись по своей речи, страница за страницей.

Вдруг она подняла глаза и сказала: “Джон, у меня не хватает седьмой страницы”. Кровь застыла в моих жилах. “Я уверен, она там, Маргарет”, — отвечал я с ничем не оправданной уверенностью. Лихорадочные поиски по портфелям всех присутствующих

¹ Болота — низкая болотистая местность в Кембриджшире и Линкольншире (прим. переводчика).

не навели на след исчезнувшей страницы. “Какая неприятность, Маргарет, — с сожалением мямлил я, — седьмая страница, видимо, осталась в Лондоне”. “В таком случае, — ответила Маргарет, без злости, но незаметно для себя переходя на королевское “мы”. — Мы должны будем ее вспомнить, не так ли?”

Спустя несколько минут мы отправились в мэрию. Я прокрался за Маргарет, отчаянно волнуясь. Она начала свою речь с обычной для нее уверенностью, плавно, но моя тревога усиливалась по мере того, как она приближалась к зияющей пропасти отсутствующей седьмой страницы. Конечно же, мне не следовало беспокоиться. Без тени заминки или наименьшего изменения стиля изложения седьмая страница в точности выплыла из глубин необыкновенной, подобной компьютеру памяти Маргарет, и через несколько мгновений она уже добралась до “твердой почвы” восьмой страницы и шла дальше.

Я приготовился к взысканию, целиком заслуженному. Наказанием мне могла бы послужить немедленная ссылка в “заднескамеечники”, что в британской политике равнозначно расстрелу на рассвете. Но выстрел не раздался, и Маргарет никогда не упоминала о непрофессионализме, допущенном мною, ни в тот уик-энд в Болотном краю, ни когда-либо позже, проявив пример настоящего великодушия.

Тех из нас, кто удостоился привилегии работать с лидером оппозиции, именно личная доброта и внимательность Маргарет, а также ее вдохновляющие политические способности побуждали работать ради нее день и ночь вплоть до того, как в мае 1979 года наступил незабываемый момент, когда, уже будучи на Даунинг-стрит, 10, мы имели удовольствие приветствовать ее по возвращении из Дворца и впервые назвать “Премьер-министром”.

ДЖОН УАЙТИНГДЕЙЛ

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ МЕЛДОНА И ВОСТОЧНОГО ЧЕЛМСФОРДА

Джон Уайтингдейл был политическим секретарем Маргарет Тэтчер с 1988 по 1990 г. и ее личным секретарем с 1990 по 1992 г. В настоящее время он является парламентским личным секретарем Уильяма Хага.

Этот попугай скончался

Среди разных дел Премьер-министра больше всего времени тратилось на написание речей. Каждая речь проходила, по крайней мере, через десять вариантов проектов, а для важных речей проектов писалось намного больше. Как политический секретарь Маргарет Тэтчер я должен был координировать подготовку речей для партийных конференций. Мой год состоял из нескольких четко очерченных этапов: съезд Центрального совета, конференция в Шотландии, конференция местного самоуправления, конференция женщин и наиболее важная — партийная конференция в октябре.

Работа по подготовке речи для партийной конференции обычно начиналась за месяц до ее начала. На предварительном совещании Премьер-министр обычно высказывала свои соображения относительно того, какие вопросы должны подниматься в речи. Обычно это происходило в форме непрерывного потока мыслей Тэтчер, которые наша штатная команда спичрайтеров, а также приглашенные мною со стороны эксперты затем превращали в проект речи. Вопросы распределялись между спичрайтерами, после

чего они обычно отправлялись готовить параграфы, которые впоследствии включались в текст речи. Как только мы получали все фрагменты, они собирались в черновой вариант структуры, и начинался процесс уточнения и доработки.

Это был процесс, занимающий чрезвычайно много времени, и по крайней мере один раз за время подготовки каждой речи Премьер-министр теряла веру во весь этот труд, говорила нам, что все это никуда не годится, и требовала начать все сначала. Следующие несколько часов обычно уходило на то, чтобы слегка пощипать части, а потом снова составить их вместе, заверяя ее, что они полностью переработаны. В начале подготовки каждой речи мы собирались раз в неделю. Потом совещания проводились ежедневно, а затем весь уик-энд перед конференцией проходил в Чекерс за работой над текстом.

Когда мы приезжали в Блекпул, Бернмаут или Брайтон, мы все время проводили в комнате Премьер-министра, окруженные бумагами, причем те, кто писал проект речи, побуждали основную команду высказывать свои замечания и предложения по улучшению текста. Единственное слово критики, сказанное не вовремя, могло перечеркнуть недели работы, и моя задача состояла не только в том, чтобы задействовать и поощрять пишущих, но и в том, чтобы удерживать некоторых от деструктивной критики, пусть даже высказанной из лучших побуждений. В среднем речь на партийной конференции длится около сорока минут. Я работал над тремя из них, и в каждом случае Маргарет Тэтчер тратила никак не меньше восьмидесяти часов, работая над текстом, — по два часа на каждую минуту. Те же, кто фактически писал речи, тратили на это еще больше времени.

Самой сложной и наиболее важной частью речи всегда были шутки. Маргарет Тэтчер, естественно, не комик, и ее чувство юмора развито не очень сильно. Однако она сознавала, что без шуток речь была бы плоской и скучной. Поэтому хороший юморист ценился превыше всего. В нашей основной команде было два главных автора шуток — покойный сэр Ронни Миллар и Джон О'Салливан, журналист и комментатор, задействованный Политическим отделом Даунинг-стрит, 10. Их стиль был совершенно разным, и каждый из них приносил свой особый тип

юмора. Однако и в том, и в другом случае часто приходилось убеждать Маргарет Тэтчер, что написанное ими действительно смешно.

Речь на партийной конференции 1990 года была особенно важна. Маргарет Тэтчер подвергалась массивным нападкам, к тому же она недавно пережила отставку своего канцлера Найджела Лоусона. Ее речь должна была быть лучшей из всех, когда-либо произнесенных. За несколько дней до конференции либеральные демократы обнародовали свой новый партийный символ. Предполагалось, что он будет представлять собой птицу, поднимающуюся на крыло, но в мозгу Джона О'Салливана она тотчас превратилась в мертвого попугая. Он решил, что напишет раздел речи, высмеивающий либеральных демократов, и включит в него отрывок их скетча шоу "Монти Пайтон" о мертвом попугае. Каждый, кто знаком с шоу "Монти Пайтон", признает, что это была классная идея и должно было получиться очень смешно. К сожалению, Премьер-министр никогда не слышала о "Монти Пайтон".

Когда мы занялись чтением проекта речи, госпожа Тэтчер остановилась, дойдя до раздела о мертвом попугае и взглянула на Джона О'Салливана так, будто он совершенно сошел с ума. Мы знали, что это произойдет и поэтому заранее выработали стратегию поведения. "Это, — пояснил я, — один из наиболее известных комедийных скетчей. Его тотчас же узнает каждый из присутствующих в зале". Я был не совсем уверен в этом последнем моменте, зная аудиторию консерваторов, но все, находящиеся в комнате, настаивали, стараясь убедить Премьер-министра в том, что это будет хит ее речи.

Шутка пережила эту читку текста речи, но я заметил, что убедить ее не удалось. Всякий раз, когда мы потом доходили до раздела о попугае, она останавливалась и говорила: "Вы уверены, что это смешно?" После третьей или четвертой читки она попробовала новую линию. "Мне нужно посмотреть скетч, — сказала она. — Если я собираюсь говорить об этом, я должна выработать абсолютно точный тон". В то время у меня дома была видеокассета с фильмом "Монти Пайтон" под названием "А теперь кое-что совсем другое", в который вошел скетч о мертвом попугае, и я принес ее в офис на следующий день.

Вот тогда и наступил один из наиболее сюрреалистических моментов за все время моего пребывания на Даунинг-стрит, 10. В моем кабинете сидели и смотрели скетч о мертвом попугае Маргарет Тэтчер, Джон О'Салливан, Робин Харрис, который также помогал с написанием речи, Питер Моррисон, ее личный парламентский секретарь, и я. В любое время это был очень смешной скетч, а абсурдность ситуации сделала его еще более забавным, и я и трое других находили его настолько веселым, что по нашим щекам катились слезы от смеха. Но Маргарет Тэтчер чувствовала себя все более озадаченной. Этот юмор был не в ее духе, и ей трудно было понять, почему мы так сильно смеемся. Однако поскольку мы все действительно смеялись, она поверила, что это должно быть забавно, и, будучи настоящим профессионалом, постаралась усвоить, на чем нужно сделать акцент, а также подобрать тональность, напоминающую тон Джона Клиса. Она справилась с этим блестяще и вскоре уже могла без заминки произнести знаменитые строчки: "Этот попугай скончался. Он преставился. Он весь вышел, предстал перед Создателем".

В течение всего времени, оставшегося до конференции, Премьер-министр нуждалась в постоянных заверениях в том, что людям эти строчки действительно будут казаться смешными. Совершенно очевидно, что она все еще была полна сомнений. Однако мне удалось переговорить с достаточно большим количеством людей из тех, кого она могла спросить об их мнении, и в конце концов она обрела уверенность. Всякий раз, когда мы прогоняли текст речи, я ловил себя на том, что смеюсь над пассажем, который привел Премьер-министра в замешательство.

И вот наконец настал день произнесения речи. Работа над текстом была закончена, он был отпечатан для телесуфлера и мы провели последнюю репетицию, на которой она практиковалась в чтении и расстановке интонаций в речи. Однако пока мы ждали ее выхода на сцену для произнесения речи, она все еще беспокоилась насчет того пассажа и искала причин, почему он может не сработать. Как раз перед тем, как ей нужно было ступить на сцену, у нее в голове возникло еще одно сомнение. Она взглянула на меня и сказала с тревогой: "Джон, а Вы уверены, что Манти Пайтон — один из наших?"

Попытаться объяснить ей, что Монти Пайтона на самом деле не существует, значило бы поставить под сомнение успех всей речи. Поэтому я даже не стал пробовать, а вместо этого сказал ей: “Абсолютно, Премьер-министр. Он наш горячий сторонник”. Успокоенная таким образом, она взошла на платформу, чтобы произнести речь. Она сделала это просто мастерски, а когда произносила слова о мертвом попугае с отлично расставленными комическими акцентами, то вызвала такой шквал смеха, как никогда раньше.

ЭНН УИДДКОМБ

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТЕНЕВОГО КАБИНЕТА

Энн Уиддкомб является депутатом парламента с 1987 г. Она занимала пост парламентского заместителя министра в правительстве Джона Мейджора, а с 1988 г. стала членом Теневого кабинета. В настоящее время она занимает пост министра внутренних дел. Недавно издательством "Уиденфельд энд Николсон" опубликован ее первый роман "Дерево-ломонос".

Возможность для фотографирования

Восьмидесятых, когда кампания за ядерное разоружение была в самом разгаре, я помогала леди Ольге Мейтленд в создании организации, известной как "Женщины и семьи за оборону". Мой вклад состоял в том, что я написала брошюру "Путеводитель по вопросам обороны для неспециалистов". Наша группа решила, что это мог бы быть подходящий случай для фотографирования с Премьер-министром и обратилась к ней с просьбой о встрече. Маргарет Тэтчер согласилась встретиться с нами, но, как это было у нее принято, пригласила прийти до завтрака, причем в тот день выдалось исключительно темное зимнее утро. Чуть свет мы с трудом дотащились на Даунинг-стрит, 10, а Премьер-министр, принимая нас, выглядела так, будто бы только что вышла из салона красоты. Она очень живо интересовалась тем, что мы делаем.

Когда мы уже пробыли на Даунинг-стрит, 10 около десяти минут, раздался звонок в дверь, и на пороге появилась Эдвина

Керри. В шляпе! Она никогда не была активным членом нашей группы, никто из нас не знал даже приблизительно, что она там вообще делает. И пришедшая в замешательство Ольга, которой довелось отказать семи членам группы в возможности присутствовать на встрече с Премьер-министром из-за очень строгих ограничений в численности, была вынуждена спроваживать эту внушительную даму с порога резиденции.

Мы ожидали, что нам будет предоставлена пятиминутная аудиенция, но госпожа Тэтчер уделила нам почти час.

МАЙКЛ БРАНСОН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ "АЙ-ТИ-ЭН" с 1986 по 2000 г.

В настоящее время внештатный тележурналист, Майкл Брансон был наиболее известным "лицом" телекомпании "Ай-Ти-Эн" в течение 14 лет. Предлагаемый отрывок взят из его автобиографии "Из первых рук", опубликованной издательством "Ходдер энд Стаутон".

Вы поняли, господин Брансон?

Моя первая в жизни встреча с Маргарет Тэтчер, которая произошла почти за год до того, как она стала Премьер-министром, была бурной и поэтому запомнилась. Я только что вернулся в Великобританию после того, как некоторое время проработал корреспондентом "Ай-Ти-Эн" в Вашингтоне, и мне уже сказали, что меня назначили репортером, который будет освещать предстоящую кампанию всеобщих выборов.

В январе 1978 года, будучи лидером оппозиции, она дала обширное телевизионное интервью, во время которого ей задали вопрос о проблеме иммиграции. Маргарет Тэтчер дала ответ, который впоследствии описывала как "чрезвычайно мягкое замечание". Вот ее длинные слова: "Британцы действительно довольно сильно напуганы тем, что нашу страну может захлестнуть поток людей, принадлежащих к иной культуре". Другие немедленно оценили ее замечание, а в особенности употребленное ею слово "захлестнуть" как далеко не мягкое, заподозрив в нем отзвук пресловутых "рек крови" из речи Инока Поуэлла, произнесенной им десятью годами раньше.

На следующий день госпожа Тэтчер должна была проводить мероприятие в рамках предвыборной кампании кандидата-консерватора на дополнительных выборах в округе Северный Илфорд, к востоку от Лондона. Я немедленно предложил редактору новостей "Ай-Ти-Эн" послать меня освещать это мероприятие. Штаб-квартира кампании консерваторов по дополнительным выборам оказалась расположенной в помещении старого кафе, некогда ресторана "Семь дорог", сохранившего это название, так как вход в него находился рядом с окружной дорогой, ведущей на массивный холм Джентс-Хилл. Пресс-конференция должна была состояться в большой, чрезвычайно угрюмой комнате, от пола до потолка увешенной когда-то темно-бордовыми, а теперь сильно выцветшими занавесями, которые во времена расцвета заведения были предметом его гордости.

На пресс-конференцию собралось на удивление мало людей: кроме меня присутствовало только пять или шесть журналистов. Благодаря этому мне удалось в самом начале пресс-конференции задать вопрос о вчерашнем интервью, и я полагал, что будет вполне естественно спросить, не жалеет ли она о том, что подняла этот вопрос.

Последовало извержение вулкана. Она вовсе не поднимала этот вопрос. Как я мог сказать, что она подняла вопрос? Просто ей задали вопрос, и она ответила как можно более честно и прямо. О чем я вообще говорю? Как я мог задать ей такой вопрос?

Оглушенный, я предоставил другим не менее моего изумленным представителям журналистского корпуса взять слово, и они быстро перешли на обсуждение местных дел. Пресс-конференция завершалась, и я полагал, что дело исчерпано. Но ошибался.

Когда она делала заключительные замечания, снова началось извержение вулкана. Госпожа Тэтчер заявила, что она хочет сказать пару слов о средствах массовой информации. И она сделала то, что президент Миттеран, говорят, как-то назвал "глазами Калигулы", грозно скосив глаза в моем направлении. Она хочет, чтобы журналисты знали, что она всегда тщательно готовится к пресс-конференциям, и что если мы хотим, чтобы нас считали профессионалами, то она надеется, мы тоже будем готовиться. Конечно, она заботится о добрых отношениях со средствами

массовой информации и она была прекрасно подготовлена к ответу на этот вопрос, как и на любой другой. Она всегда была и всегда будет готова к этому, но при одном условии: вопросы должны быть точными и должным образом основываться на фактах. Мы поняли это? Это сказано понятно? Закончив тираду, она покинула зал.

Чтоб мне провалиться! И с этой женщиной мне придется иметь дело при всех трудностях всеобщих выборов? Однако вскоре я понял, что это был исключительно полезный опыт. Он позволил мне с самой первой нашей встречи получить четкое представление о том, как действует Маргарет Тэтчер. Кроме всего прочего, он показал мне, сколь сильно она полагалась на старую пословицу о том, что нападение — лучшая форма защиты. Для этого нужно, как, к примеру, в то утро в Илфорде, ухватиться за маленький технический момент (подняла она сама этот вопрос или просто отвечала на него) и использовать его для того, чтобы защитить себя. Все это пригодилось мне не только во время кампании 1979 года, но и в последующие годы, когда мне неоднократно доводилось с ней встречаться.

СЭР ЭДВАРД ДЮ КАНН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ТОНТОНА с 1956 по 1987 г.

В прошлом выдающийся депутат-консерватор, Эдвард дю Канн представлял округ Тонтон более тридцати лет. За это время он занимал многочисленные посты в Консервативной партии и во многих комитетах Палаты общин. В 1995 г. он был возведен в дворянство.

Значительность

Будучи активным сторонником Маргарет Тэтчер с момента ее избрания лидером Консервативной партии в 1975 году и Премьер-министром четырьмя годами позже, я сохранил тысячу отчетливых воспоминаний о ней.

Многие люди — депутаты парламента и другие — так же, как я, с восхищением наблюдали на официальных и полуофициальных мероприятиях, как она стояла, полная решимости, негибаемая, около ящика для депеш в Палате общин, разя тех, кто пытался осмеять ее; с каким энтузиазмом встречали ее депутаты парламента — члены Консервативной партии на партийных конференциях; как она посещала (я прекрасно помню эти случаи) собрания “Комитета-1922”, в который входили депутаты-“заднескамеечники” из тори, и, первая среди равных, старалась заполучить, заслуживала и добивалась надежной поддержки членов комитета во все те годы, когда я был его председателем.

И в первые дни после ее избрания лидером, и даже когда она выиграла всеобщие выборы в 1979 года и стала Премьер-министром, это не всегда было легко.

Ее достижения как Премьер-министра значительны. Воспоминания о ее победах, которые были одновременно успехами нашей страны, выдерживают испытание временем, что делает ей честь.

У меня есть также множество частных воспоминаний, которые иногда посещают меня. Большинство из них носят личный характер и должны оставаться такими. Но не все.

Я помню, как я впервые встретился с ней в 1950 году на собрании кандидатов в депутаты от Консервативной партии. Это были преимущественно мужчины. Все мы недавно демобилизовались, имея за плечами опыт службы в вооруженных силах в военное время. Ныне покойный Эйри Нив, в то время только что сложивший с себя обязанности прокурора на Нюрнбергском процессе, был нашим секретарем и организатором собрания. Она была молода, привлекательна, и, естественно, произвела сильное впечатление на этих полных жизни мужчин. Но она демонстрировала исключительную энергичность и готовность к саморекламе, что несколько обескураживало. Конечно, это было нетипично для ее коллег.

Позднее те из нас, кто стал депутатами, убедились, что одним из ее неизменных положительных качеств была доверчивость.

Когда я был министром Казначейства, она как-то приехала в мой округ на открытие дома для престарелых. Это произошло в те дни, когда она получила свое первое назначение в правительстве. Помню, ее серьезность произвела на моих друзей в Тонтоне большое впечатление и даже повергла их в легкий трепет. В этом кроется парадокс, который никак не преодолеть: социальные вопросы на самом деле всегда были в центре ее внимания, но никто не верил в это настолько, насколько она того заслуживала.

Став лидером Консервативной партии, она потратила много времени на то, чтобы вжиться в этот пост. Палата общин в то время, как и партия, тоже состояла преимущественно из мужчин ("крошки" Блэра еще не были в то время изобретены). Не знаю, легко ли ей было приспособиться к духу товарищества курительных комнат, а ведь именно таким был в то время стиль Консервативной партии в парламенте. Не всегда просто ей было в те первые дни блистать в Палате, но ее решительность, которая была основной ее чертой, помогала ей в этом. Напряженно тру-

дьясь, она, видимо, сумела выработать в себе легкий стиль, благодаря чему валила с ног своих любящих поспорить оппонентов при помощи спутницы оратора — дамской сумочки, полной записей — свидетельств тщательной подготовки, ставшей непременным ее атрибутом.

Припоминаю, в 1975 году я думал, что если Консервативная партия, первая в Британии, выберет своим лидером женщину, это благоприятно скажется на партии, а еще более похвально будет если она станет первой в истории Британии женщиной-Премьер-министром. (Хотя, думаю, феминисткам в нашем обществе ее выдающийся успех никогда не казался привлекательным.) Ее порою давал ей преимущества. Я не раз наблюдал, как депутаты-тори не поднимались с мест и даже прятали руки, когда в комнату входили Эден, Макмиллан или Хит. Когда же входила Маргарет, они всегда поднимались, все как один.

Иногда она вела себя по-диктаторски, возможно, чересчур часто. В конце концов консерваторы в парламенте взбунтовались, последовав примеру одного из ее коллег по Кабинету, который работал в нем продолжительное время и был обязан своей карьерой именно ей. Как раз его личная атака на нее в Палате общин и стала началом конца. Благодарность не является визитной карточкой политики. Я часто удивлялся тому, что некоторые из ее близких коллег по правительству, казалось, никак не реагировали на критику, от которой она никогда не воздерживалась. Она любила спор. Я подозреваю, что им было трудно спорить с женщиной.

Во всяком случае, в одном Маргарет Тэтчер и ее непосредственный предшественник на посту Премьер-министра Тед Хит сделаны из одного теста, — в том, что могли быть замкнуты и холодны даже со своими близкими коллегами, что отличало их от тех из их предшественников, которых я имел возможность наблюдать, а именно Эдена Макмиллана и Хоума. Мой старый друг Эйри Нив, который был неофициальным вдохновителем ее избрания лидером Консервативной партии и возглавлял ее аппарат, пока не пал от рук ирландца в Палате общин, сказал мне как-то, к моему изумлению, что их отношения не были настолько дружественными, как можно было рассчитывать. Лидерство, порою, удел одиночек.

Как председателю "Комитета-1922" мне выпала большая честь быть близким к ней. Она принимала меня с неизменной любезностью. Даже в тех случаях, когда я обращался к ней за тем, чтобы дать частный совет по вопросам, значимым для депутатов-консерваторов, в том числе и вопросам, которые ее не интересовали, она всегда внимательно меня выслушивала, делала записи и, что особенно важно, нередко принимала меры.

Одну из наших встреч я вспоминаю чаще других. Это была последняя наша встреча в Палате, когда я сказал ей, что намереваюсь сложить с себя депутатские обязанности после 31 года пребывания в парламенте. Как всегда великодушная, она пыталась склонить меня передумать. Размышляя вслух, я сказал, что разумнее уйти рано — в таком случае сторонники могут по крайней мере пожалеть об этом, ждать же, пока тебя заставят уйти, глупо. Я сказал ей, что ей и самой нужно будет подумать об этом в свое время. Этот совет, припоминая, казалось, огорчил ее. Теперь я жалею, что не развил эту тему более настойчиво. Если бы она сделала это в подходящий момент, то ей не пришлось бы страдать понапрасну, когда ей в конце концов довелось уйти под нажимом депутатов-консерваторов, голосовавших против нее. Это все можно было и следовало устроить по-другому.

В то время у нее были плохие советчики. Я надеюсь, что в свою бытность членом Палаты общин я никогда не давал ей плохих советов. Во всех случаях, когда мы не могли прийти к согласию, что случалось редко, я и по сей день (спустя столько лет) уверен, что прав был я. Возможно, я перенял эту самоуверенность у нее. Если так, то это был хороший урок, который политику стоило усвоить.

БАРОНЕССА НИКОЛЬСОН

ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ОТ ЗАПАДНОГО ДЕВОНА И ТОРРУДЖА
с 1987 по 1997 г.

Эмма Никольсон известна своим переходом из Консервативной партии в Либерально-демократическую в 1995 г. Она была возведена в пэры как баронесса Уинтерборнская Никольсон в 1997 г. Книга ее мемуаров "Секретное общество" была опубликована в 1996 г. Виктором Голланчем.

Четыре вестминстерские зимы: 1976, 1982, 1984 и 1990 годов

Я полагаю, что, в отличие от премьер-министров-тори XIX и XX века, добившихся наиболее выдающихся успехов, госпожа Тэтчер заблудилась на пути к новому, либеральному, радикальному синтезу. Она заблудилась, как мне кажется, потому, что взрыв бомбы в Брайтоне практически привел к тому, что она заперлась в никсоновском бункере в окружении чересчур усердных активистов-идеологов, отгородив себя от избирателей, которых она должна была видеть, слышать, касаться. ИРА одержала более знаменательную победу, чем казалось в тот момент, когда все радовались тому, что госпожа Тэтчер выжила. Изоляция заставила ее ужесточить политику, а это разрушило унаследованный ею послевоенный консенсус и привело к тому, что воцарился климат стяжательской алчности.

Чтобы проследить ее траекторию, достаточно взглянуть на четыре зимы: 1976, 1982, 1984 годов и несколько дней с четверга по вторник в ноябре 1990 года, когда все это начало рушиться.

В 1876 году, после продолжительной борьбы я была выбрана жертвенным ягненком — я должна была бороться за победу на выборах во втором по силе округе Блит в Нортамберленде, который в 1931 году был свидетелем триумфа моего отца — консерватора-реформиста. Перед лицом верного и несомненного поражения, я зашла за советом к новому лидеру партии в ее кабинет в Вестминстерском дворце.

Эта первая встреча с госпожой Тэтчер явила моим глазам ходящую взад-вперед тигрицу, полную жара и реформистской решимости, преисполненную духом борьбы и рвением к победе над социализмом, чего предполагалось достичь, пойдя прямо в народ. С глазами, сверкающими ярко-голубым светом, золотыми волосами, она излучала женскую энергию, которую мужской истеблишмент тори вне стен своего дома не знал. Она перешла прямо к делу: “Идите от двери к двери, Эмма, дайте им возможность узнать Вас как человека”. Каждый уик-энд я отправлялась на север и жила в дешевой гостинице (три фунта стерлингов за ночлег и завтрак) на Хай-стрит, в то время как мой основной оппонент останавливался в ближайшем пятизвездочном отеле за пределами округа, издавая пресс-релизы, озаглавленные “Клуб работающих мужчин Блита”. В своем лучшем платье я переходила в одиночестве от двери к двери в ветер и снег, чтобы засвидетельствовать почтение избирателям, по всем муниципальным домам, проповедуя ее видение свободы от социалистического контроля, и я победила на выборах, набрав рекордное за столетия для тори количество голосов.

1982 год был отмечен суровой зимой в другом полушарии, которая оказала огромное влияние на карьеру Маргарет Тэтчер, — была угроза, что ее политическая траектория может повернуться перпендикулярно вниз. Я имею в виду зиму (в южном полушарии) 1982 году, когда генерал Гальтери вторгся на Фолклендские острова как раз одновременно с тем, что ее политический рейтинг упал до рекордной отметки и был восстановлен только благодаря профессионализму Британских вооруженных сил в “равной борьбе”, которая стоила тысяч жизней и множества раненых. Из снующей тигрицы она превратилась в нечто похожее на викинг-завоевателя, презирающего побежденного врага даже в смерти и победе. Она отвергла молитвы архиепископа Кентерберийского за всех погибших и их семьи.

К зиме 1984 года я была уже вице-председателем тори по работе с женщинами и пользовалась правом регулярно в частном порядке общаться с Премьер-министром. Но в ней что-то менялось: она все дальше и дальше стремительно отдалялась от своих методистско-либеральных корней и приближалась к консенсусу с грандами-нуворишами “понеделничного клуба” и солидному богатству ее Северо-Лондонского округа. Министры Кабинета и их парламентские заместители, почти сплошь мужчины, благоговели, преклонялись перед ней и лишали ее перспектив, избегая споров, которые могли бы обострить ее демократическую настороженность. Всегда оставаясь ученой, Тэтчер постепенно оказалась в условиях, когда не было необходимости напрягать свой интеллект. Она утратила возможность обсуждать все аспекты тех или иных проблем, ей недоставало настоящих дебатов внутри своей собственной партии. В конце концов она не прислушалась к моим убедительным аргументам по вопросу о льготах по подушному налогу для неработающих замужних женщин, сказав мне, что природа брака такова, что женщины должны в финансовом плане зависеть от мужчин. И тогда я поняла, что современный мир зародился и развивался в стороне от нее, поскольку ее окружение делало все, чтобы она ничего о нем не знала.

Бомба, взорвавшаяся в Брайтоне, была поворотным пунктом. Припав к земле за спинами военных сил безопасности и спецподразделений полиции, под угрозой настоящей боли и смерти, неспособная действовать как нормальный политик и работать на улице, она медленно погружалась в теплую, приятную рутину, превращаясь в богиню домашнего очага для своего слепо амбициозного ближайшего официального круга. Мало-помалу новые доноры партии стали ее блестящей аудиторией, от которой она неизменно получала только поддержку и одобрение. Она перестала читать замечания в свой адрес в газетах, находя, что такое чтение наносит ей слишком большой вред.

С четверга по вторник — ноябрь 1990 года

Мне было совершенно ясно, что госпожа Тэтчер потеряла власть над самыми сильными своими потенциальными врагами в Кабинете. Она попала в западню вместе со своими врагами, молодыми людьми с яркими глазами, вроде тех, что прошли через

младшие министерские посты в Министерстве образования и могли видеть, что Премьер-министр, сама будучи ученым, хочет разрушить уравнивающее влияние учебы в нашей стране. Она бездумно лезла вверх по лестнице, как Рейган это делал в Сакраменто и Белом доме, мешая новым талантам стремиться на вершину. И эти молодые тори дождались своего часа: они стали внутренней сердцевинной мятежа, дожидаясь только, когда какой-нибудь Хезелтайн или Хоу отважиться начать свержение.

Я трижды, в конце концов, в официальном заявлении, сообщала госпоже Тэтчер, что буду голосовать против нее. Ни она сама, ни кто-либо из ее окружения не смог понять, что я хотела сказать. Они жили в коконе взаимного восхищения друг другом и общности, основанной на солидном государственном богатстве.

Когда они наконец оценили мою решительную позицию, хотя и было уже слишком поздно, они тотчас продемонстрировали в отношении госпожи Тэтчер такое вероломство, что я даже испугалась: все, о чем они могли думать, — это где им искать новый пост, лучшую работу, а не о том, как им проводить ее с достоинством, которого она заслуживает.

За день до голосования я убедила двоих своих товарищей-тори: один должен был голосовать со мной против нее, а второй — воздержаться. Мы создали решающий перевес в два голоса, и она проиграла. Она оставила за собой очень разнородную, неререформированную партию, рабски следующую трансатлантическим моделям, не адаптированным применительно к Британии. Таланты этой партии боролись за то, чтобы вырваться из-под государственного контроля, который она, будучи либералом лишь отчасти, немилосердно насадила.

СЭР БРАЙАН МОУВИННИ

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1992 по 1997 г.

Брайан Моувинни занимал в Кабинете пост министра транспорта с 1994 по 1995 г., а также пост министра без портфеля с 1995 по 1997 г. Он был председателем Консервативной партии с 1995 по 1997 г. Книга его воспоминаний "На линии огня" была опубликована в 1999 г. издательством "Харпер Коллинс".

Сочувствие

И те из нас, кто работал с Маргарет Тэтчер, и многие другие знали о ее силе, ее преданности цели и, временами, пристрастной агрессивности. Всем известно, что она всегда без обиняков высказывала взгляды, которых неукоснительно придерживалась.

Гораздо меньшее количество людей знало о ее чуткости и способности относиться к людям с сочувствием. Моя семья и я на своем опыте смогли почувствовать эту ее личную заботу.

В начале восьмидесятых Клуб консерваторов Питерборо решил расширить свое помещение. Мне посчастливилось уговорить Маргарет, в то время Премьер-министра, присутствовать на церемонии официального открытия нового помещения. Моя овдовевшая мать, которая недавно переехала к нам жить из Белфаста, прибыла с нами в Питерборо на празднование, не в последнюю очередь потому, что она никогда раньше не встречалась с Премьер-министром.

Мероприятие вызвало большой энтузиазм, и когда прибыла Маргарет, в помещении Клуба собралось несколько сотен людей.

Они восхищенно приветствовали ее, громко аплодировали, когда она проводила официальное открытие, смеялись над ее шутками и с энтузиазмом отнеслись к ее призыву к политическому действию в поддержку ее правительства и его идеалов. Планировалось, что после формального открытия она смешается с гостями и в ожидании этого многие ринулись вперед, чтобы приветствовать ее.

Когда я представлял свою семью и мать, Маргарет узнала, что она недавно приехала из Белфаста. После этого Премьер-министр посвятила ей около пяти минут, разговаривая с ней и расспрашивая о ее жизни в провинции и о том, какие там сейчас трудности. Она забыла о напирющей толпе и разговаривала с моей матерью с большой чуткостью, как будто бы они были в комнате одни. Ее способность сосредоточиться на человеке и дать ему почувствовать свою значимость, какими бы ни были последствия этого для Премьер-министра в тот момент, поражала и впечатляла.

Просто жаль, что не так много людей понимали, какой теплотой сочувствия, заботы и неподдельного интереса она могла делиться с простыми людьми даже в непростой обстановке.

Когда я слышу, как говорят о твердости Маргарет, я не могу также не думать о том, что она обладает щедростью духа в отношении к людям, что само по себе довольно замечательно.

МАЙКЛ ГОВАРД

МИНИСТР КАБИНЕТА МИНИСТРОВ с 1990 по 1997 г.

Майкл Говард — депутат парламента — консерватор от Фолкстоуна и Хайта. Впервые он был избран в парламент в 1983, а в 1985 г. стал членом правительства Маргарет Тэтчер. Он был назначен министром труда в январе 1990 г. Двумя годами позже стал министром окружающей среды, а в 1993 г. назначен министром внутренних дел. На этом посту он оставался до всеобщих выборов 1997 г.

Впервые я повстречался с Маргарет Тэтчер, когда, будучи министром образования в Кабинете Хита, она давала обед в возглавляемом мною клубе консерваторов “Конингсби Клуб”. Она производила огромное впечатление, полностью владела предметом и, как мне подумалось, излучала авторитет.

Несмотря на это, я в тот момент не подозревал, что вижу перед собой будущего Премьер-министра. Но спустя некоторое время, после ряда событий, произошедших вне стен Палаты общин, я был рад, узнав в 1975 году, что она избрана лидером Консервативной партии.

Люди забыли, в каком состоянии была страна в те годы вплоть до 1979. Атмосфера пораженчества — преобладающий климат того времени — была экономическим и социальным эквивалентом Мюнхена. Помню, как Питер Джей, который в то время считался восходящим гуру своего поколения, делился результатами проведенного ним анализа: “Либо, — говорил он, — мы будем иметь правительство, которое решиться искоренить причины своей слабости — в этом случае оно будет вынуждено при-

нять такие непопулярные меры, что никогда не будет избрано на второй срок, — либо у нас будет правительство, не готовое принять такие меры — в этом случае слабость и провалы будут продолжаться и ускоряться”.

Меры, предпринятые Маргарет Тэтчер, конечно же, были непопулярными. Но с самого начала она демонстрировала решимость и решительность, которые, как мне кажется, позволяют сравнить ее с Черчиллем мирного времени. У меня было не так много контактов с ней после той первой встречи, даже после того, как в 1983 году я был избран в парламент.

Она в то время была на вершине своей власти, пользуясь поддержкой большинства в 144 голоса. При этом оппозиция, казалось, была в полном упадке. Ее стычки с Нилом Кинноком были до того односторонними, что было просто стыдно за него, и это резко контрастирует с тем, что происходит на Даунинг-стрит сейчас.

В сентябре 1985 года меня пригласили занять пост в правительстве. Это был незабываемый момент. В то время я был дома, в Кенте, и меня спросили не занят ли я и могу ли поговорить с Премьер-министром. После этого телефон зазвонил снова и меня спросили, могу ли я приехать в Лондон на встречу с ней.

“Почему она хочет, чтобы ты поехал в Лондон?” — спросила моя жена.

“Наверное, у нее сломался телефон”, — предположила наша восьмилетняя дочь.

Моим первым постом был пост министра по делам корпораций и потребителей в Министерстве торговли и промышленности. Именно там я начал из первых рук приобретать опыт, свидетельствующий об интересе Премьер-министра к деталям, ее пристрастии к ним и умении оперировать деталями.

Мы обсуждали в ее кабинете в Палате общин один сложный момент, связанный, как я припоминаю, с Законом о финансовых услугах. Она спросила меня, что означает ссылка в примечании к подготовленной для нее справке. Я не знал. Я не могу утверждать, что с тех пор стараюсь владеть информацией о каждом примечании, но я, безусловно, получил мощный стимул к тому, чтобы очень тщательно готовиться ко встречам с Премьер-министром.

В политике всегда опасно иметь очень специфические и конкретные честолюбивые замыслы. У меня был один такой — я отчаянно хотел стать членом Кабинета, пока она еще не покинула пост Премьер-министра. Мне это почти удалось. В январе 1990 года она назначила меня министром труда. В ноябре того же года она ушла.

Меня нередко спрашивают и я часто думаю сам о роковых событиях того ноября. Совет, который я дал ей, мои мысли и чувства в тот момент подробно описаны в другом месте. Я сказал ей, что если она решила бороться, то я буду с ней до последнего. Но я также высказал свое мнение, что она проиграет на втором голосовании, возможно с большим счетом.

Я и сейчас думаю, что этот честный совет был правильным, хотя мы, конечно же, никогда не узнаем наверняка. Но я не разделяю взглядов тех, кто говорит, что, если бы она осталась, то ни за что не выиграла бы четвертых всеобщих выборов. Мне кажется, что она выиграла бы снова, и все мы можем бесконечно рассуждать по поводу того, как бы это сказалоь на истории последних десяти лет.

Со своей стороны я всегда считал большим везением то, что мне посчастливилось в течение пяти лет служить под руководством, возможно, величайшего Премьер-министра мирного времени, какого видела наша страна.

ПОЛ ЭЛЛИОТ

БЫВШИЙ КАПИТАН АВИАЦИИ,
КОРОЛЕВСКАЯ ВОЗДУШНАЯ ПОЛИЦИЯ

Летая с Мэгги

В течение двух лет я имел честь быть одним из тех, кто обеспечивал осуществление напряженного графика Премьер-министра. Я служил капитаном авиации в Королевской воздушной полиции. В мои обязанности входило осуществление мер по летной безопасности для глав министерств Кабинета всякий раз, когда они отправлялись в дальние поездки по официальным делам, в особенности для Премьер-министра. Некоторые из этих поездок широко освещались в прессе, в особенности, когда мы брали на борт самолета многочисленных представителей прессы, а также сопровождавших Премьер-министра официальных лиц. Другие поездки освещались не так широко, часто это случалось тогда, когда ей нужно было за очень короткий срок провести встречу “один на один” с кем-то из своих зарубежных коллег.

За исключением одного продолжительного полета с острова Вознесения на Фолклендские острова, когда Маргарет и Дэнис Тэтчеры размещались во встроенном кабинете, прочно прикрепленном к полу грузового самолета “Геркулес VC-10” (а остальные старались устроиться с возможным комфортом в грузовом отсеке), мы неизменно летали в довольно роскошном “VC-10” — гордости команды поддержки Королевских вооруженных сил. Мне в моей работе мешали только несколько пассажиров — высоко-

поставленных лиц, а также лиц средней важности, — которым их самонадеянность не позволяла выполнять простые инструкции по безопасности, например, касающиеся того, что можно, а чего нельзя перевозить в самолете. Мы просматривали личный багаж всех пассажиров всякий раз, когда его загружали, и я помню, как я смущался, когда мне нужно было это проделать с Железной леди в первый мой полет с ней.

Мне не следовало опасаться. Маргарет Тэтчер была самой понимающей из всех пассажиров, и мне доводилось в этом убеждаться всякий раз, когда моя команда работала с ней. В круг моих обязанностей входило первым спускаться по трапу из самолета, куда бы мы ни прилетали. В зависимости от того, какова была в месте прибытия атмосфера в плане безопасности, существовал разный порядок того, как я, а за мной и Премьер-министр, должны были спускаться на неизменный красный ковер и направляться к рядам высокопоставленных лиц принимающей стороны, собравшихся, чтобы приветствовать ее. Всякий раз непосредственно перед тем, как покинуть безопасный салон самолета, я вкратце информировал госпожу Тэтчер об этом и она каждый раз внимательно меня слушала и делала в точности то, что было нужно. Другие высокопоставленные лица, которых я сопровождал в том же качестве, часто пренебрегали инструкциями и проявляли легкомыслие. Премьер-министр никогда этого не делала. Это правда, что она терпеть не могла дураков, но ко мне и другим младшим сотрудникам, которые делали все возможное, чтобы все было в порядке, она всегда относилась с пониманием.

Между церемониалом и интенсивной работой на земле наш самолет часто играл для наших высокопоставленных пассажиров роль убежища. Было необходимо, чтобы все находящиеся на борту после взлета отдохнули; салон был не очень велик, в нем не было места, где бы человек мог остаться наедине с собой. Естественно, бывало много частных моментов, которые пассажирам приходилось переживать сообща. Такие моменты никогда не следует обсуждать на людях. Однако некоторые высокопоставленные лица держались особенно отстраненно, на грани напыщенности, чего нельзя сказать о Маргарет Тэтчер, которая никогда не была “ледышкой” в таких обстоятельствах, вопреки тому, что,

насколько мне известно, многие думают о ней. Она не раз принимала участие в коротких приятных беседах во время продолжительных полетов. При том, что большая часть ее времени всегда была посвящена занятиям государственными делами, перемежающимися с коротким неглубоким сном (а она обладала удивительной способностью всегда моментально просыпаться в точном соответствии с расписанием мероприятий, и никто ее не будил). Четко составленный, напряженный график был непреложной отличительной чертой этих поездок вокруг света; мы всегда стремились прибывать и отправляться точно в намеченное время, но иногда политические переговоры затягивались, и нам приходилось ждать прибытия на борт нашего главного пассажира на несколько часов дольше, чем планировалось. Помню, такое случилось в душную жару в одной из стран Среднего Востока, а потом еще раз в жуткий холод зимой в Норвегии. В обоих случаях Премьер-министр извинилась перед нами за то, что прибыла с опозданием, чего ни разу не сделал ни один из ее коллег-мужчин, которых мы перевозили при аналогичных обстоятельствах.

Мы не всегда беспокоили Премьер-министра по поводу технических проблем, которые, что вполне понятно, возникали время от времени, и я помню, как мне пришла в голову мысль, что интересно было бы узнать, не рассердилась ли бы она, узнай об этом. Я получил более чем исчерпывающий ответ на этот свой вопрос когда возникла одна проблема. Мы взлетели из Лондона в обеденное время осенью 1992 года, направляясь в Токио (а оттуда должны были лететь в Пекин на подписание договора, освобождающего Гонконг в пользу Китая). Спустя пару часов после взлета, когда мы летели в северном направлении, а госпожа Тэтчер отдыхала в кресле капитана в помещении для экипажа, штурману сообщили, что власти в Лондоне получили информацию о том, что у нас на борту находится бомба. Это сообщение повергло нас в большое замешательство, хотя я был уверен, что вероятность ничтожно мала, так как мы предприняли очень строгие меры по обеспечению безопасности. Тем не менее, командир самолета (мой коллега, капитан Королевских воздушных сил) решил, что нам следует совершить внеплановую посадку, чтобы проверить самолет. Он сказал пассажирам, что из-за неожидан-

ного встречного ветра возникла необходимость в дозаправке. Мы приземлились на отдаленной базе Воздушных сил США на Аляске, все покинули самолет, и его окружили техникой, чтобы из здания аэропорта не было видно, что мы там делаем. Я уверен, что госпожа Тэтчер мило провела время, будучи исключительно любезной с майором Воздушных сил США, старшим офицером на базе, пребывавшем в панике от этого неожиданного посещения.

В тот раз у нас не оказалось никакой взрывчатки, но я оставался в неуверенности относительно того, рассердилась ли бы Премьер-министр, узнай она, что мы скрыли от нее истинную причину нашей незапланированной “дозаправки”. Мне представился случай сказать ей об этом несколько недель спустя, после того, как мы, давно уже благополучно вернувшись в Лондон, развлекались на приеме на Даунинг-стрит, 10. Она внимательно выслушала мой рассказ и просто сказала: “Спасибо Вам”. Я уверен, что ее спокойная реакция была абсолютно искренней. Я представляю, как тревожно должны себя чувствовать люди, ведущие публичную жизнь, постоянно находясь под угрозой. Если госпожа Тэтчер и испытывала страх, то она не подала виду.

В сентябре 1983 года я был в Германии с сопровождающими госпожу Тэтчер лицами в рамках другого государственного визита. Командир самолета получил сообщение, что в Англии скоропостижно скончалась моя мать. Конечно же, я был в отчаянии и не мог вернуться домой, чтобы увидеться со своей семьей так быстро, как мне того хотелось. Я не ожидал, что кто-то из старших членов делегации узнает о моей потере, и был очень удивлен, когда госпожа Тэтчер отыскала меня и поговорила со мной с большой теплотой. Я уверен, что госпожа Тэтчер не помнит меня, поскольку я был одним из многих. Что до меня, то в моих воспоминаниях Маргарет Тэтчер никогда не ассоциируется с Железной леди. Я полагаю, что она обладала замечательной способностью сочетать в себе черты простого человека с умением быть “боссом”, когда в том возникала необходимость.

МАЙКЛ КОКЕРЕЛЛ

АВТОР И РЕЖИССЕР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ

Режиссер удостоенных наградами документальных фильмов, Майкл Кокерелл работал в сфере политического телевидения более 25 лет. Наибольшую известность он приобрел как политический репортер программы "Панорама" производства компании "Би-Би-Си". Его заслужившее шумное одобрение исследование биографий ряда премьер-министров и роли телевидения, опубликованное под названием "Прямой репортаж с Даунинг-стрит, 10", увидело свет в издательстве "Фабер энд Фабер" в 1988 г. Последние из его фильмов представляют собой биографические очерки о Тони Блэре и Элестере Кембелле.

Прайм-тайм Мэгги

Мои отношения с Маргарет Тэтчер складывались не всегда гладко. Через несколько лет после того, как она оставила пост Премьер-министра, я снимал леди Тэтчер и лорда (Билла) Дидса на литературном ленче Фойлса для телевизионного биографического очерка о Дидсе по заказу "Би-Би-Си". "Вы знаете Майкла Кокерелла, — сказал он ей озорно, — всегда ли он был добр к Вам в Вашу бытность Премьер-министром?" "Нет, — отвечала она со своим особым ударением, — нет, не был".

Возможно, она имела в виду "Панораму", которую я сделал после начала фолклендского кризиса, но еще до того, как наши войска приступили к действиям. В этой программе некоторые депутаты-тори выразили свои надежды, что войны можно избежать

и с честью урегулировать конфликт путем переговоров. Это была непопулярная точка зрения, и на следующий день в Палате общин консерватор госпожа Салли Оппенгейм спросила госпожу Тэтчер во время, отведенное для вопросов и ответов правительства: “Выделит ли госпожа Тэтчер в своем напряженном рабочем дне время, чтобы посмотреть запись вчерашней “Панорамы”, в которой Майкл Кокерелл нарушил право свободы слова в этой стране”. До этого момента я не осознавал, что программа была настолько хороша.

Но Премьер-министр, похоже, разделяла чувства спрашивающей, так как она сказала: “В этой стране есть некоторые люди, которые не понимают своего долга в демократической стране, который велит нам встать за наших ребят”. Этот ответ означал собой тяжелые времена в наших отношениях, но она была великодушной в своей фолклендской победе и согласилась — после некоторого перерыва — давать мне в дальнейшем интервью как Премьер-министр.

Как мне кажется, хорошие времена в наших встречах имели место тремя годами раньше, когда во время всеобщих выборов 1979 года я снимал для “Би-Би-Си” фильм о ее кампании, и Железная леди была полна решимости опровергнуть обвинения лейбористов в жесткости и безразличии. В данном мне интервью она приняла имидж, близкий к котенку.

Я сказал ей, что порою складывается впечатление, что есть две госпожи Тэтчер: одна посещает супермаркеты и фабрики, демонстрируя бесконечное восхищение мелочами жизни и работы людей, а другая — политик, стоящий на жесткой платформе и исполненный рьяных убеждений.

“Так сколько же Тэтчер?” — спросил я.

“О, их по крайней мере три, — ответила она, — одна из них интеллектуалка, одна руководствуется интуицией, а есть еще одна — домашняя”. Ее манера была настолько интимной — даже кокетливой, — что покойный сэр Робин Дей, просматривая в студии отснятое интервью, пошутил: “Нерассказанная история об избирательной кампании: у Маргарет Тэтчер роман с Майклом Кокереллом”.

В последний раз я интервьюировал ее в качестве Премьер-министра, когда работал над портретом Уилли Уайтлоу для “Би-

Би-Си". Это было в мае 1989 года, и госпожа Тэтчер только что отметила десятилетие своего пребывания на посту, но в ее ушах звучало предостережение заместителя главного парламентского партийного организатора Тристана Герела Джонса: "Террористы прячутся в кустах, поджидая Вас".

Я спросил лорда Уайтлоу, как долго, по его мнению, госпожа Тэтчер сохранит за собой пост Премьер-министра. "О, да, она очень компетентна, очень сильна. Я надеюсь, что она будет оставаться на посту еще очень долго", — отвечал он.

"Но она не бессмертна", — осмелился заметить я.

"Нет, она не бессмертна", — ответил Уилли. А затем добавил: "Но, возможно, все-таки бессмертна".

На Даунинг-стрит, 10 я рассказал об этом диалоге перед камерой госпоже Тэтчер. Просматривая пленку сегодня, можно сделать интересные открытия.

Если остановить кадр как раз в тот момент, когда она слышит мой намек о ее смертности, то на ее лице можно в течение мгновения наблюдать интересное выражение — смесь явной паники и удивительного откровения. Через несколько кадров оно проходит, и она вновь обретает спокойствие, слыша, что ответил Уилли. "Как мило, что Уилли сказал это, нет, я не бессмертна и я не знаю, сколько я буду оставаться на этом посту, и никто этого не знает".

Через несколько месяцев она оставила пост Премьер-министра. И, как каждому тележурналисту, мне ее не хватает. Если вам хоть раз удалось поймать Маргарет Тэтчер своим видеоискателем, она никогда не перестает давать вам захватывающий видеоряд и мощные цитаты. Телевидение, которое в любом случае, как правило, преувеличивает личность, в течение пятнадцати лет лидерства тори имело дело с гигантской личностью. Дизраэли, Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль стали Премьер-министрами до наступления эпохи телевидения.

К счастью, госпожа Тэтчер стала Премьер-министром уже после ее наступления.

ДЖУЛИЯ ЛЕНГДОН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Джулия Ленгдон является независимым политическим обозревателем, в прошлом политическим редактором "Дейли Миррор" и "Санди Телеграф". Она автор книги "Мо Моулам: Биография", опубликованной издательством "Литл Браун".

В дороге с Мэгги

Возможно, наиболее удивительный момент в наших взаимоотношениях с Маргарет Тэтчер случился на высоте около 30 тыс. футов. В самолете "RAF VC-10", где мы так часто бывали, на пути в Австралию. Я с ужасом просмотрела официальную программу, когда она была разослана незадолго до начала поездки. Длинная и очень напряженная, но самое ужасное состояло в том, что была намечена одна ночь в воздухе по пути туда, а потом целый ряд остановок на одну ночь в нескольких австралийских городах. Я мрачно раздумывала над тем, что до самого Бангкока нам не удастся ничего постирать, а до него мы доберемся только через 10 дней после начала поездки. Когда Премьер-министр, подремав немного в самолете, пришла в себя и принялась просматривать свою программу, будучи одной ногой на пути в какую-то страну Среднего Востока, я вежливо спросила ее для поддержания разговора, что она о ней думает. "Ах, — сказала она явно о наболевшем, — а Вы заметили, что мы не сможем ничего постирать до самого Бангкока!"

Должна сказать, что было довольно волнующе обнаружить, что ваша реакция на не поддающийся прогнозированию набор

обстоятельств может быть до такой степени полностью идентичной реакции Премьер-министра. И вовсе не старого Премьер-министра.

Мы вместе несколько раз объехали вокруг света — госпожа Тэтчер и я. Исключительно по ее воле, конечно. За годы ее пребывания на посту Премьер-министра я была политическим редактором того и этого, и всегда мои работодатели поручали мне сопровождать Ее Милость, куда бы она ни направлялась. Это было очень здорово, по крайней мере когда об этом вспоминаешь, поскольку поездки эти состояли из бесконечных дней и бессонных ночей. И когда вы наконец добирались до кровати впервые за, как кажется, несколько недель, где-то на другой стороне света, вы всегда могли рассчитывать, что тут же позвонят из отдела новостей и скажут, что звонил читатель, который интересуется каким-то тривиальным фактом и хочет, чтобы вы его осветили.

Я присутствовала, когда вооруженные банды ворвались в полночь и принялись играть туманные национальные гимны на другом конце бесконечной красной дорожки, проложенной через иностранный аэропорт. Я наблюдала, как пожилые диктаторы ходили перед ней на задних лапках, и видела как она сама это делала. Это не всегда было так здорово, как может показаться. Я следовала за ней на стройплощадках на Среднем Востоке, на очистных сооружениях в Каире, на шахте в Намибии, на новой массовой транзитной системе в Сингапуре. Я видела, как она с двумя африканскими президентами пила чай в траншее в военной зоне на границе Мозамбика и как ей неожиданно подарили арабского жеребца в пустыне на Среднем Востоке, и она не сумела объяснить, что это не совсем в ее стиле. Я морщилась, почувствовав неожиданную симпатию к феминисткам, когда лучи Иорданского солнца просветили насквозь ее платье, и она предстала в таком виде, будто абсолютно обнаженная, обходя строй почетного караула, построившегося, чтобы ее приветствовать. Я наблюдала сильных мужчин и женщин, которые падают в обморок от жары в лагерях беженцев в Израиле и Зимбабве, в Иордании и Камбодже, и думала о том, выдержит ли она и — да! — выдержу ли я тоже. Возможно, все это происходило в другом порядке. Я была вместе с ней в самолете, когда мы направлялись посетить

Малави и в нас стреляли партизаны. Я не знала об этом, пока не был опубликован первый том ее воспоминаний. “К счастью, они промахнулись”, — заметила она, вспоминая этот инцидент. Мы вместе с ней посетили Большой театр, присутствовали на свадьбе в Тбилиси и на мессе в Загорске. Видели мятеж в Мельбурне и еще один в горячем и пыльном сахарском ветре-хартамане, когда наблюдали “дарбар” в Кано.

Это всегда была работа. Она не отдыхала. Возможность посетить бассейн, если он вообще был, выпадала очень редко. Она не любила осматривать достопримечательности, культура не интересовала ее по-настоящему. Она не хотела, чтобы думали, будто она ищет развлечений или приятного времяпрепровождения, за исключением, конечно, того, что связано с политикой. Однако как-то раз ее убедили в том, что ей следует показать, что она разбирается в таких вещах. Мы галопом пронеслись по чудесам Луксора за каких-то пару часов, как всегда в середине дня, когда температура доходит до 120 градусов, просто потому что более удобного времени, кроме этой нездоровой поры дня, в ее программе для такой экскурсии не нашлось. Кто-то сказал ей, что она просто обязана продемонстрировать свой интерес к чудесам Древнего Египта как таковым. Поэтому, когда мы взлетели, она приказала пилоту опустить свой “VC-10” на высоту 3 тыс. футов, чтобы мы могли насладиться зрелищем храмов Абу-Симбела в верховьях Нила. В следующей поездке мы покружили над скалой Айерс-рок в Австралии. Читатель, я вынуждена сказать, что мы не смогли отдать должное этим чудесам света.

Во время наших совместных поездок было много забавных моментов, и воспоминания о некоторых из них мне особенно дороги. Например, во время экскурсии по выставке “Эскпо” в Брисбене, собралось огромное количество австралийцев, желающих хоть краем глаза увидеть великую Мэгги Тэтчер. Помещение было сильно переполнено, и толпа постепенно отдалялась от того места, где знаменитость осматривала экспонаты. Но там присутствовало некоторое количество подхалимствующей публики средней руки, включая прессу. Госпожа Тэтчер как раз должна была проходить около того места, где стояли мы, и я, видя нескольких маленьких детей, жаждущих увидеть легендарную личность, предложила

матери одной девочки взять ребенка на руки, чтобы ей было лучше видно. Я держала ее так, чтобы она могла видеть проходящую мимо знаменитость, и госпожа Тэтчер остановилась при виде радостно улыбающегося личика девочки. Поблизости не было других детей, поскольку это было место для прессы, и публика находилась гораздо дальше. Но госпожа Тэтчер этого не поняла и, руководствуясь инстинктом политика, устремилась к нам. Никогда не забуду ужас, отразившийся на ее лице, когда она поняла, что ребенка держу я. “О! — воскликнула она с досадой и отсутствием понимания в голосе. — Так это Вы!”

Но пожалуй самый мой любимый момент произошел в Москве, когда госпожа Тэтчер должна была присутствовать на встрече главнокомандующих войск СССР с их коллегами из Министерства обороны Великобритании. Я приехала с небольшим опозданием, когда остальные представители прессы уже были на месте, но Премьер-министр еще не прибыла. Чтобы смысл этой истории был понятен, нужно сказать, что людям из Советского Союза все западноевропейские женщины средних лет кажутся на одно лицо. Так или иначе, я вскочила в лифт, чтобы подняться на нужный этаж в тот момент, когда госпожа Тэтчер вот-вот должна была встретиться с руководящей верхушкой — в прямом смысле этого слова — советской военной машины, и когда двери лифта открылись, они подумали, что приехала она. Зазвучала музыка, и присутствующие военные быстро приняли стойку “смирно”, отдали честь и щелкнули каблуками. Мужчина с множеством шевронов и звездочек на плечах сделал шаг вперед, чтобы приветствовать меня. “Я из “Дейли Миррор”, — сказала я, стремясь рассеять недоразумение. — Госпожа Тэтчер еще не прибыла”. Они выглядели совершенно сбитыми с толку. Мне кажется, это было просто замечательно.

УИЛЬЯМ ХАГ

ЛИДЕР КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ

Уильям Хаг стал лидером Консервативной партии после отставки Джона Мейджора в 1997 г. До этого он занимал посты государственного министра соцуобеспечения и помощи инвалидам и министра по делам Уэльса.

Последнее выступление Мэгги

У многих из нас сохраняются воспоминания о Маргарет Тетчер, неизгладимо врезавшиеся в политическое сознание. Я же навсегда запомню ее последнюю речь в качестве Премьер-министра, произнесенную в Палате общин в ноябре 1990 года после принятия ею решения об уходе с поста лидера Консервативной партии.

Она одиннадцать лет оставалась на посту Премьер-министра и в течение всего этого времени определяла политику Британии. Для меня она стала одним из первых политических героев, и я отчетливо помню себя молодым “заднескамеечником”, сидящим на заседании Палаты и с чувством глубокой скорби наблюдающим ее в момент, когда она готова была вот-вот откланяться.

Но как она это делала! Те, кто ожидал, что она будет выглядеть поверженной или подавленной уроками последних дней, был весьма разочарован, поскольку вместо этого она подробно рассказывала о том, как Британия была спасена от все более стремительного падения и стагнации, в которые ее ввергли десятилетия социализма. В какой-то момент Дэннис Скиннер вмешался с пред-

ложением, что она может теперь занять пост управляющего новым Центральноевропейским банком. “Чудесная идея”, — отвечала она, вызвав веселье членов Палаты. И под одобрительные возгласы тори добавила: “Мне это нравится”.

Именно в этот момент консерватор-“заднескамеечник” Майкл Картисс высказал то, что многие из нас думали. Указывая на другой конец Палаты, он сказал: “Вы можете подметать пол этими людьми”. Это было потрясающее зрелище, которое присутствовавшие на нем не смогут забыть никогда.

Спустя несколько месяцев я видел, как она, зайдя в чайную комнату в Палате общин, разговорилась с Дэннисом Скиннером. Завидев ее, он воскликнул: “Без Вас, дорогая, все уже не так”. Глядя через комнату на него, она спросила в ответ: “Как поживаете, мой дорогой?” После чего они около 45 минут вели откровенную беседу, сидя рядышком, а все остальные напрягали слух, чтобы разобрать, о чем они говорят. Каковы бы ни были взгляды людей на ее политику, сама она пользовалась бесконечным уважением представителей всего политического спектра.

Я еще раз в этом убедился во время моих собственных выборов на пост лидера в 1997 году, когда она зашла в чайную комнату впервые с тех пор, как пятью годами ранее покинула Палату общин — к большому удивлению многих новоизбранных депутатов-лейбористов, которые никогда прежде не видели ее живьем! Весь былой авторитет, сила духа и убежденность, которые она излучала в свою бытность Премьер-министром, вернулись вместе с ней, когда она “дала жару” всем колеблющимся депутатам-консерваторам.

Именно эти качества помогли ей выстоять в самые трудные для нее времена на посту Премьер-министра, в частности, когда она выступала с речью 22 ноября 1990 года. Сегодня трудно даже себе представить, как тяжело ей было в тот момент. Но, тем не менее, эта речь стала торжественным финалом ее деятельности в качестве Премьер-министра, достойным всего достигнутого ею за предшествующие одиннадцать лет. Более того, для многих из тех, кому выпала честь присутствовать тогда в зале, это было одно из величайших парламентских представлений, которые мы когда-либо видели и сможем еще увидеть.

Общественно - политическое издание

ВОСПОМИНАНИЯ О МЭГГИ

Портрет Маргарет Тэтчер

Составитель *Иэйн Дейл*

Суспільно - політичне видання

СПОГАДИ ПРО МЕГГІ

Портрет Маргарет Тетчер

Укладач *Іейн Дейл*

Російською мовою

Керівник видавничих проектів *В.І. Карасьов*

Головний редактор *В.П. Розумний*

Редактор *О.С. Кириченко*

Контрольний редактор *О.О. Ганзюк*

Коректор *О.М. Кобець*

Комп'ютерна верстка *Є.В. Кирпича*

Обкладинка *Л.І. Жиборовської*

В оформленні книги з дозволу видавництва Politico's Publishing використано дизайн суперобкладинки англійського видання, розроблений фірмою Advantage. На першій сторінці обкладинки — портрет Маргарет Тетчер художника Дж. Мендоза (June Mendoza).

Видавництво “Знання-Прес” висловлює подяку Міжнародному громадському фонду соціально-економічних і політологічних досліджень (Горбачов-Фонд) за допомогу в підготовці спогадів М.С. Горбачова про Маргарет Тетчер.

**В Україні книгу можна передплатити у будь-якому відділенні зв'язку.
Передплатний індекс 01276**

Підп. до друку 25.12.2002. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Папір офс. Гарнітура Academy. Друк офс.

Ум. друк. арк. 21,5. Обл.-вид. арк. 17,3. Зам. № 2-3487.

Видавництво “Знання-Прес”

01042, Київ-42, б-р Дружби Народів, 19

Свідоцтво ДК № 91 від 16.06.2000

Тел. (044) 234-80-43, 234-23-36

E-mail: sales@society.kiev.ua

<http://www.znannia-press.com.ua>

В77 Спогади про Меггі: Портрет Маргарет Тетчер: Пер. з англ. / Уклад.: Іейн Дейл. — К.: Знання-Прес, 2003. — 349 с.

ISBN 966-7767-69-8 (рос.)

ISBN 1-902301-51-X (англ.)

У цій книзі зібрано розповіді про Маргарет Тетчер відомих політиків, членів Кабінету Міністрів Великої Британії, членів Парламенту, журналістів, багатьох інших людей зі світовим ім'ям. Усі вони надали свої спогади, знаючи, що гонорар за цю книжку буде перераховано на рахунок однієї з благодійних організацій леді Тетчер — Національної спілки попередження жорстокого поводження з дітьми. Оповіді авторів спогадів цікаві, змістовні, а в деяких випадках досить зворушливі. Вони розповідають про тріумфи і поразки Маргарет Тетчер, її ставлення до колег, підлеглих, обслуги, простих людей, дають читачу уявлення про характер леді Тетчер, її політичні погляди, підкреслюючи її людяність і доброзичливість.

Для широкого кола читачів.

УДК 82-94
ББК 66.61(4/8)